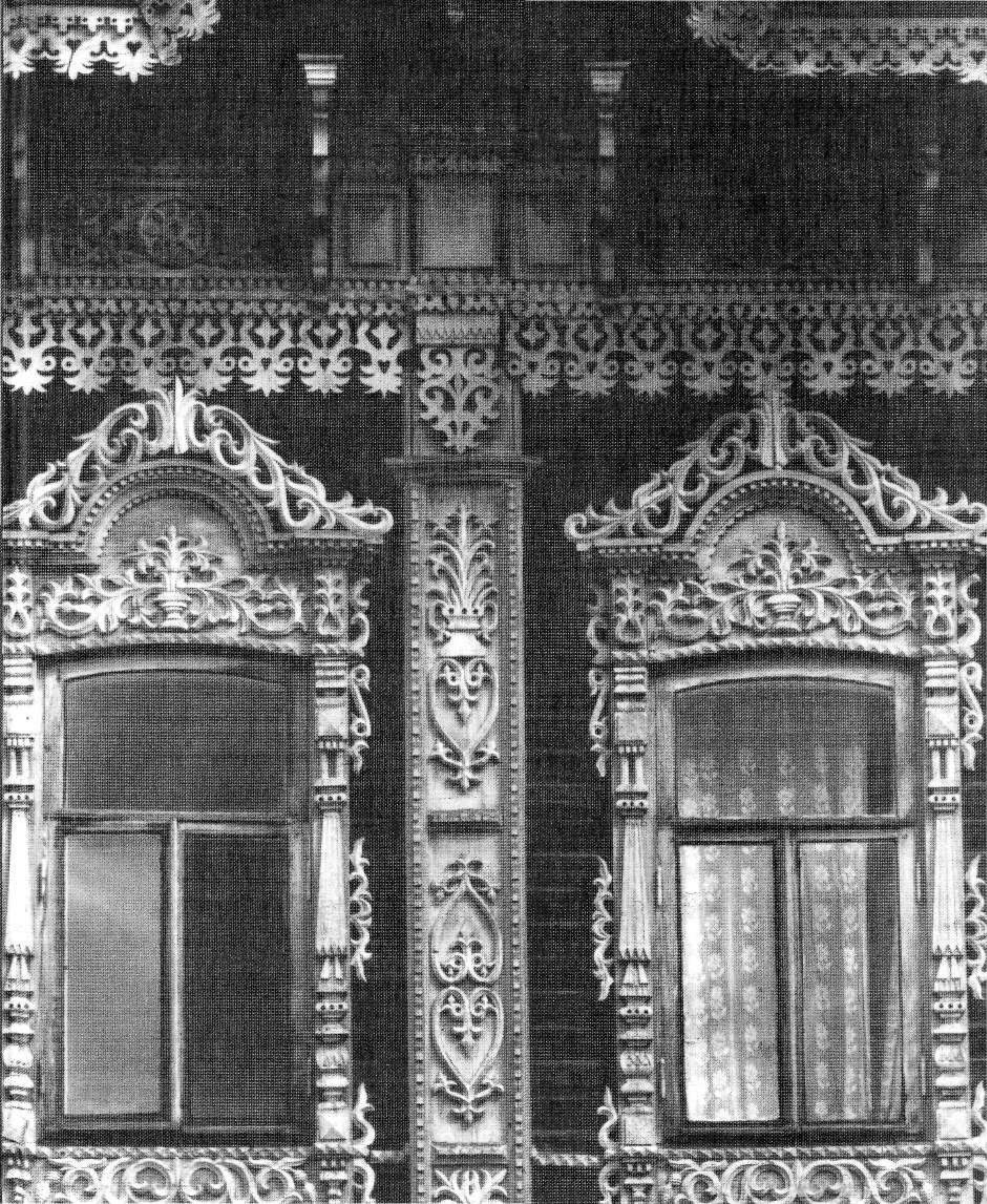

ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА
ТОМСКА



ДЕРЕВЯННАЯ АРХИТЕКТУРА ТОМСКА

Москва Советский художник 1987

На отрожистом мысу горы, еще не названной Воскресенской, русские служилые люди возводили крепость. Под горою плавно и величаво несла свои воды Томь; извиваясь, спешила к ней Ушайка. Шел сентябрь 1604 года.

Над юрточным кочевьем эуштинских татар по указу русского царя вырастал новый город — Томской. Плотно пригнанные, зарытые в землю и отточенные сверху свежеошкуренные бревна, словно неколебимый строй ратников, окружили его подворье, на котором, как грибы после дождя, росли золотистые срубы. Крепились первые венцы в основании рукотворного чуда, которое ныне, спустя века, удивляя и завораживая, именуется обыденно и просто — деревянной архитектурой Томска.

Составители альбома и авторы аннотаций:
Ю.И.Шепелев, З.А.Зайцева

Авторы статей:
Вступительная статья —
Ю.И.Шепелев
Градостроительные проблемы
развития Томска — З.А.Зайцева
Деревянное зодчество русского города
и архитектура Томска — Е.И.Кириченко
Перевод на английский язык Э.С.Мозольковой
Фотограф Э.И.Стейнерт
В альбоме использована фотосъемка
В.А.Кондратьева
Оформление и макет Л.В.Денисенко

Selection and notes by
Yu. Shepelev and Z. Zaitseva
Articles by Yu. Shepelev,
Z. Zaitseva and Ye. Kirichenko
Layout and design by L. Denisenko
English translation by E. Mozolkova
Photography by E. Steinert

72С1
Ш—48

Д $\frac{4902020000-063}{084(02)-87}$ 9–87



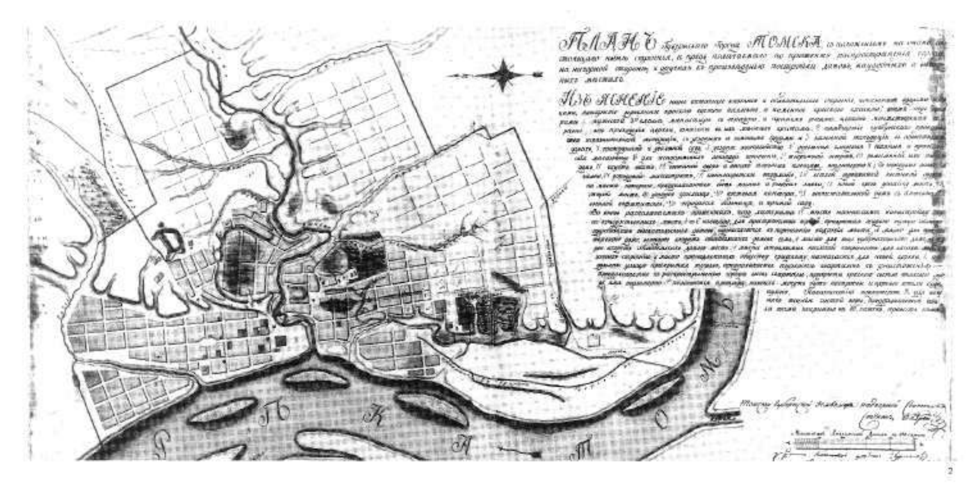
Невелика была первая крепость — около ста саженей в округе. Строили быстро и споро — до первых холодов в стенах крепости выросли воеводские хоромы и съезжая изба, погреба с военными припасами, ясашный и хлебный амбары. Дабы ускорить строительство, предписано было руководителям Томской экспедиции — казачьему голове Гавриле Ивановичу Писемскому и боярскому сыну Василию Фомичу Тыркову — „... лес ронить легкий, чтобы вскоре город и житницы поставить“. С тою же целью „съезжая изба и хоромы горницы и сени поставлены вместо городовыя стены“. Трудными были первые годы — не столько строить, сколько „держать порох сухим“ приходилось первопроходцам. Больше надеялись на себя, чем на господа бога, потому и церковь первая — Троицкая соборная — срублена была в крепости лишь в 1606—1607 годах. Удобно поставленная — в 40 верстах от впадения Томи в Обь — Томская крепость быстро обросла посадом. В 1609 году он так же, как и крепость, был обнесен стеной. Посадские люди служили государству службу — защищали подвинувшиеся границы, пополняли казну сбором ясака.

В 1622 году за стенами посада основали первый в городе Успенский монастырь с Воскресенской церковью при нем. Монастырь просуществовал недолго, а деревянная церковь, простояв до конца XVIII века, превратилась в приходскую, дав название территории, на которой возник город.

Быстро обживались Томские берега. К концу 1620-х годов посад на горе не мог вместить в себя всех жителей. Посему в 1630 году воевода князь Петр Приклонский строит под горой новый посад и обносит его острожной стеной.

Жизни деревянной постройке — век. Затем наступает неизбежная деформация конструкций: дождь, снег и ветер выносят неумолимый приговор. Но дожить до почтенного возраста доводится далеко не каждому деревянному сооружению. Огонь — самый лютый враг дерева — укорачивает и без того короткий век, пожирая в своем неистовстве не только отдельные здания. В истории русских городов нередки случаи, когда выгорали целые кварталы; а иногда на месте шумного города оставалось лишь знойное пепелище. Не избежал этой участи и Томск.

Первая тыновая крепость и посад в 1639 году выгорели дотла. Но городу суждено было возродиться, — благо богаты лесом сибирские края, да и опыта строительного русским служилым людям не занимать. Исстари, из глубины веков, от пращуров своих несли они плотницкое мастерство: строили избы и царские хоромы, поднимали в небо многоглавые храмы и возводили неприступные крепости. Лес для русского человека всегда был понятием живым, одухотворенным. Он кормил и одевал, согревал и укрывал в непогоду. И неудивительно, что не умирал он под топором мастерового, и лишь обретал новое естество, новую жизнь.

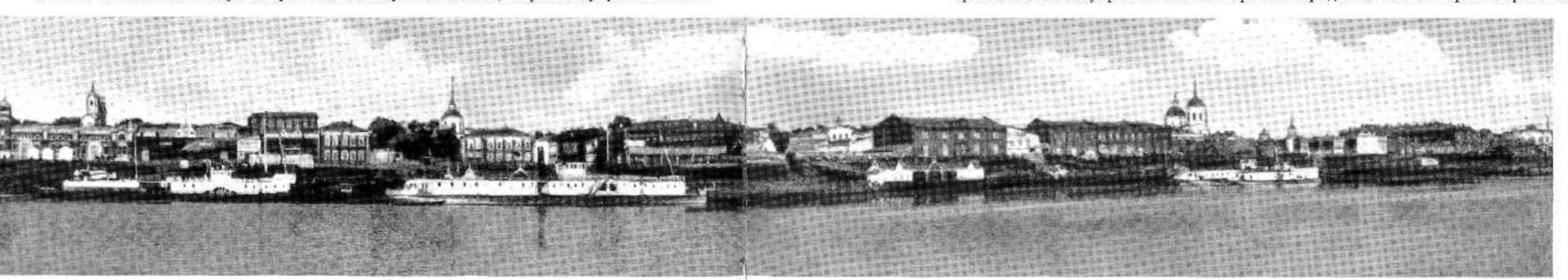


2
План города Томска
1818 года

2
Map of the city of Tomsk. 1818

Совершенствовалось и углублялось мастерство строителей Томска. В 1648 году после грандиозного пожара воевода Осип Щербатый возводит на Воскресенской горе взамен тынового рубленый детинец. Его тарасные стены представляли из себя достаточно мощное укрепление: две параллельные рубленные „в обло“ стены через промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенами, образовывавшими клети, которые засыпались камнями и землей. Крепость простояла до конца XVIII века, а затем была снесена за ненадобностью: границы Русского государства отодвинулись к тому времени далеко на восток, встретясь с Великим океаном.

Военно-стратегическая роль Томска со второй половины XVII века стала уступать место административно-экономической, а прокладка в начале XVIII века Сибирского тракта еще более укрепила ее. В это время в городе появляется первое кирпичное здание



1
Панорама города Томска
Вид с реки Томи
Фотография 1907 года

1
View of the city of Tomsk from the Tom River. 1907. Photo

— денежная кладовая в крепости. Деревянные приходские церкви постепенно заменяются каменными лишь во второй половине XVIII века, хотя соборной до начала XIX века остается рубленая Троицкая на территории бывшей крепости.

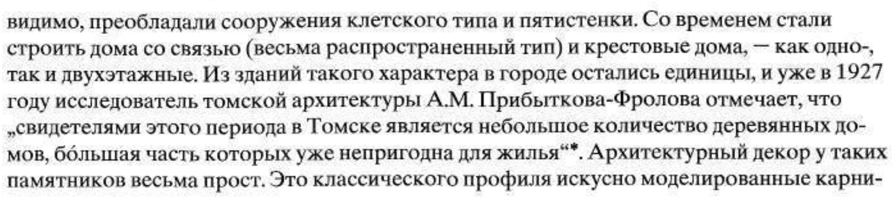
На протяжении XVII—XVIII веков неоднократно меняется статус города и его территориально-административная принадлежность. В 1629 году он становится областным, в 1708 году при образовании Сибирской губернии переименован в уездный (в 1719 причислен к Енисейской провинции). С 1726 года Томск входит в состав Тобольской губернии сначала уездным, а с 1782 года областным и с 1797 окружным городом. Наконец, в 1804 году город становится губернским и пребывает в этом ранге до 1924 года.

С повышением статуса повышается и благосостояние города. Хотя скорее первое было следствием последнего. Перекрещивание сухопутных и водных торговых путей выдвинуло Томск в разряд наиболее крупных торговых центров на востоке Российского государства. Оптовая торговля и конный извоз товаров на протяжении полутора веков вплоть до начала XX века стали главным двигателем его роста и процветания.

Тем не менее весь этот продолжительный период город оставался преимущественно деревянным. В 1804 году в Томске было 6776 жителей, 1508 домов, из них только 3 каменных, а в 1810—1536 домов, каменных лишь 5*. В силу причин, о которых было сказано выше, от деревянной застройки XVIII века почти ничего не осталось.

Академик Фальк, посетивший город в 1771—1772 году, писал, что в нем в 1772 году было „2274 дома — все деревянные, по неправильным и обывательским немощеным улицам". Он же отмечает частые пожары; „нигде так часто не случаются пожары, как в Томске; и, в бытность мою там несколько месяцев 10 раз били в набат"**. По старым гравюрам XVIII века можно судить, что это были рубленые строения, лишенные каких бы то ни было украшений. Внушительная суровость, основательность построек — вот главные отличительные черты этих зданий. Еще большую монументальность бревенчатым постройкам придавала постановка домов на высокий подклет — почти обязательную конструктивно-хозяйственную часть томского жилища. Планировочно поначалу,





видимо, преобладали сооружения клетского типа и пятистенки. Со временем стали строить дома со связью (весьма распространенный тип) и крестовые дома, — как одно-, так и двухэтажные. Из зданий такого характера в городе остались единицы, и уже в 1927 году исследователь томской архитектуры А.М. Прибыткова-Фролова отмечает, что „свидетелями этого периода в Томске является небольшое количество деревянных домов, бо́льшая часть которых уже непригодна для жилья"*. Архитектурный декор у таких памятников весьма прост. Это классического профиля искусно моделированные карни-

* А.М.Прибыткова-Фролова. Памятники архитектуры XVII—XIX вв. в Томске. — Сб.: Труды Томского Краевого музея. Томск, 1929, с. 32.



4



5

3
Вид на улицу Обруб
и Воскресенскую гору
с моста
через реку Ушайку
Фотография
конца XIX века
4
Октябрьская улица, 71
Общий вид дома
5
Водяная улица, 10
Общий вид дома

3
View of Obrub Street and
Voskresensky Slope from the
bridge across the Ushaika River
19th century. Photo
4
No 71 Oktyabrskaya Street
5
No 10 Vodyanaya Street

зы с дентикулами (сухарики) или без них, выполненные из половины огромного сечения бревна и поставленные прямо на верхний венец сруба. Окна как на первом, так и на втором этаже (особенность этого времени) имели ставни, которые расписывались краской и держались на кованых петлях. Завершались объемы высокими четырехскатными кровлями из теса. Примером такого рода построек могут служить дома по улицам Октябрьской, 71, и Водяной, 10. С конца XVIII века стали встречаться железные и черепичные покрытия.

Особенностью застройки городских улиц являлось то, что жилые дома не образовывали единого фронта вдоль проезжей части улиц, а располагались с бо́льшим или меньшим отступом от красной линии в глубь двора. Однако с самого своего основания, в отличие



Анонимный автор, скрывшийся под инициалами „А.М.", в „Письмах путешественника по Сибири", опубликованных в 1827 году в „Северной пчеле" (№ 15), пишет (письмо от 19 августа 1826 года), что в Томске „улицы расположены правильно, исключая еще немногие, кои представляют большую противоположность с регулярностью лучших частей целого... Многие из домов обшиты тесом и приятно окрашены; другие еще обшиваются; строят новый мост через один проток Ушайки, и работают набережную сей реки; но каменные здания по большей части носят на себе отпечаток какой-то пестроты и дурного вкуса в Архитектуре. — Причиною сему недостаток художников, которые неохотно выезжают из столицы в отдаленные губернии".

И тем не менее именно в этот период в Томске положено начало профессиональному „ученому" строительству. С образованием губернии вводится должность губернского архитектора (1804 год). Если ранее развитие объемно-планировочных композиций шло по линии совершенствования традиционного народного зодчества, то с этого времени — от планировки старых русских городов, в основе которых лежала радиально-кольцевая система, Томск застраивается по новой, прямолинейной системе с выраженным административным центром в виде кремля. С утратой военно-стратегического значения постепенно утрачивается значение старого центра (кремля) и еще более проявляются черты регулярности, хотя они и сочетаются с элементами свободной застройки, учитывающей природные условия ландшафта. В 1773 году Томск получает свой первый регулярный план с прямоугольной сеткой улиц. Этот план был заменен в 1830 году планом петербургского архитектора В.И. Гесте, в основе которово лежала веерная схема. Регулярные планы города предусматривали регламентацию застройки отдельных кварталов: в одних рекомендовалось возводить каменные постройки, в других — деревянные.

С конца XVIII и до середины XIX века город Томск застраивается преимущественно по „образцовым" проектам, своеобразно применяя их в зависимости от местных условий.



7



8

6
Октябрьская улица, 66
Общий вид дома
7
Улица Бакунина, 6
Общий вид дома
8
Улица
Розы Люксембург, 24
Общий вид дома

6
No 66 Oktyabrskaya Street
7
No 6 Bakunin Street
8
No 24 Rosa Luxemburg Street

и особенно в 1820—1840 годах — в строительную практику широко внедряются приемы русского классицизма. Сейчас трудно судить, насколько правомерно было стремление архитекторов-классицистов „спрятать", „замаскировать" дерево под камень, тем не менее дошедшие до нас образцы этой архитектуры свидетельствуют о высоком профессионализме как архитекторов, так и мастеровых — плотников, возводивших здания. Декоративный строй таких сооружений выдержан в строгих формах. Для деревянных построек периода классицизма (а для Томска он затянулся до 1860—х годов) характерны обшивка фасадов тесом (иногда под крупный каменный руст), рустованные углы; оконные проемы украшаются сандриками. Широко практикуется окраска фасадов. Примером может служить окраска главной гауптвахты, выстроенной в 1826 году (до настоящего времени не сохранилась): „Окрасить на масле в два раза красками: самую Гаубвахту, кровлю, все стены светложелтою, швы между рустиков, карнизы, арки, артик, наличники, косяки дверные и оконные и две пирамиды белильною; и лицевые два звена забора светложелтою, при оном карниз и цоколь белою. А сверх того на составе светложелтою краскою и прочие все заборы, принадлежащие Гаубвахте"*. Цитируемый документ не только позволяет восстановить окраску здания, но и говорит нам о широком наборе декоративных композиционных средств, применяемых в это время: и русты, и арки, и аттик, и пирамиды, — все элементы, характерные для каменных классицистических построек (которых, кстати, в Томске было значительно меньше). В первой половине XIX века существовала строгая регламентация не только фасадов жилых построек, но и малых архитектурных форм, таких как ворота, заборы. Неоднократно генерал-губернатор Западной Сибири пишет из Омска томскому гражданскому губернатору, что „постройку заборов и ворот у частных домов дозволить не иначе, как по фасадам, Высочайше утвержденным на них в 1811 году"**. Именно по такому проекту построены ворота дома по Октябрьской улице, 71.



9
Дома на улице Гагарина

9
Line of houses, Gagarin Street



10
Улица Обруб

10
View of Obrub Street

На первый взгляд может показаться, что строгая регламентация должна была повлечь за собой эстетическую нивелировку строительного дела. Но этого не случилось, и не только потому, что в присылаемых из столицы альбомах „Высочайше опробированных фасадов" имелось достаточное количество проектов, из которых можно было выбрать подходящий для постройки, а еще и потому, что применение их сопрягалось с целесообразностью, выкристаллизовавшейся в процессе местной строительной и архитектурной практики. Требование, „чтобы частные строения возводились без всяких отступлений от Высочайше утвержденных фасадов"***, не могло быть осуществлено, так как оно повсеместно наталкивалось на сложившийся строительный стереотип жилого дома. Здесь же необходимо заметить, что консерватизм мышления наиболее устойчив в вопросах, связанных с бытом. В Томске, как и во многих других губернских городах, не разрешалось до 1863 года возводить деревянные дома в два этажа без каменных фундаментов. Как сообщает генерал-губернатор Западной Сибири в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, „Томская строительная комиссия... фасады на таковую постройку не утверждает, но между тем, обращая внимание на обывательскую постройку города Томска, можно заметить, что большая часть оной произведена с отступлением от выдавае-

*ГАТО, ф. 6, оп. 1. д. 1652, л. 77

**Там же. д. 261, л. 31
***Там же 1. д. 261, л. 30 об.

плиты карниза являлись прямоугольные модульоны. В двухэтажных домах, обшитых тесом, обязательно выносились междуэтажные тяги (причем сегодня достаточно легко отличить „обшитый“ изначально дом от обшивки позднего времени именно по этой особенности). Уличный фасад завершался двускатной крышей, образовывавшей вместе со стеной треугольный фронтон с довольно углубленным тимпаном, в центре которого находилась люкарна, обработанная „под руст“ накладными элементами. Над окнами помещался простой формы сандрик, а сами окна закрывались на ночь филенчатыми ставнями. Оконные проемы первого этажа всегда делались меньшими по сравнению с проемами второго этажа. Иногда (очень редко) у зданий, имевших первый этаж каменный, а второй деревянный, последний штукатурился и приобретал вид каменного со всеми по-



12

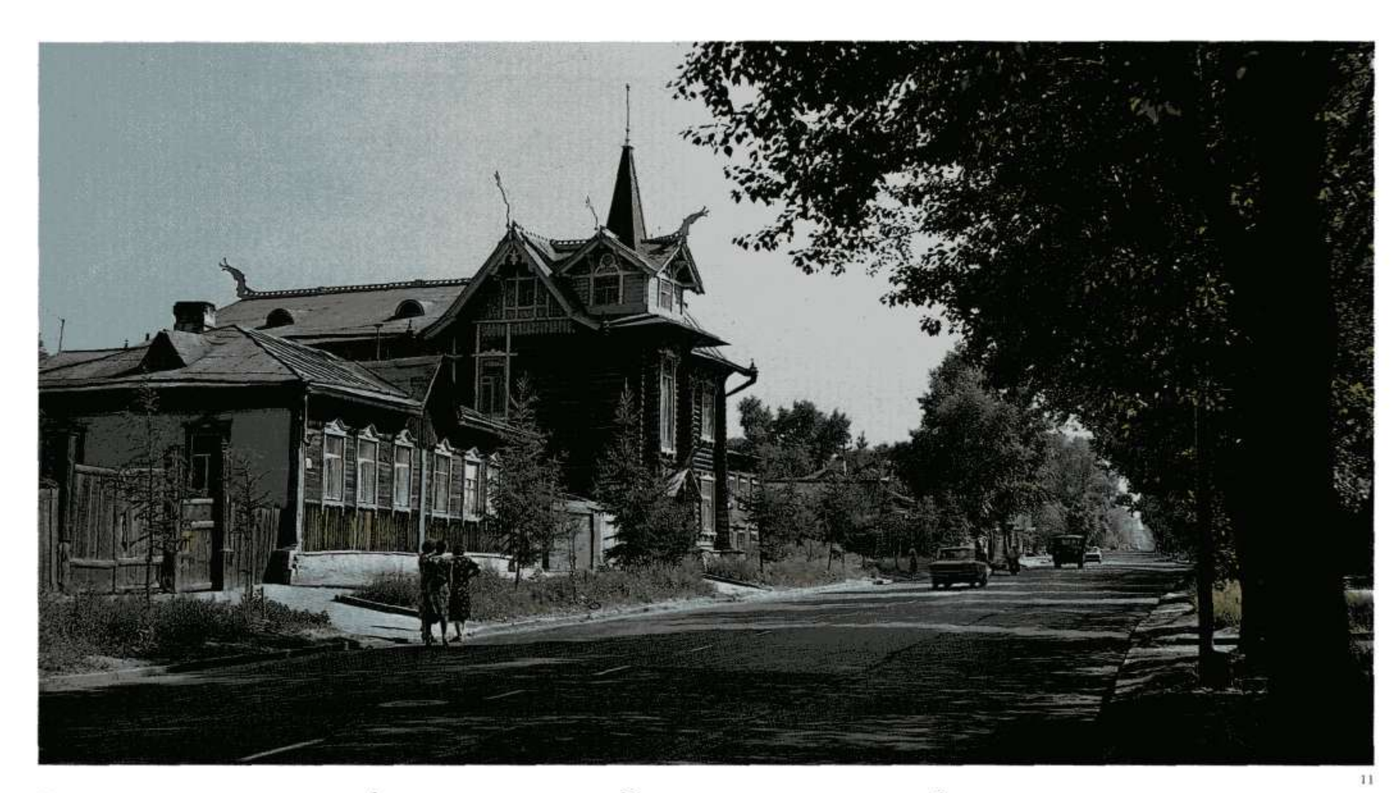
12
Улица Гагарина, 36
Общий вид дома

12
No 36 Gagarin Street

ложенными ему атрибутами. Вход в здание почти всегда находился либо с бокового (южного), либо с дворового фасадов.

Ампирные деревянные особняки еще сохранились в городе, хотя ныне с каждым годом их становится все меньше и меньше. Они представляют несомненный интерес, являясь образцами высокой культуры строительства, в которых народная строительная практика, обогащенная арсеналом средств профессинальной архитектуры, нашла свое достойное воплощение.

К концу периода (в 1857 году) в Томске насчитывалось 2500 домов — 2455 деревянных и 45 каменных*. В России в это время принимается новый строительный устав, внесший значительные послабления в регламентацию городской застройки по сравнению с пре-



11
Красноармейская улица

11
View of Krasnoarmeiskaya Street

мых фасадов вследствие общего стремления жителей города возводить дома в два этажа"*. Стремление это можно объяснить уже отмечаемой нами особенностью ставить дома на высокие подклеты, идущие от построек сельского типа и предохраняющие от сырости жилые помещения. Постепенно подклеты, в которых располагались подсобные помещения, стали играть роль первого этажа, где зачастую жили люди. И сейчас еще в городе можно встретить одноэтажные здания с ушедшим под землю подклетом, о которых старожилы говорят, что они некогда были двухэтажными.

Для классицистических построек Томска характерна постановка зданий узкой частью (в три-пять окон) на улицу. Это не столько развитие хозяйственных частей здания в глубь двора, сколько стремление удовлетворить требованию „о 12-саженном разрыве между деревянными жилыми домами"**. Поскольку участки зачастую нарезались небольшие (по красной линии), то это требование можно было выполнить лишь такой постановкой здания.

Весьма часто строились дома с мезонинами, выходившими чаще всего во двор и имевшими обязательный балкон. Наличие мезонина давало возможность застройщику увеличить полезную площадь дома и в некоторой степени этажность (мезонин не являлся этажом), не нарушая строительный устав.

Как уже отмечалось, дома обшивались тесом и красились. Обшитые сочленения бревен на углах и по фасаду здания часто имитировали собою род пилястр, иногда имевших каннелюры и завершавшихся капителью. Непременным элементом украшения выносной

* ЦГИА, ф. 218, оп. 4, д. 988, л. 1 об.
** ГАТО, ф. 6, оп. 1, д. 261, л. 31.

дыдущим периодом. После отмены крепостного права изменилась и социально-экономическая обстановка в стране. Рушились дворянско-помещичьи устои, на смену им приходила идеология нового класса — буржуазии. Это не могло не найти своего отражения и в архитектуре.

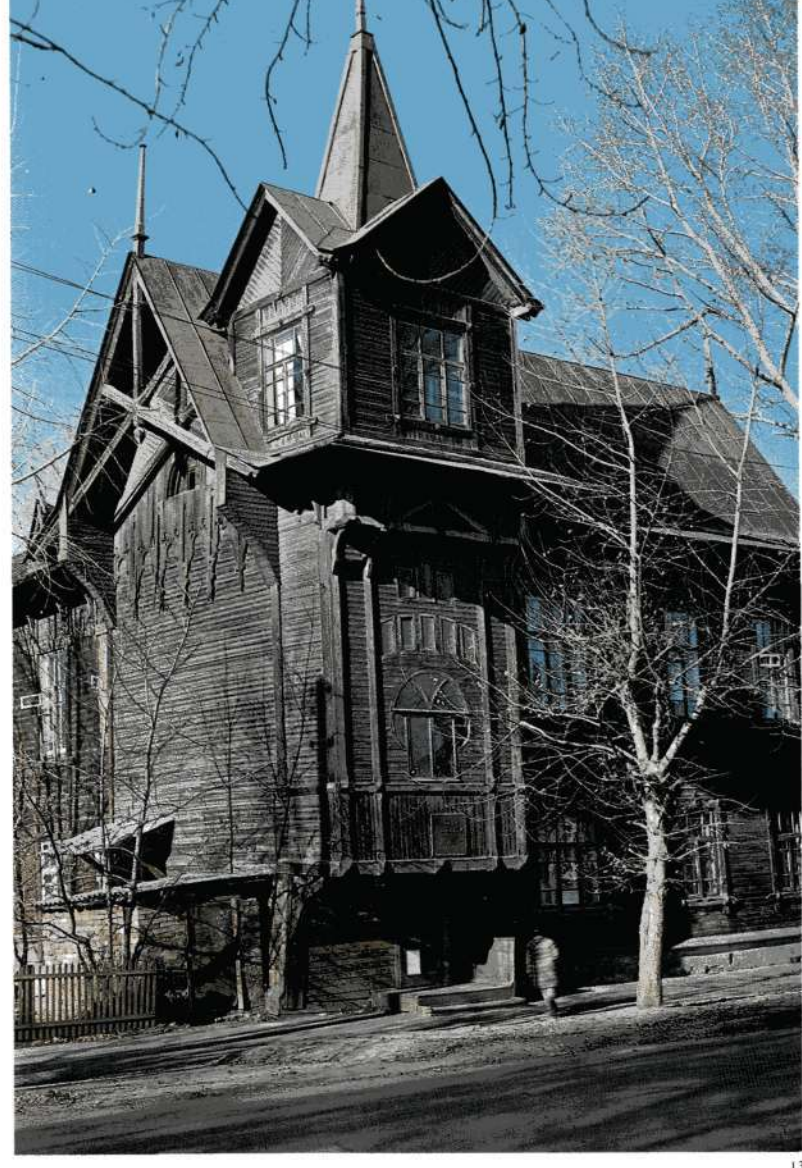
Стремление к созданию нового стиля заставляло архитекторов искать его прототип в формах русской средневековой, допетровской архитектуры. Наиболее зримо эти поиски отразились в декоративном убранстве сооружений, в частности, в использовании национальной орнаментации в обработке фасадов. Здесь же необходимо заметить, что такое обращение к наследию было более органичным и убедительным в деревянных постройках, нежели в каменных.

Именно в этот период закладываются начала томской домовой декоративной резьбы, той, которая принесла заслуженную славу древнему сибирскому городу.

В резном убранстве томских теремов мы встречаемся с самыми разнообразными видами и мотивами обработки дерева. Наиболее ранний ее вид — плоскорельефная резьба. Она использовалась чаще всего в обработке углов и сочленений бревен на фасадной плоскости стены (в домах со связью и пятистенках). Основной мотив — имитация „колонны" на обшитых тесом в виде пилястр сочленениях, трактуемый весьма приблизительно и своеобразно. Тело „колонны", перехваченное классическими обломами, образует причудливый абрис. Каждая часть „колонны" от облома до облома заполняется растительным орнаментом, в основе которого помещаются чаще всего листья аканта. „Колонна" непременно имеет базу и завершается ионическими волютами. Иногда тело „колонны" покрывается каннелюрами. Между „колоннами" первого и второго этажей (а в это время строятся в основном двухэтажные здания) на уровне междуэтажного пояса обычно помещается вазон с листьями, цветами, иногда фруктовыми плодами. Таковы основные мотивы плоскорельефной резьбы. Здесь же необходимо отметить, что весьма часто этот вид резьбы использовался для декорировки воротных столбов. Наряду с плоскорельефной в этот период применяется и прорезная (пропильная) резьба — ею украшаются междуэтажные пояса, она же заполняет подкарнизное пространство в виде своеобразного фриза. Количество оконных проемов уже не регламентируется (у ампирных построек их 3, 5, 7, то есть обязательно нечетное количество). Пониженный до четырехсаженного разрыв между зданиями давал возможность большей вариабельности в протяженности фасада по улице, отсюда и увеличение оконных проемов, выходящих на главный фасад. Наличники окон украшаются еще очень скромно: небольшие гирлянды, розетки, помещенные в верхнем завершении, — вот, пожалуй, и все их убранство.

Основной постройкой в это время становится уже не особняк, а двухквартирный дом. Нижний этаж занимали обычно хозяева, а второй сдавался внаем. Большинство зданий еще обшивается тесом и красится.

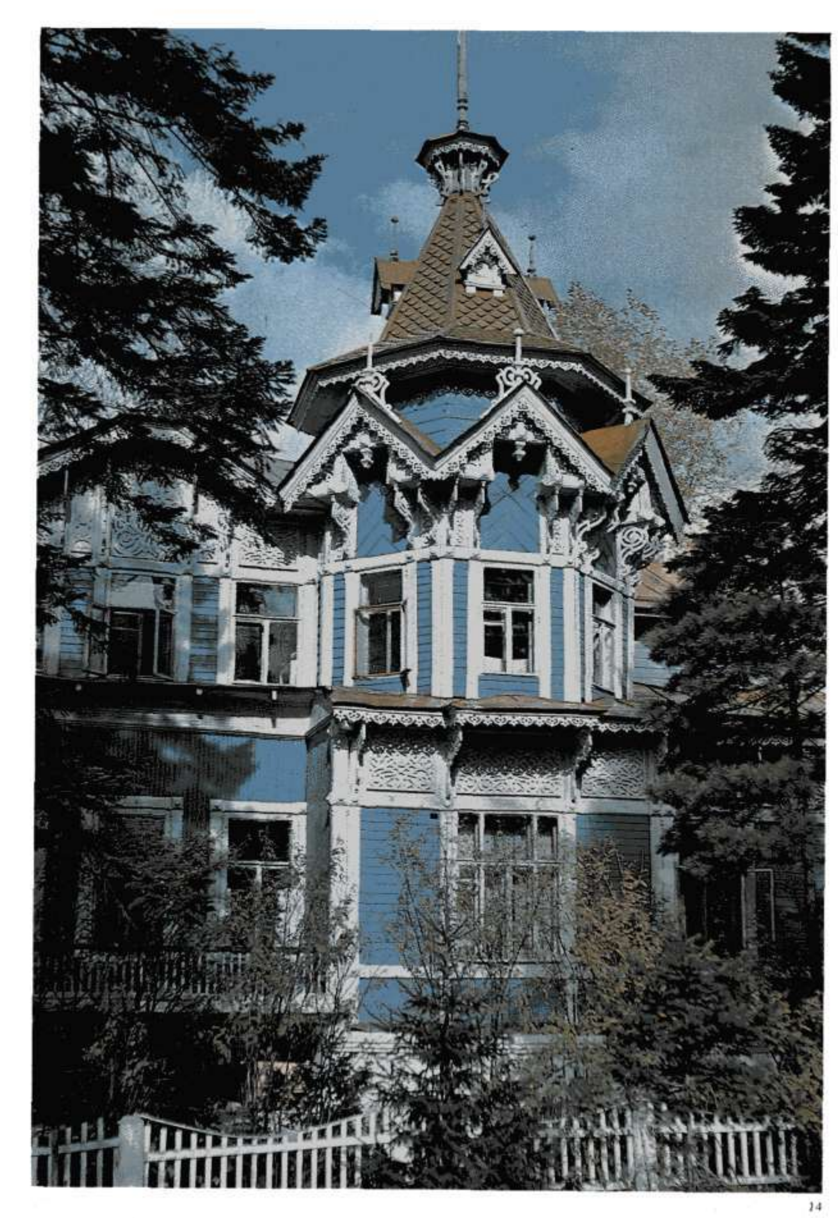
В 1880—1890-е годы декор становится более изощренным. Меняется и соотношение декора с плоскостью стены. Происходит это в основном за счет увеличения оконных проемов, которые богато украшаются сквозной резьбой — ажурной и накладной. Не менее пышно украшаются и завершения объемов — фронтоны, карнизы, сочленения бревен. Появляется и распространяется новый тип зданий — доходный дом—крупное деревянное сооружение на 4-6 квартир (каждая по 5-7 комнат). Обыкновенно это двухэтажный деревянный дом на высоком каменном цоколе (часто жилом), имеющий в плане вытянутый прямоугольник, ориентированный более длинной стороной на красную линию. Выносная плита карниза, как правило, разрывается двумя-тремя фронтонами треугольной либо полуциркульной формы, тимпаны которых заполняются в центре ажурной резьбы солярным знаком. Поскольку постройки теряют усадебный характер, главный вход в них либо помещается в центре по главному уличному фасаду, либо смещается от центральной оси вправо или влево, где к основному объему пристраиваются прирубы с междуэтажными маршами. Вход в здание акцентировался крыльцом с деревянным либо металлическим зонтом над ним.



13
Улица Кузнецова, 17
Общий вид дома

13
No 17 Kuznetsov Street

Потребность в таких зданиях возникла со строительством первого в Сибири Томского университета и, особенно, в связи со строительством Великой Сибирской железнодорожной магистрали. Хотя Томск и остался в стороне от главной ветки (он был соединен с нею в 1896 году), управление работ находилось в нем с 1893 года. В книге „Великий путь...", вышедшей в Красноярске в 1899 году, так описываются связанные с этим события: „Благодаря значительному числу железнодорожных служащих, сосредоточенных в городе, цены на квартиры с момента открытия управления работами стали настолько быстро повышаться, что превзошли петербургские. Другим следствием открытия управления железной дороги в Томске явилась строительная горячка, охватившая большинство состоятельных домовладельцев: дома строятся большие и малые, каменные и деревянные, строятся быстро, порою непрочно, лишь бы только поскорее отдать в аренду за выгодную плату". Таким образом, все изменения в облике города имели под собою вескую экономическую основу.



14
Красноармейская улица, 71
Общий вид дома

14
No 71 Krasnoarmeiskaya Street

Вместе с тем Томск уже приобретал себе и славу „Сибирских Афин" (по выражению А.В.Луначарского). С открытием Университета (1880) и Технологического института (1899) — второго в Сибири вуза, в город стали съезжаться ученые, художники, архитекторы. Культурная жизнь била ключом. Ни одно архитектурное течение не прошло мимо Томска. Все они отразились на облике его зданий. Барометр архитектурной моды срабатывал достаточно четко, и если раньше мы отмечали „опаздывание" стиля (ампирные постройки возводились до 1860—х годов), то теперь от первых построек в новом, как тогда говорили, „вкусе" и до появления их в Томске проходил весьма незначительный отрезок времени. В Томске работали или проектировали для города выпускники Академии художеств и Института гражданских инженеров: А.К. Бруни, М.Г.Арнольд, Р.Р. Марфельд, К.К. Лыгин, П.П. Наранович, В.Ф. Оржешко, А.Д.Крячков, Ф.Ф. Гут, Т.Я.Фишель, П.П. Федоровский и другие. Не все они создавали проекты деревянных зданий, но тем не менее не могли не оказывать влияния на формирование архитектурных вкусов горожан и облика города в целом, в том числе и на возведение деревянных сооружений.
Обращение к русской старине — от декоративной резьбы, основанной на национальной орнаментике, до возведения сказочных многоглавых теремов, прообраз которых видится в русской хоромной архитектуре XVII века, все это четко укладывается в рамки профессиональных исканий времени.
Именно профессиональным влиянием можно объяснить возвращение к изначальному декоративному модулю в деревянных постройках — необшитому бревну с его пластической выразительностью, заключающейся в удивительной игре света и тени на округлых поверхностях. Бревенчатые стены в сочетании с высокохудожественной резьбой производят неизгладимое впечатление. Мажорный, жизнеутверждающий строй, создающийся на антитезе декоративных возможностей мощных необшитых стен зданий и тонко моделированной резьбы, является одним из наиболее существенных достоинств деревянной архитектуры Томска. Профессиональное и традиционно народное — вот тот сплав, который не утрачивает свою силу и до сих пор.
Оставаясь по существу в основе своей традиционной, рубленая постройка обогащалась новыми пластически выразительными формами. Не чужд оказался ей и модерн начала XX века.
Всегда неожиданные, индивидуальные объемно-планировочные решения ярко и убедительно нашли свое воплощение в дереве. В Томске, как, пожалуй, ни в одном другом городе, можно встретить значительные по своим художественным достоинствам деревянные сооружения, выполненные в стиле модерн.
Одним из наиболее характерных качеств модерна является особое отношение к материалу, подчеркивание его эстетической сущности. Мастера, работавшие в этом стиле, отказываются от пышной резной орнаментики. Резные элементы присутствуют лишь там, где они отвечают конструктивной логике сооружения. И вместе с тем, возводя утилитарность в ранг художественного, мастера модерна не отказываются и от чисто изобразительных средств, вводя в архитектуру стилизованные изображения рыб, птиц, живот-

ных. Примечательно, что эти изобразительные мотивы, входя в канву композиционных средств архитектурных памятников модерна, черпаются не из античных и классических образцов (маскароны, кариатиды, атланты и т.п.), а из местных традиций (в первую очередь), а также североевропейской средневековой архитектуры. Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в творчестве томского архитектора-художника В.Ф.Оржешко и, особенно, в построенном по его проекту доме по Красноармейской улице, 68. Стилизованные лошадиные головы, завершающие коньки кровли, имеют прямой аналог — широко известную деревянную церковь в Боргунне (Норвегия, около 1150 года).
Пластический образ фасадов обогащается введением эркеров, лоджий, балконов. Крепежные узлы элементов, вынесенные на фасадную плоскость, при всей своей утилитарной целесообразности несут в себе черты выраженного декоративизма.
Чаще всего здания в стиле модерн не обшиваются, бревенчатая стена остается обнаженной. С целью обогатить ритмику фасадов в композицию нередко вводятся вертикальные накладные элементы в виде объединенных наличников первого и второго этажей. Такие элементы, неся в себе декоративную функцию, по сути остаются все же конструктивными.
Воплощение в дереве стилевых особенностей модерна требовало от плотников и столяров, возводивших эти здания, высокого профессионального мастерства, виртуозного владения материалом.
Задачу подготовки квалифицированных кадров для деревянного строительства решали ремесленное училище и воскресные классы технического и ремесленного рисования. Двухгодичное училище существовало в Томске с 1883 года, а классы — с 1885 года. К началу XX века в классах обучалось до ста человек.
Преподавали в них (бесплатно) архитекторы и художники, получившие специальное образование в высших учебных заведениях Петербурга и Москвы. Участие в жизни классов принимали архитекторы К.К.Лыгин, Б.Г.Татарчук, художники Л.П.Базанова, А.С.Капустина, П.М.Тихомиров, М.П.Черепанова, Н.А.Швецова, В.А.Рокачевский, А.П.Степанов и другие. В классах изучались рисунок, композиция, архитектурные стили, профили, орнаменты, лепка, декоративная живопись и другие специальные теоретические и прикладные дисциплины.
Руководители классов были убеждены в том, что „неуклюжая работа будет вытеснена более совершенной и лучшей работой других мастеровых, знакомых с черчением и рисованием“, которые „научают понимать красоту в природе, приучают к правильной форме, к точности, чистоте и аккуратности в работе“. Классы за время своего существования дали хорошую подготовку не одному десятку талантливых умельцев из народа. Свидетельство тому — построенные ими дома, которые существуют, удивляя и радуя, вот уже сто лет.
Архитектурные памятники модерна стали завершающим этапом в развитии деревянного зодчества. При несомненной заслуге архитекторов (к сожалению, многие здания до сих пор не атрибуированы), проектировавших эти дома, немаловажная роль принадлежит искусным рукам мастеров, возводивших стены и кровли, умевших понять и воплотить в жизнь замысел зодчего.
В 1924 году Томск потерял статус губернского города. Центром губернии (впоследствии — области) стал быстро растущий Новониколаевск (с 1925 года — Новосибирск). Новое


15

15
Тверская улица, 103
Дворовый фасад Фрагмент

15
No 103 Tverskaya Street:
back front

дцать лет этого срока облик центра города оставался в целом таким, каким он сложился к концу 1910-х годов, то в последнее время современная застройка, идущая от прежних окраин города, вплотную подошла к его центру.

Этот процесс высветлил новую, до того не возникавшую проблему сохранения наиболее ценной застройки, приспособления и использования ее в современных условиях.

С ростом города трансформировалось понятие городского центра: некогда периферийная часть города стала неотделима в нашем представлении о центре. Сместилось и такое понятие, как „городская старина". Причем для зданий, построенных в конце XIX — начале XX века, произошло это в очень короткие исторические сроки. Если еще в 1950-е годы архитектурное окружение, сложившееся в начале века, воспринималось как естественная и привычная городская среда, являющаяся основой жилого фонда, то уже ныне она ассоциируется в нашем сознании чуть ли не с глубокой стариной и стала восприниматься как среда историческая.

Необходимость сохранения исторической архитектурной среды, в частности деревянной застройки, сейчас ни у кого не вызывает сомнения: в ней воплотились практический опыт и эстетические идеалы не одного поколения русских людей. Это наша история, наша культура.

В Томске наиболее ценные участки городской исторической застройки выделены в охранные зоны, где строго регулируется возведение современных зданий. Отдельные архитектурные памятники с целью сохранения и лучшей эксплуатации изымаются из жилого фонда и передаются общественным, культурно-просветительным и другим учреждениям.

Но дерево не вечно. Разрушаются срубы, не говоря уже об архитектурном резном декоре. Он исчезает в первую очередь, поскольку несет в себе не только декоративные начала, но и выполняет определенную конструктивную роль. Ведь наличники, карнизы, пилястры несут защитную функцию, оберегая стыковочные швы конструкции от дождя и снега, ветра и палящих лучей солнца.

Великий художник — народ — всегда творит по законам красоты, а красота в народном понимании — всегда целесообразность. Украшая именно эти элементы строений, народный мастер выделял их не только потому, что они на виду (и поэтому, конечно, тоже), но и подчеркивал тем самым их необходимость в единой системе деревянного зодчества.

Томская деревянная архитектура, в том числе и архитектурный резной декор, — ни с чем не сравнимый учебник народного понимания красоты и пользы; пройдя и сохранив все этапы развития — от архаичных построек XVIII века до модерна, — она стала частью истории отечественной архитектуры, запечатленной в дереве — самом доступном и демократичном строительном материале. Поэтому интерес к деревянной архитектуре никогда не иссякнет.

В Томске бережно относятся к уникальному наследию. Партийные и советские ограны, заботясь о сохранении деревянной архитектуры, создали в городе специальную научно-производственную мастерскую и Сибирский филиал института „Спецпроектреставрация", работающие в системе республиканского объединения „Росреставрация". Десятки квалифицированных проектировщиков и рабочих самых разных специальностей успешно „врачуют" недуги старых зданий. Искусству старых мастеров еще долго жить и радовать людей своей щедростью.

Ю.Шепелев



16

16
Источная улица, 39
Главный фасад
Фрагмент
После реставрации

16
No 39 Istochnaya Street:
portion of main façade.
After restoration

деревянное строительство в Томске почти не велось, за исключением непритязательных одноэтажных жилых домов традиционного типа, по своему характеру скорее сельских, нежели городских.

В 1944 году Томская область была выделена из Новосибирской в самостоятельную территориальную единицу.

В послевоенные годы деревянное строительство в городе практически прекращается. В областном центре бурными темпами стала развиваться индустриальная база современного строительства.

За последние сорок лет Томск превратился в крупный промышленный, научный и культурный центр Западной Сибири с полумиллионным населением. Но если в первые два-

полнен и утвержден (1981 г.) проект охранных зон, на основе которого в настоящее время разрабатывается положение о реконструкции и регенерации центральной части Томска. В процессе исследовательских и проектных работ определились функции зон в многообразной жизни города с учетом сложившегося своеобразия — архитектурно-художественного облика застройки.

В настоящее время началась подготовка к реализации проекта исторической реконструкции заповедной части центра Томска; в первую очередь музея „Старый Томск" на улице Бакунина. Предварительно была проделана большая работа по обследованию улицы, выявлению ценных в историко-культурном отношении зданий, разработаны предложения, направленные на возвращение этой улице исторического облика, в том числе средствами малых форм архитектуры (мостовая, светильники, ограды и т.д.).

Сохранившиеся уникальные качества исторического городского ландшафта с его ярко выраженным рельефом — мысом Воскресенской горы — определили функции улицы Бакунина, отвечающие требованиям городского заповедника. Памятники архитектуры будут превращены в музеи, историческая застройка по улице будет приспосабливаться для размещения творческих мастерских и мастерских по изготовлению предметов прикладного искусства и сувениров, учреждений, обслуживающих посетителей и туристов. Именно в процессе работы стала ясна методика реконструкции исторического центра Томска.

В результате реализации проекта предусмотрено, что заповедная зона „Татарская слобода", примыкающая к реке Томи, сохранит преимущественно жилой характер. Такая функция продиктована исторически сложившимся представлением об этих районах. Кроме того, предусматривается организация музейно-выставочного комплекса на перекрестке улиц Татарской и Трифонова с использованием существующих зданий усадебного типа и хозяйственных построек. В ряде кварталов разместятся новые жилые дома, масштаб и архитектурное решение которых должны быть увязаны с исторической средой. Жилой район будет дополняться объектами обслуживания и торговли.

Одним из самых интересных районов является охранная зона по Красноармейской улице с прилегающими улицами Вершинина, Герцена, Дзержинского, где сосредоточены лучшие в городе образцы памятников деревянной архитектуры.

Все охранные зоны — „Старый Томск" на Воскресенской горе, „Татарская слобода" в Заисточье, по улицам Красноармейской, Герцена, Дзержинского на Юрточной горе и проспекте Ленина с его уникальной, в основном каменной застройкой, объединены в один историко-культурный заповедный центральный район, в котором устанавливаются свои режимы реконструкции (реставрация, капитальный ремонт, новое строительство).

Сегодня реконструкция центральной части города, проблема соотношения старого и нового становится одной из самых актуальных, ключевых в деятельности архитекторов-градостроителей.

От правильного решения этой проблемы зависит судьба градостроительного наследия города, в том числе и памятников деревянного зодчества, которые в значительной степени определяют архитектурную славу Томска и являются признанными шедеврами не только в нашей стране, но и за рубежом.

З.Зайцева

Градостроительные проблемы развития Томска

Как каждый современный город, Томск находится в непрерывном развитии. Несмотря на территориальный рост, он сохранил свой индивидуальный облик, свои оригинальные черты, свою особую привлекательность: многоплановость и живописность архитектурной застройки, ярко выраженный террасный рельеф. Крутые изгибы рек Томи и Ушайки, лесные массивы и рощи, органично вклинившиеся в план города, тихие старые улицы, застроенные великолепными деревянными домами, сочетающиеся с современными широкими проспектами и магистралями, создают неповторимую красоту этого сибирского города. Невозможно представить себе облик Томска без первоклассных памятников каменной архитектуры, сосредоточенных в центральной части города, а также целых районов, улиц, кварталов архитектурной застройки, включающей памятники деревянного зодчества.

Томск как исторический город является памятником градостроительного искусства. Наиболее насыщенной памятниками деревянного и каменного зодчества является его центральная часть, занимающая около 6% всей территории. Статья 5 закона СССР „Об охране и использовании памятников истории и культуры", принятого Верховным Советом СССР 29 октября 1976 года, дает перечень видов памятников, имеющих художественное значение и потому находящихся под охраной государства: „памятники градостроительства и архитектуры — архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов; сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты". Все виды памятников градостроительства и архитектуры, перечисленные в этой статье закона, сохранились в Томске.

Для всестороннего и глубокого изучения уникального наследия, его систематизации и охраны в Томске была организована планомерная работа по обследованию всей центральной части города. В результате было выявлено, что в градостроительное и архитектурное наследие входят:

— памятники истории и архитектуры (200 объектов);

— здания высокохудожественные с ярко выраженными стилевыми признаками, нуждающиеся в государственной охране (290 объектов);

— здания рядовой фоновой застройки, играющие важную роль в формировании облика исторически сложившейся части города (481 объект).

Сохранившиеся памятники архитектуры разнообразны по своим стилистическим и художественным признакам — это и постройки XVIII века, великолепные образцы архитектуры классицизма и эклектики, модерна и неоклассицизма. Одновременно город сохранил достаточно четкую и компактную планировочную структуру, которая подчеркивает отличительную особенность центральной части — уникальную целостность историко-архитектурного ансамбля. В целях сохранения и обогащения композиционного единства градостроительного наследия институтом „Спецпроектреставрация" был вы-

Деревянное зодчество, впитавшее многовековой опыт народа, воплотило в себе неразрывность понятий пользы и красоты, — тот сплав, который делает архитектуру искусством. У искусства свои законы. Каждое время рождает свой идеал прекрасного. Но непреходящим и всегда молодым остается талант народа — великого художника, творящего красоту по законам вечного — законам природы. В этом поучительная мудрость и притягательная сила такого феномена, как деревянная архитектура Томска.

Деревянная архитектура: краткий словарь терминов, встречающихся в тексте вступительной статьи и аннотаций

Акротерий
декоративное украшение кровли в виде скульптур или других резных орнаментальных мотивов

Аттик
декоративная стенка над венчающим карнизом

Балясина
точеный опорный столбик, используемый в ограждениях балконов, лестниц, парапетов

Дом „со связью"
два дома клетского типа, объединенные третьим помещением (связью)

„Замковый камень"
имитация в дереве центрального камня в сводчатых конструкциях

Каннелюры
вертикальные желобки на поверхности колонны или пилястры

Капитель
верхняя часть колонны или пилястры

Картуш
украшение в виде резного щита либо резного панно

Конек
декоративное украшение верхней кромки двускатной кровли

Клеть
рубленый дом, не разделенный капитальными стенами на отдельные помещения

Крестовый дом
рубленый, четырехугольный в плане дом, разделенный капитальными стенами на четыре помещения

Кронштейн
Конструктивный элемент, поддерживающий детали сооружения

Люкарна
обычно круглое или полуциркульное окно, помещенное в тимпане фронтона

Модульон
архитектурная деталь в виде кронштейна или консоли, поддерживающая выноскую плиту карниза либо имитирующая эту поддержку

Наличник
накладной элемент, защищающий стыковочный шов между оконным переплетом и стеной

Наличника лобовая доска
верхняя горизонтальная часть наличника

Пилястра
вертикальная обшивка бревенчатых сочленений тесом — либо моделированным, имитирующим ордер, либо украшенным резьбой

Подзор
декоративная узорчатая полоса вдоль свесов крыши. Бывает украшена сквозной или глухой резьбой

Подклет
нижнее нежилое помещение в жилом доме, часто служившее для хозяйственных нужд

Портал
художественно оформленный парадный вход в здание

Пятистенок
рубленый четырехугольный в плане дом, разделенный капитальной стеной на два помещения

Резьба:
выемчатая
углубленная резьба с характерным геометрическим узором. В домовой резьбе применяется преимущественно трехгранновыемчатая

плоскорельефная
резьба, дающая невысокий рельеф, носящий силуэтный характер

сквозная (ажурная, прорезная)
резьба, при которой фон удаляется полностью

накладная
резьба, которая накладывается на подготовленную плоскость, служащую ей фоном

Рубка „в лапу"
конструктивное сочленение в бревенчатой конструкции без остатка (без выпуска бревна за поле стены)

Рубка „в обло"
конструктивное сочленение в бревенчатой конструкции с остатком (с выпуском бревна за поле стены)

Руст
облицовка сруба тесом с имитацией каменной кладки

Сандрик
архитектурная деталь стены над проемом, имитирующая в дереве каменные формы

Солярный знак („солнышко")
декоративный элемент в виде розетки, обычно помещавшийся в тимпане фронтона либо фронтончика

Тарасы
крепостное укрепление в виде связанных между собой срубов, заполненных камнями и землей

Тимпан
поле фронтона

Тыновая крепость
крепостное укрепление в виде зарытых в землю, плотно пригнанных друг к другу бревен с отточенными сверху краями

Фронтон
завершение фасада в виде треугольной плоскости, ограниченной по бокам скатами крыши, а у основания — карнизом

Фронтончик
декоративное поднятие кровли в виде треугольника либо полукружия, не ограниченное снизу карнизом

Щипец
пространство, образованное двумя скатами крыши, обычно менее 90°

Эркер
полукруглая, треугольная или граненая часть здания, выступающая за плоскость стены и имеющая остекление.

2)

Проспект Фрунзе, 12



18

Проспект Фрунзе, 12
18
Общий вид дома

18
No 12 Frunze Prospekt

Обширный дом особнякового типа, стоящий на проспекте Фрунзе, 12 (постройка середины XIX века), завершается сложным мезонином, имеющим в плане крестообразную форму. Его более широкая часть на три оконных оси, выходящая на главный фасад, имеет аттиковое завершение, прикрывающее с фасада конструкцию крыши. Аттик, сочетающий в себе прямоугольную стенку с дугой, как бы уравновешивает просматривающиеся с улицы завершения узких частей „креста" мезонина, выполненные в виде треугольных фронтонов. В архитектуре здания в целом отражаются переходные черты от классицистических построек к периоду эклектики. Сохраняется еще принцип симметрии, но усложненная композиция верхнего яруса уже знаменует собой отход от строгой фронтальности, от единой точки восприятия, характерных для классицизма.

Здесь в Томске мы встречаемся впервые с широким использованием наряду с круглым бревном бруса; с новыми, более экономичными и прогрессивными по сравнению с традиционной рубкой „в обло" сопряжениями конструктивных элементов в виде рубки „в лапу". Оставаясь необшитыми, бревенчатые стены основного объема и брусяные стены мезонина обнажают не только конструктивную основу, но и несут в себе декоративные начала. Сочетание различных материалов (каменный цоколь — бревно — брус) подчеркивает облегчающуюся ярусность сооружения.

1)

Песочный переулок, 36

С конца первой трети XIX века в строительную практику Томска прочно входят архитектурные формы русского классицизма. Постройки в этом стиле остаются доминирующими вплоть до 1860-х годов.

В их основе лежат так называемые „образцовые" проекты, выполнявшиеся в Петербурге крупнейшими русскими архитекторами. Проекты рассылались по губернским городам как образцы для фасадов вновь строящихся жилых зданий.

Строители не всегда точно следовали образцам, в той или иной степени изменяя их применительно к материалу (проекты были рассчитаны в основном на каменные постройки). Интересен в этом смысле двухэтажный дом №66 на каменном цоколе с мезонином по Октябрьской улице, построенный в конце первой трети XIX века.

В период утверждения классицистических принципов в фасадах многих зданий еще прослеживаются черты архаики. В двухэтажном доме по Песочному переулку, 36, как, впрочем, и в других зданиях этого периода (1820—1840 гг.), чувствуется „неразвитость" первого этажа, во многом еще сохранившего характерные признаки подклета, идущего от традиционного крестьянского жилища, с одной стороны, а с другой — несущего в себе черты „образцовых" полутораэтажных городских домов минувшего, XVIII века. Архаичность выражается в маленьких, почти квадратных проемах первого этажа, наличии ставен не только в первом, но и втором этаже. Приближаясь к классицистическим канонам в организации фасада, строитель тем не менее трактует их достаточно вольно. Так, помещая на главном фасаде нечетное количество проемов (принцип классицизма), он делает их шире, чем простенки (во втором этаже).

Наличники, зрительно увеличивая размеры оконных проемов, придают зданию четко выраженный вертикальный ритм. Этому же способствует и высоко схваченный щипец, образующий треугольный фронтон, в тимпане которого помещается круглая люкарна, обработанная заоваленным рустом — прообразом будущих ажурных солярных знаков, нашедших в Томске широкое распространение в 1880-е и последующие годы.

Обращает на себя внимание трехгранновыемчатая резьба наличников, изысканно выполненная. Ее мотив — восходящее солнце с лучами — уходит корнями в глубокое прошлое, а техника резьбы — излюбленное средство украшения предметов крестьянского быта.

В основе здания лежит традиционная конструктивно-планировочная схема — рубленная „в обло" изба-пятистенок.



17

Песочный переулок, 36
17
Общий вид дома

17
No 36 Pesochny Lane

3, 4)

Улица Карла Маркса, 32. Улица Шишкова, 6

Одной из характерных особенностей классицистических построек в Томске является „кирпичная" декорация фасадов деревянных домов.
Объемы полностью обшивались тесом, обработанным под каменную кладку с расшивкой швов. У более ранних памятников угловые сочленения обшивались прямым, а затем волнообразным рустом (улица Шишкова, 6); позднее углы обшиваются гладким тесом с нанесением на него накладной резьбы самого разнообразного характера.
Примером такой обработки углов и сочленений на фасадах могут служить здания по улице Карла Маркса, 32 (накладная резьба, имитирующая колонну, выполнена в технике плоскорельефной и трехгранновыемчатой резьбы — техниках, наиболее ранних по времени распространения в Томске). Этот прием широко применялся и в обработке воротных столбов.

Улица Карла Маркса, 32
19
Уличный фасад
20
Пилястра второго этажа
21
Деталь фасада

Улица Шишкова, 6
22
Общий вид дома

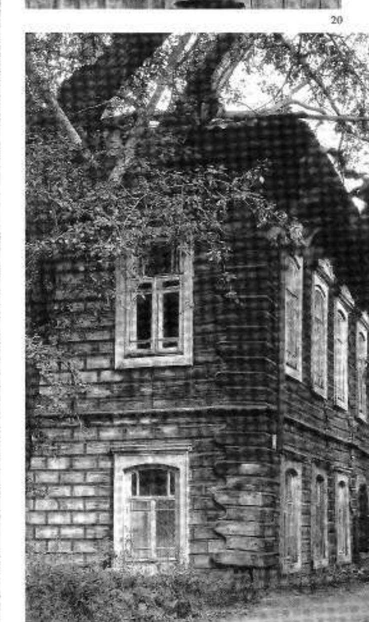
No 32 Karl Marx Street:
19
Main façade
20
Pilaster, upper storey
21
Vase with fruit, detail from woodcarved decoration
22
No 6 Shishkov Street



20



19



22

6)

Татарская улица, 6

Здание построено в конце 1880-х годов и отличается богатой орнаментикой с применением различных видов резьбы. Оконные проемы, сгруппированные по четыре, четко выявляющие тектонику, декорированы накладной плоскорельефной резьбой геометрического характера (вертикальные элементы), трехгранновыемчатой (подоконная плита), а также накладной прорезной в сочетании с трехгранновыемчатой (верхняя плита наличника) и наконец ажурной (над верхней плитой). Не менее богато украшены и другие части здания: зашитые сочленения бревен по углам, крыльцо с навесом и балясником, карниз и фриз.
Здесь впервые появляется новая форма кронштейна, поддерживающего выносную плиту карниза. Причем это не чисто декоративный мотив, как, например, модульоны в зданиях более раннего периода, а необходимый конструктивный элемент: большой вынос плиты карниза требовал существенной опоры. Разбивка фризового пояса кронштейнами вызвала к жизни новый декоративный элемент — накладные, сквозной резьбы картуши, помещаемые в пространстве между кронштейнами. Впоследствии такой прием стал очень распространенным.

Татарская улица, 6
26
Уличный фасад. Пилястра
27
Наличник окна. Деталь

No 6 Tatarskaya Street:
26
Pilaster, main façade
27
Window trim with woodcarved decoration



27

26

5)

Средне-Кирпичная улица, 15

Усиление декоративных тенденций, начавшееся в 60—70-е годы XIX века, нашло свое отражение в усложнившейся обработке оконных проемов. Наряду с традиционными декоративными мотивами классицизма — профилированными тягами, „сухариками" — появляются орнаментальные элементы геометрического характера в технике сквозной резьбы.

Таковы наличники второго этажа полукаменного дома по Средне-Кирпичной улице, 15. Более изощренна и обработка солярного знака, обрамляющего круглую люкарну тимпана. Его прихотливо разбегающиеся лучи напоминают очертания орденской звезды. Профилированный карниз большого выноса выполняется еще из отдельно моделированных досок, так же как и фризовая его часть.

Средне-Кирпичная улица, 15
23
Общий вид дома
24
Наличник

No 15 Sredne-Kirpichnaya Street:
23
View of the house
24
Detail from pediment



23



25



24

25
Фронтон. Фрагмент

25
Window trim decorated with woodcarving in fretwork

7)

Улица Беленца, 5 и 7

Со второй половины 1880-х годов в Томске распространяется новый вид деревянного здания: доходный дом квартирного типа. Поскольку помещения сдавались внаем, их старались сделать равноценными по комфорту. Вертикально вытянутые большие окна одинакового размера, как в первом, так и втором этажах (ранее оконные проемы первого этажа делали значительно меньшими), являются характерной особенностью этих зданий. Построенные в 1890-х годах доходные дома по улице Беленца, 5 и 7, как и многие, подобные им по типу, уже не обшиваются тесом; в таких домах значительно увеличивается процент декора по отношению к фасадной плоскости стены в целом. Это происходит, во-первых, в связи с уменьшением размеров простенков между проемами, а во-вторых — с увеличением площади декорированного фриза и резных украшений наличников. Богатой резной орнаментикой покрываются и выступающие части объемов, в частности, эркеры, опирающиеся на резные колонны.



28

29

Улица Беленца, 5 и 7
28
Общий вид домов

29
Боковой фасад
дома № 7 с эркером
Фрагмент

Nos 5 and 7 Belenets Street:
28
View of the houses

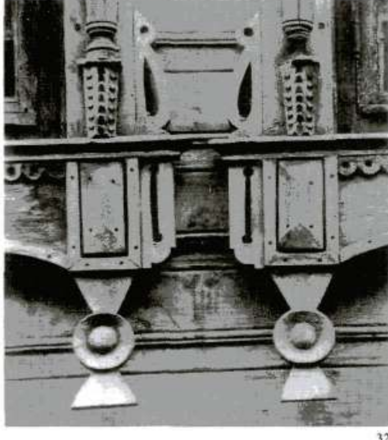
29
Side front with bay window,
house No 7

9)

Улица Гагарина, 34 и 36

Разорванный карниз имел несколько модификаций. Одной из них является композиция, сочетающая разрывы различной формы. Чаще всего это два треугольных фронтончика, фланкирующие третий — полуциркульный, расположенный в центре по фасаду. В тимпане последнего помещался обыкновенно солярный знак („солнышко“), выполненный в сложной технике ажурной резьбы.

В оформлении оконных проемов этих домов мы встречаем очень распространенный в Томске наличник. Его лобовая доска завершается треугольным фронтоном, а на ее поле помещается раздваивающийся „занавес“ с кистями.



32

Улица Гагарина, 34 и 36
31
Общий вид домов
32
Наличник дома № 34. Деталь
33 →
Фронтон дома № 34
с солярным знаком
(„солнышко“)

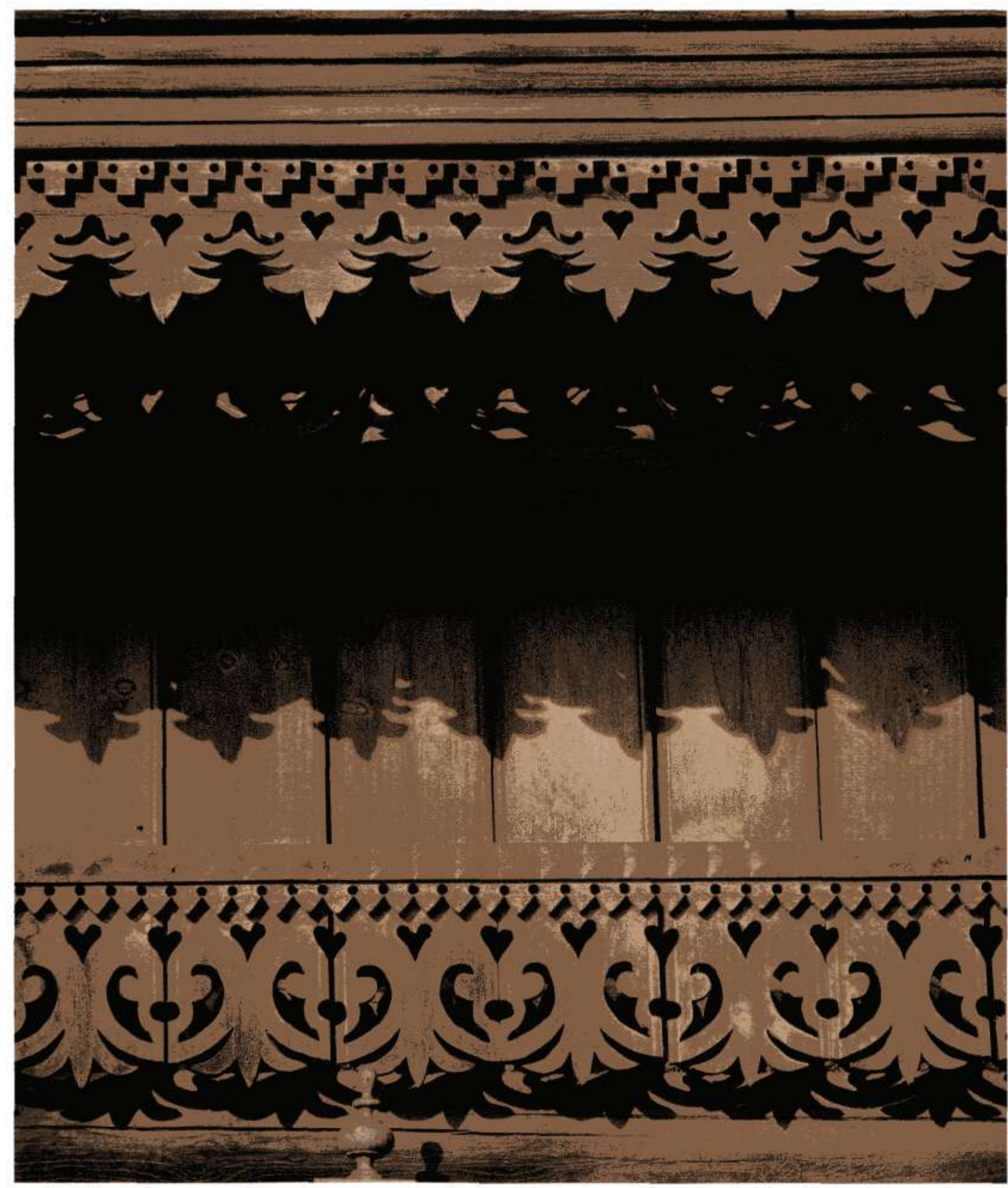
Nos 34 and 36 Gagarin Street:
31
View of the houses
32
Window trim, house No 34
33 →
Pediment decorated with solar
rosette, house No 34

31

8)

Проспект Ленина, 180

Увеличившаяся протяженность фасадов доходных домов требовала разнообразия декоративных средств. Чтобы избежать монотонности, волей-неволей возникающей при восприятии протяженных карнизов большого выноса, их стали украшать прорезными подзорами, уходящими вглубь от крайней точки выноса плиты до сочленения ее с плоскостью стены. Таким образом получалось несколько ярусов подзоров (до пяти), которые при попадании на них лучей солнца создавали удивительную игру света и тени на фризовой части карниза, также имевшего резные украшения.



Проспект Ленина, 180
30
Карниз. Фрагмент

30
No 180 Lenin Prospekt: ornamental cornice

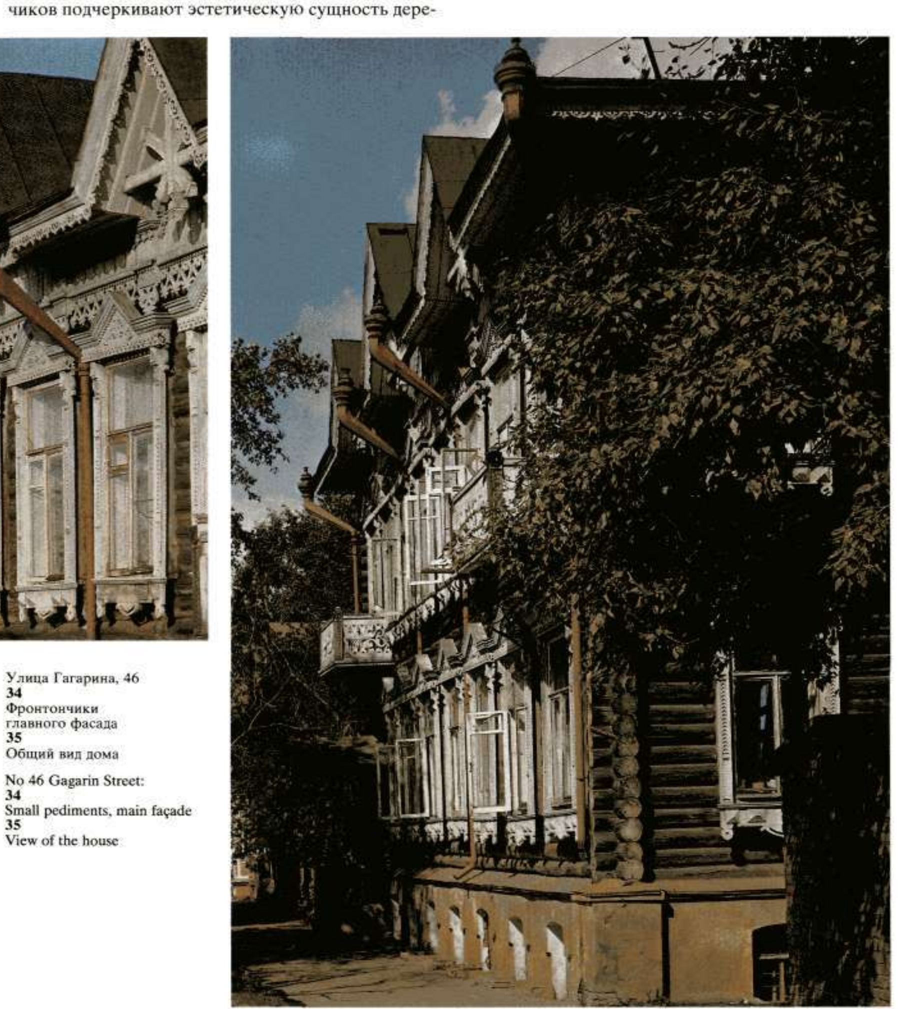
30



а, 46

Во второй половине 1870-х годов появляется, а позднее получает большое распространение разрыв карниза фронтончиками. Этот мотив вносит в уравновешенную статику фасада определенный динамизм, обогащает преобладающий горизонтальный ритм диссонирующим акцентом. Обнаженные на фасаде крепежные узлы фронтончиков подчеркивают эстетическую сущность деревянной конструкции, не лишенную при своей утилитарной целесообразности ярко выраженного декоративного начала.





35

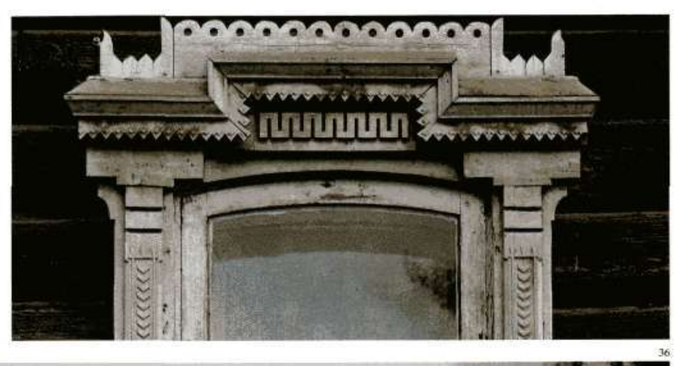
Улица Гагарина, 46
34
Фронтончики главного фасада
35
Общий вид дома

No 46 Gagarin Street:
34
Small pediments, main façade
35
View of the house

11, 12, 13)

Проспект Ленина, 56 и 58. Проспект Фрунзе, 10

Стремление внести в оформление домов национальное своеобразие заставляло архитекторов обращать „внимание на оригинальные узоры русских полотенец и на резную орнаментацию русских изб и всяческих предметов обихода русского крестьянина" (В.В.Стасов. Двадцать пять лет русского искусства. — Избр. соч. в 3-х т., т. II, с. 541).
Отзвуки этих поисков мы видим в переосмысленных и воплощенных в архитектурном декоре мотивах русского прикладного искусства. Таковы наличники домов по улице Ленина, 56, 58 и улице Фрунзе, 10 (конец 1890-х — начало 1900-х гг.). В первых они более органично „вписываются" в общий декоративный строй, тогда как у последнего массивные наличники, утяжеляя стену, „спорят" с венчающей частью здания: карниз с фронтончика-



36

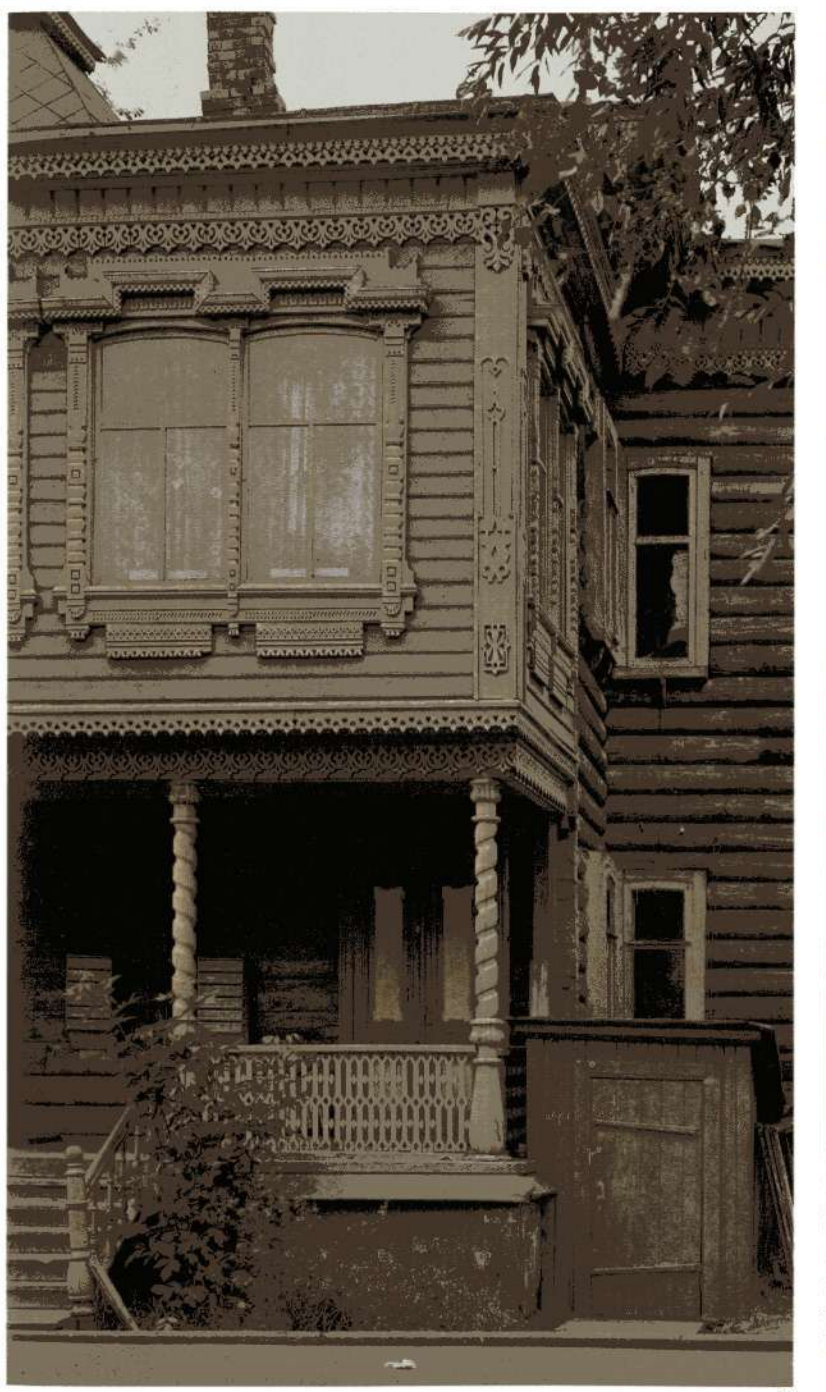


37

Проспект Ленина, 58
36
Наличник. Фрагмент
37
Общий вид дома

No 58 Lenin Prospekt:
36
Window trim with festooned top
37
View of the house

38



39

ми и шпилями выглядит гораздо более легким по сравнению с ними; масштабность, логически выверенные соотношения между частями целого нарушаются. Тем не менее сами наличники представляют несомненный интерес как пример чисто профессионального воплощения в домовом декоре мотивов народного прикладного искусства. Непременным элементом городской усадьбы были въездные ворота, фланкированные калитками. Воротные столбы декорировались накладной резьбой, имитировавшей колонну.



40

Проспект Ленина, 56
38
Общий вид дома

39
Дворовый фасад
Фрагмент
40
Хозяйственная пристройка

No 56 Lenin Prospekt:
38
View of the house

39
Back front
40
Outhouse

41

42

Проспект Фрунзе, 10
41
Общий вид дома
42
Ворота.
Фрагмент
43
Ворота

No 10 Frunze Prospekt:
41
View of the house
42, 43
Gate



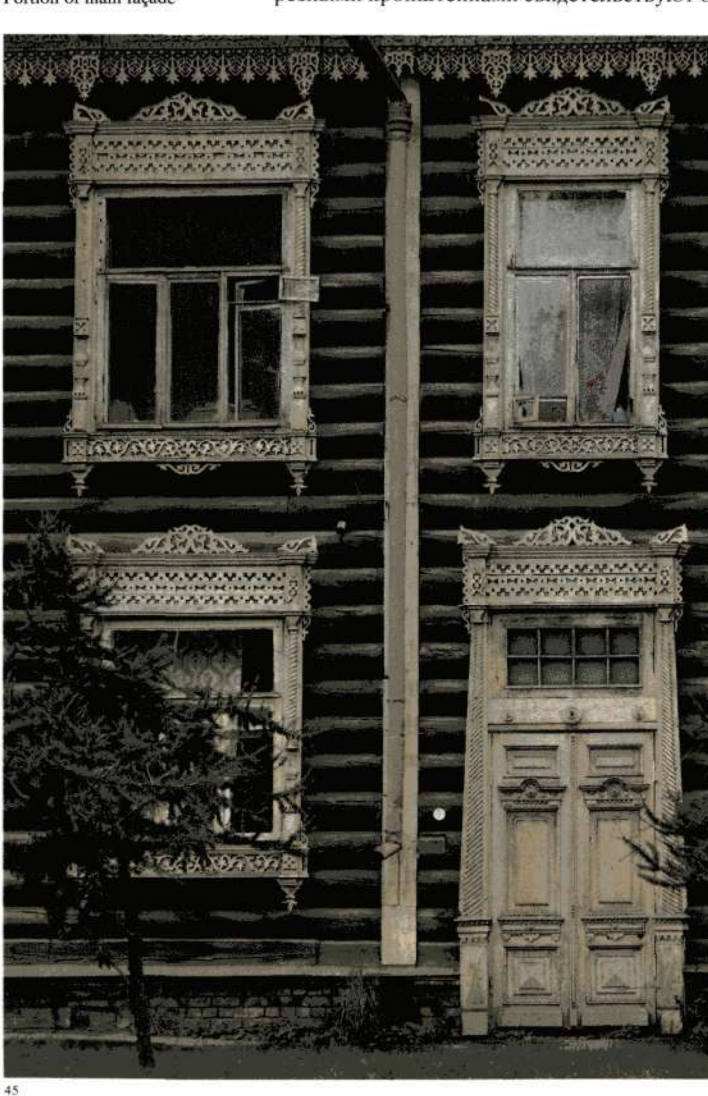
14)

Красноармейская улица, 79

Красноармейская улица, 79
44
Общий вид дома
45
Главный фасад
Фрагмент

No 79 Krasnoarmeiskaya Street:
44
View of the house
45
Portion of main façade

Вполне возможно, что здание построено по проекту архитектора-художника В.Ф.Оржешко в конце 1890-х – начале 1900-х гг.
Создание так называемого „сибирского“ стиля в искусстве и архитектуре побуждало архитекторов обращаться к изучению местных орнаментальных мотивов. Их использование мы встречаем в геометрическом орнаменте лобовых досок наличников. В оформлении фасадов использованы и традиции Востока. В частности, арабесковые ажурные заполнения тимпанов и накладные картуши между резными кронштейнами свидетельствуют об этом.



45

44

46

Красноармейская
улица, 79
46
Портал

46
No 79 Krasnoarmeiskaya Street:
main entrance

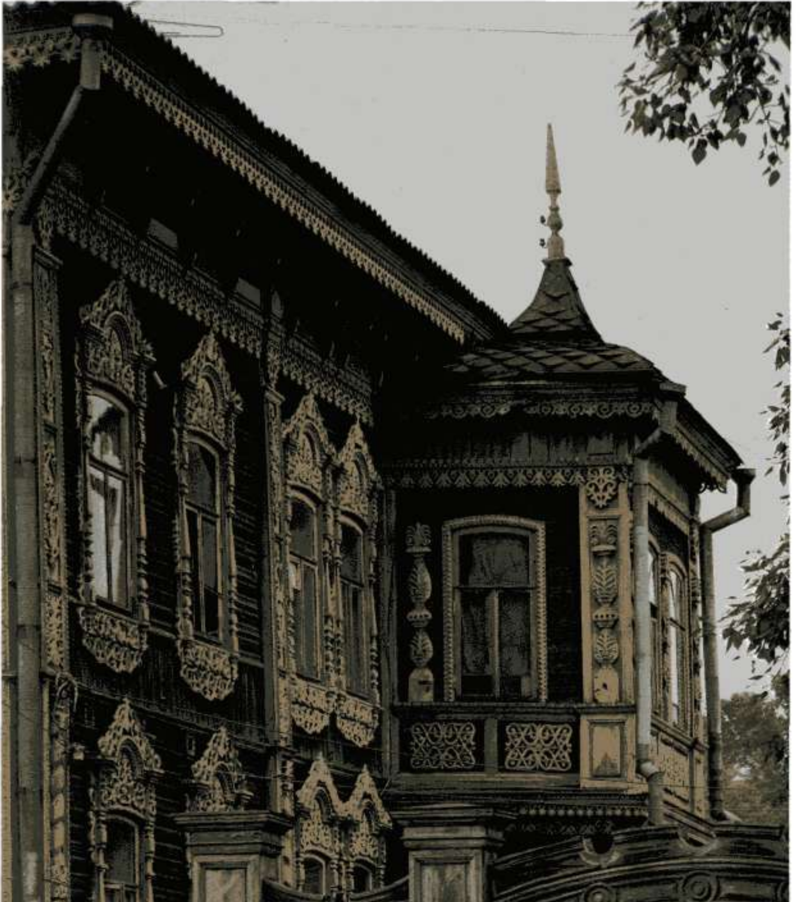
15, 16)

Татарская улица, 46 и 25

В архитектурном решении дома № 46 по Татарской улице ярко проявились тенденции, характерные для времени конца XIX – начала XX века. Речь идет о композиции двухэтажных домов на кирпичном цоколе, крытых на четыре ската, иногда с выносными эркерами с обшивкой тесом и с часто расположенными преувеличенных размеров окнами, которые обрамлялись пышными декоративными коронообразными украшениями. Одновременно в архитектурном решении дома присутствуют элементы, присущие классицистическому периоду: главный фасад дома завершается декоративным фронтончиком, фриз опоясан двойным подзором, с ритмически расположенными резными кронштейнами.
Но в оформлении трехчастного эркера, который „парит", поддерживаемый резными колоннами, над крыльцом дома, ощущается влияние новых тенденций: эркер богато украшен накладной резьбой и завершается шатровым покрытием из металлической чешуи.



47



48

Наличники окон дома декорированы накладной и прорезной резьбой растительного орнамента и венчаются ажурной пропильной резьбой навершия. Боковины наличников обрамлены полубалясинками. Подоконная доска наличника также богато украшена резьбой растительного орнамента. Ворота, калитки, забор декорированы более сдержанно. В рисунке всех деталей – обрамлений окон, фриза, карнизных кронштейнов, декора эркера на торцовых пилястрах, – прослеживаются мотивы восточных ковров.
Во дворе дома № 46 по улице Татарской находится одноэтажный флигель, архитектурное убранство которого решено очень сдержанно. Привлекает внимание коронообразный наличник окна, украшенный барочным орнаментом, выполненным в технике глухой и накладной резьбы. Наличник эффектно выделяется на фоне рубленой стены.

Татарская улица, 46
47
Общий вид дома
48
Боковой фасад
с эркером. Фрагмент

No 46 Tatarskaya Street:
47
View of the house
48
Side front with bay window

49



50



52



51

Татарская улица, 46
49
Главный фасад. Фрагмент
50
Карниз. Фрагмент

No 46 Tatarskaya Street:
49
Main façade
50
Ornamental cornice

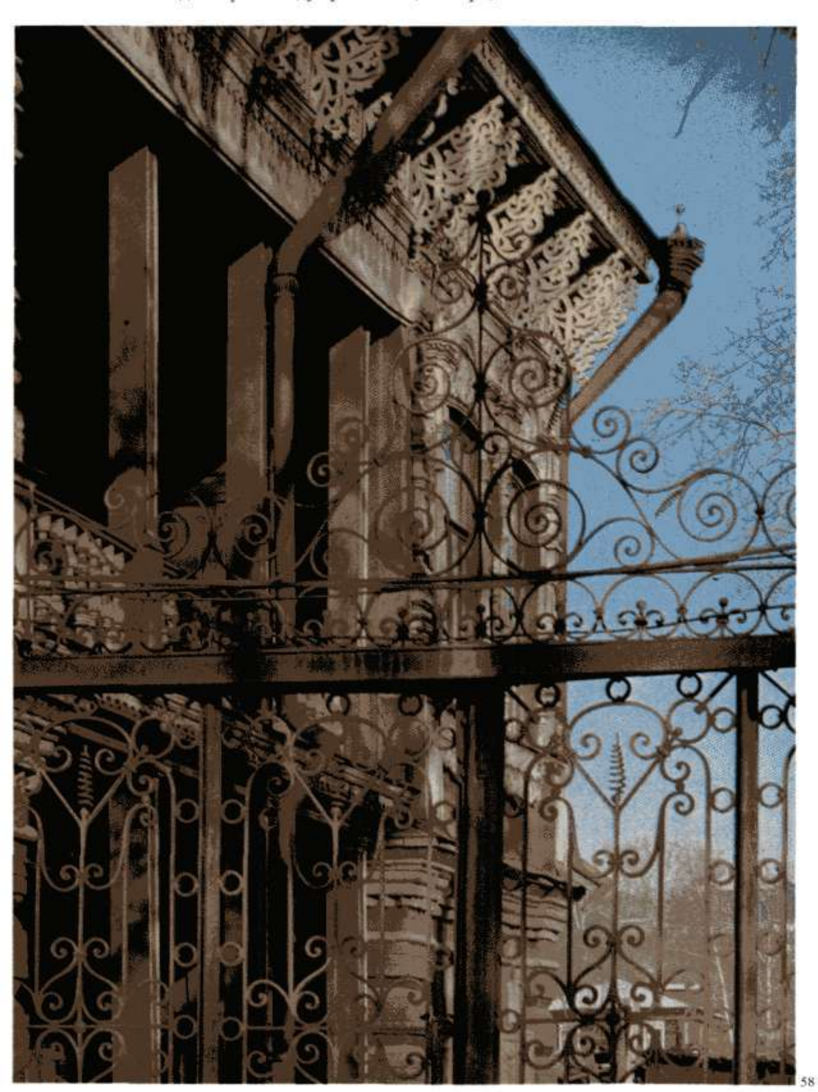
51
Наличник. Фрагмент
52
Эркер. Деталь резьбы

51
Window trim
52
Bay window: woodcarved decoration

Дома № 10 и № 14 по улице Шишкова построены в начале XX века. Установлена точная дата постройки дома № 10 — 1904 год. Архитектуре этих зданий также присущи черты, характерные для архитектуры конца XIX — начала XX века, но дворцовый, величавый характер построек, с огромными, изысканно украшенными окнами и карнизами, парадными воротами, калитками и дворовыми фасадами, выделяет их из общего ряда построек этого времени.
Каменный первый этаж дома № 10, решенный в строгих формах классицизма, рустованный, с четким ритмом замковых камней над окнами, поддерживает более легкий деревянный, общитый профильной доской второй этаж.
Объемная накладная резьба, украшающая торцо-

Улица Шишкова, 10
57
Дворовые фасады
58
Дворовый фасад
с террасой
и фрагментом ворот

No 10 Shishkov Street:
57
Back fronts
58
Back front with terrace and gate



58

57



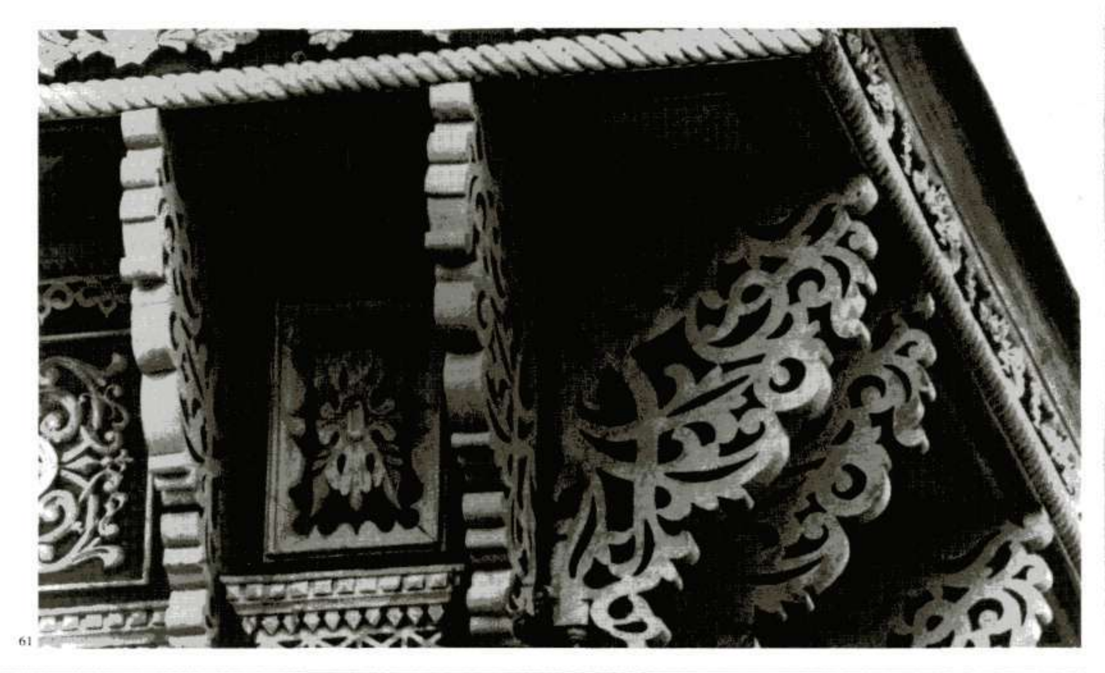
60

Улица Шишкова, 10
59
Дворовый фасад
с террасой
60
Наличник окна
второго этажа и пилястра

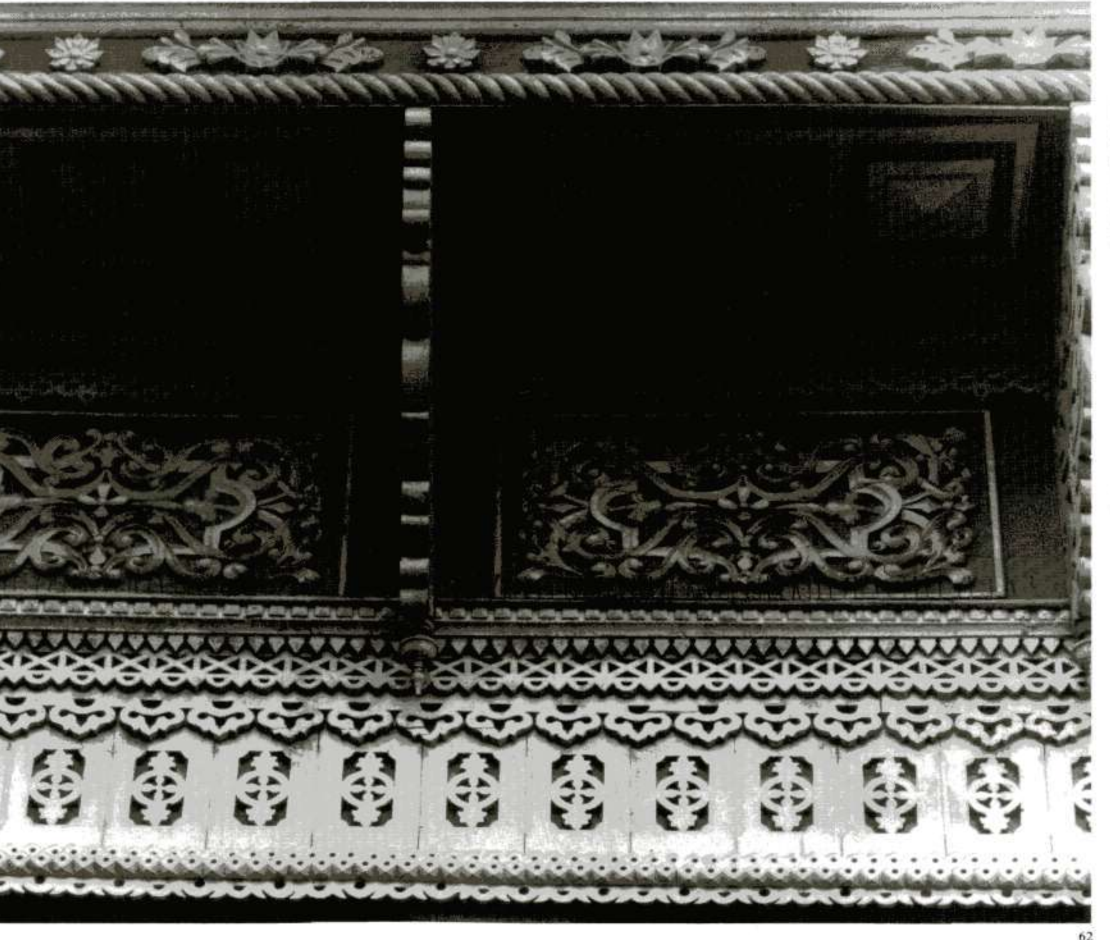
No 10 Shishkov Street:
59
Back front with terrace
60
Window and pilaster,
upper storey

вые доски и боковины наличников, и ажурная резьба тимпанов наличников и фриза карниза создают неповторимую игру декора. Особое место занимает пропильная резьба, которая придает зданию особую легкость и изящество.
Интересно решены дворовые фасады дома. На одном из них, главном, выступает мощный двухэтажный ризалит, завершающийся традиционным треугольным фронтоном, на другом — боковом — глубокая двухъярусная лоджия смело прорезает его снизу доверху. Элементы и декоративные детали лоджии и ризалита — колонны, балясины, фриз — решены просто, изысканно и органично сочетаются с декором всего дома. Наличник же окна, который также решен в соответствии с общим замыслом дома, можно рассматривать и как самостоятельное произведение народного творчества.
В доме № 10 в 1911—1915 гг. жил замечательный советский писатель В.Я.Шишков, работавший продолжительное время в Сибири и посвятивший ей лучшие свои произведения.
Не меньшими достоинствами в архитектурном и декоративном решении обладает и дом № 14 по улице Шишкова. В отличие от дома № 10, первый и второй этажи дома № 14 выполнены в дереве. На фоне рубленных „в лапу“ стен четко читается прорезной декор наличников окон и карниза.

59



61



62

63

Улица Шишкова, 10
61
Карниз. Кронштейны
62
Карниз. Детали
63
Дворовый фасад
Кронштейны

No 10 Shishkov Street:
61
Ornamental cornice with corbels
62
Details from woodcarved decoration of cornice
63
Corbels on the surface of back front

64



65



Улица Шишкова, 14
64
Общий вид дома

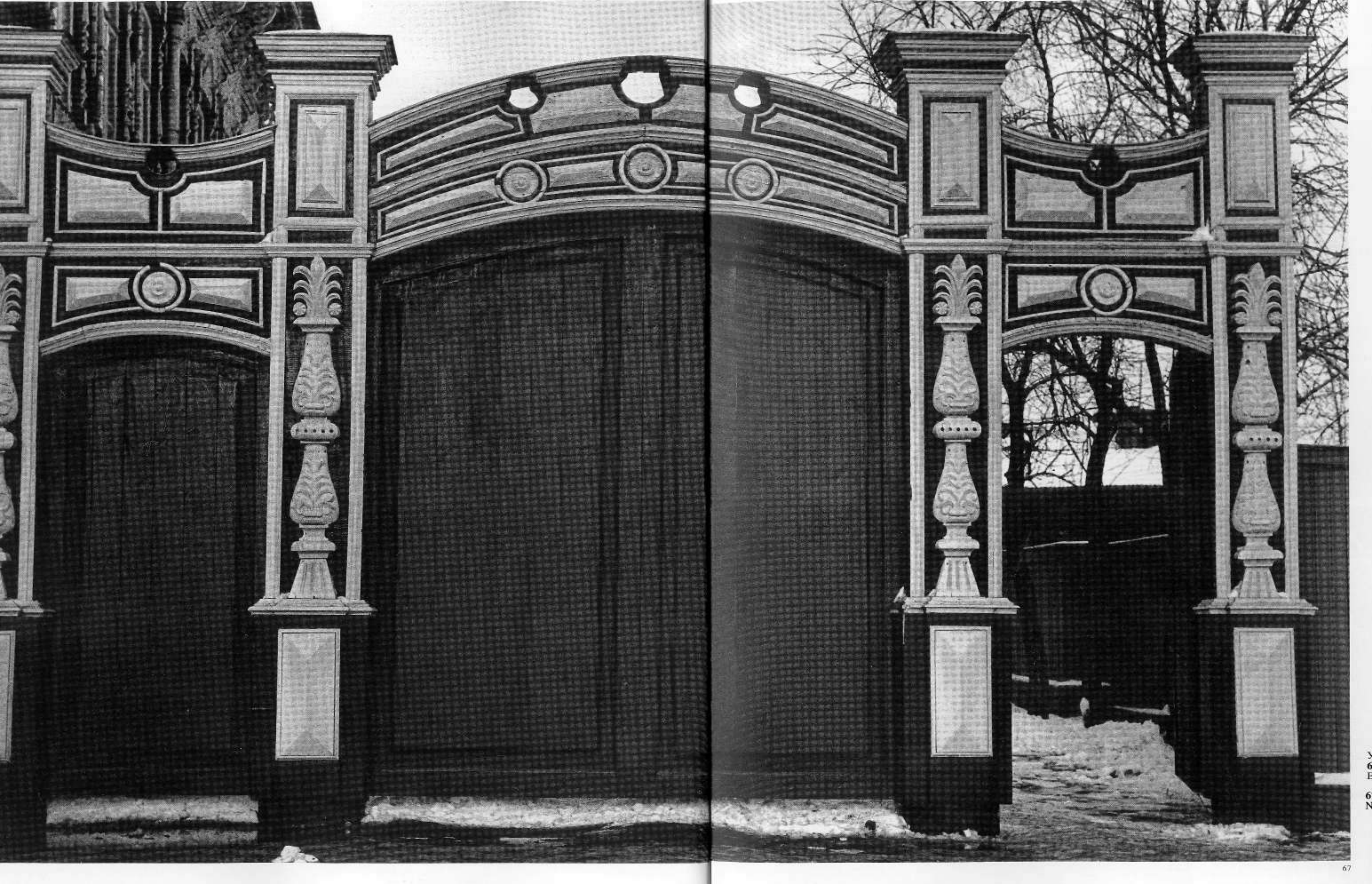
65
Главный и боковой фасады. Фрагмент

No 14 Shishkov Street:
64
View of the house

65
Portions of main and side fronts

66
Ворота. Общий вид

66
Gate



Улица Шишкова, 14
67
Ворота. Общий вид

67
No 14 Shishkov Street: gate

67



69



70

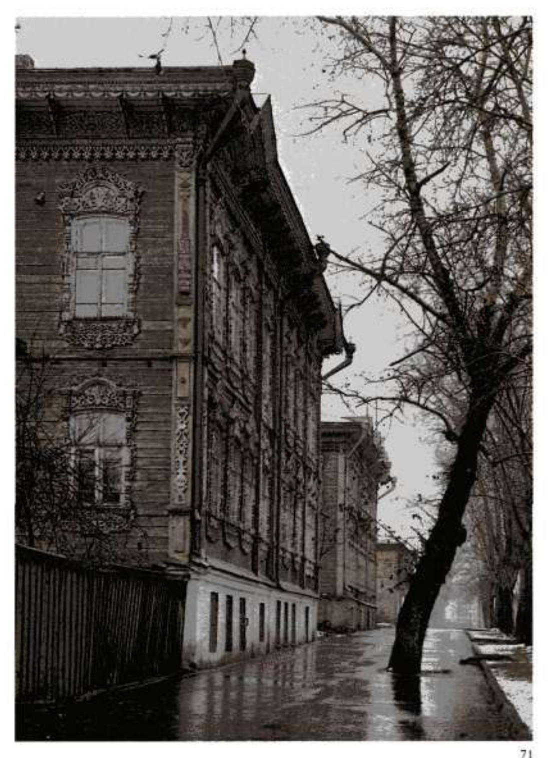
Улица Шишкова, 14
68
Карниз и наличники
69
Наличник. Фрагмент
70
Наличник

No 14 Shishkov Street:
68
Cornice and window trims
69
Window trim with scrollwork decoration
70
Window

19, 20)

Улица Пушкина, 38 и 40

Постройка двухэтажных домов № 38 и № 40 по улице Пушкина относится к тому же периоду (начало XX в.), что и дома по улице Шишкова, но декоративное убранство их, особенно дома № 40, гораздо скромнее и сдержаннее.
Самым примечательным в доме № 38 является резьба оконных обрамлений — наличников и двухподзорного, со значительным выносом, карниза, поддерживаемого стройным ритмом попарно расположенных резных кронштейнов. Ни на одном другом доме Томска ажурность и легкость резьбы не достигла такой тонкости линий, плавности и



71

72

чистоты рисунка, такого совершенства формы и мастерства исполнения. Композиционное построение наличника идентично обрамлению окон домов по улицам Татарской и Шишкова.
В едином ансамбле с домом № 38 смотрится и наиболее традиционный для Томска дом № 40 по улице Пушкина. Строгий фасад дома венчается карнизом, прерываемым тремя небольшими треугольными фронтонами, завершаемыми шпилями. Симметричность фасада подчеркивается центральным фронтоном, который несколько больше боковых, в его композиции преобладает ритм сгруппированных окон — каждая группа, отмеченная фронтоном, состоит из трех тесно поставленнных окон. Весь фасад окаймляется узкими декорированными пилястрами. Детали карниза, обрамления окон, обшивка стен, водосточные трубы выдержаны в изысканных и хорошо прорисованных формах.

71
Дома на улице Пушкина
Улица Пушкина, 38
72
Главный фасад
Второй этаж
73 →
Наличник
сдвоенного окна
Верхняя часть

71
Line of houses, Pushkin Street
No 38 Pushkin Street:
72
Main façade, upper storey
73 →
Top of combined window trim decorated with foliate scrolls in fretwork









76

Улица Пушкина, 38
74
Карниз. Фрагмент
75
Наличник
сдвоенного окна
Нижняя часть
76
Карниз. Фрагмент

No 38 Pushkin Street:
74
Ornamental detail of cornice
75
Lower portion of combined window
76
Cornice with festooned decoration

77

77
Наличник

77
Window





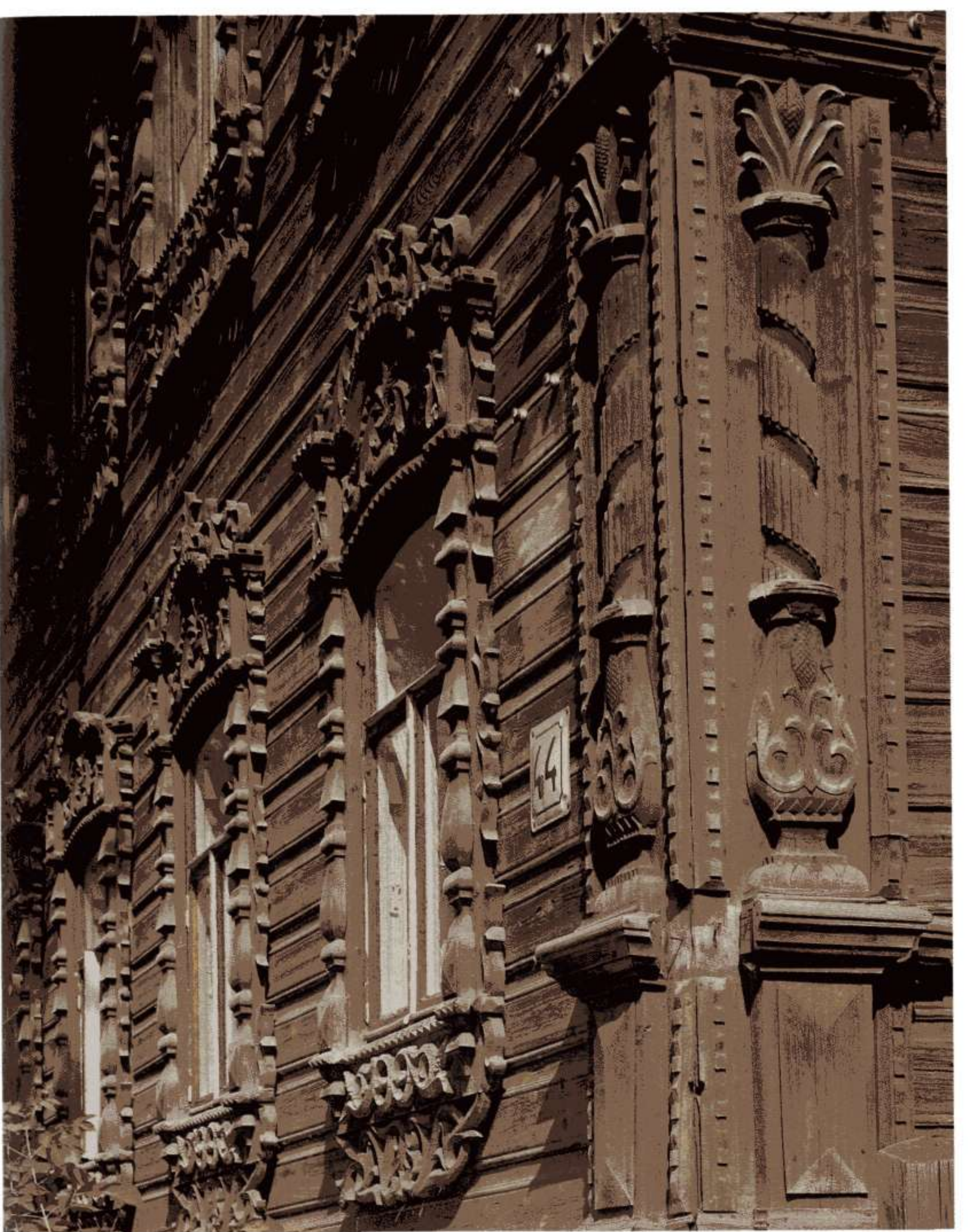
79

Улица Пушкина, 40
78
Общий вид дома
79
Боковой фасад
Фрагмент

No 40 Pushkin Street:
78
View of the house
79
Side front

21)

Октябрьская улица, 44



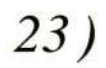
80

Октябрьская улица, 44
80
Главный фасад дома
Фрагмент

80
No 44 Oktyabrskaya Street:
main façade

22)

Татарская улица, 40



Источная улица, 35

Источная улица, 35
82
Наличники
первого этажа

82
No 35 Istochnaya Street:
window trims, lower storey

25)

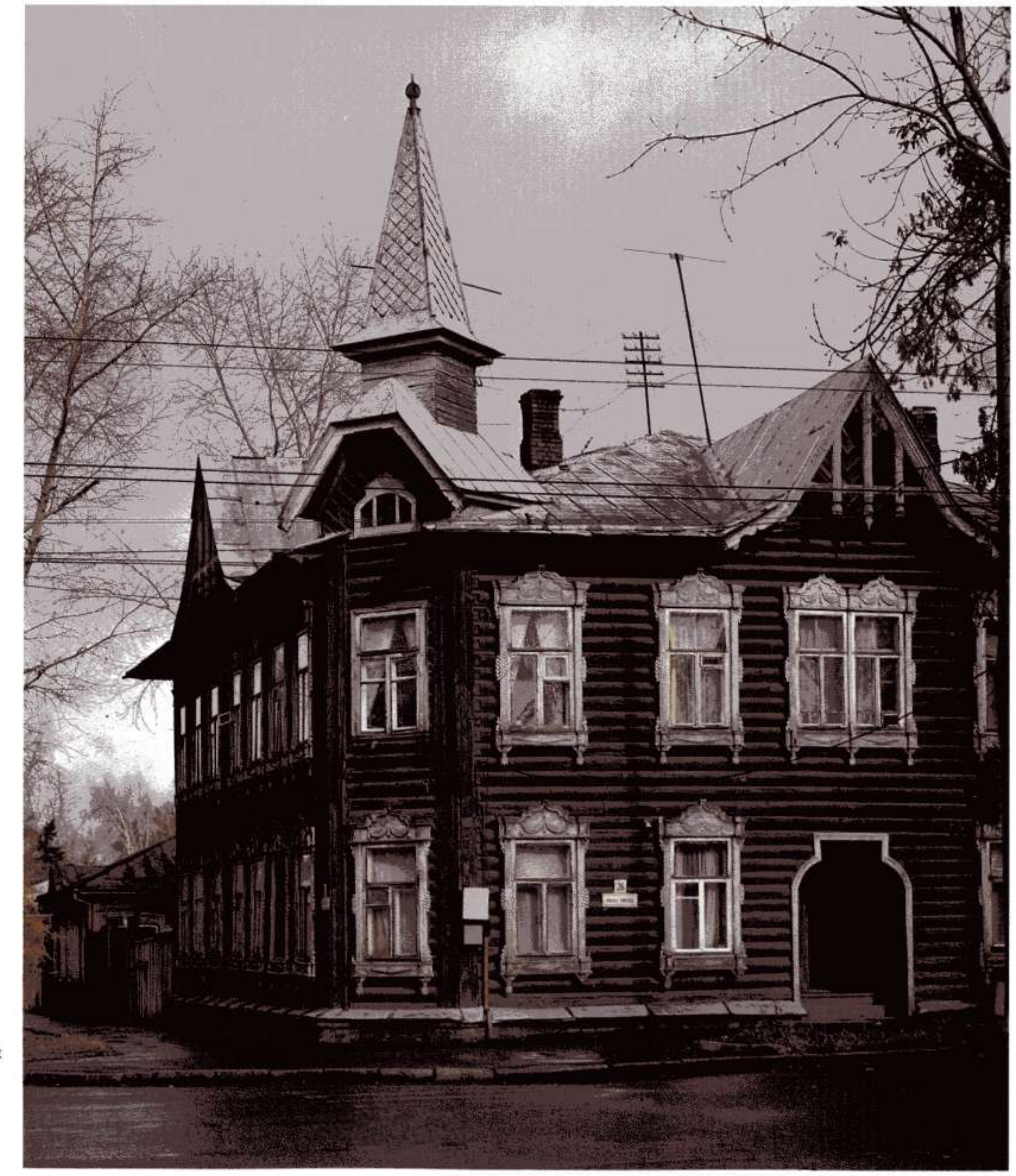
Улица Дзержинского, 21



24)

Красноармейская улица, 100

В архитектурном решении угловых зданий решающим фактором зачастую становились главные улицы города. Построенный на рубеже XIX и XX веков, дом полностью отвечает художественным требованиям своего времени. Поиск новых форм наложил свой отпечаток на художественное решение фасада дома.
Ясная, четкая угловая композиция продиктована градостроительной ситуацией. Главной вертикалью дома является высокий шатер со шпилем. Он носит чисто декоративный характер, но с композиционной точки зрения является доминирующим элементом, подчеркивающим пересечение улиц, и одновременно характерным архитектурным ориентиром, необходимым городскому жителю.



Красноармейская улица, 100
83
Общий вид дома

Улица Дзержинского, 21
84
Общий вид дома

83
No 100 Krasnoarmeiskaya Street
84
No 21 Dzherzhinsky Street

83

Двухэтажный деревянный, на кирпичном цоколе дом построен в 1892 году. Это характерный пример застройки конца XIX века.
Дом имеет два фасада — один из них, обращенный к улице, а другой, ориентированный на бывшую Преображенскую церковь. Оба фасада строго симметричны, их центральные оси обозначены треугольными фронтонами, над которыми на втором плане возвышаются покрытия, завершающиеся декоративными башенками со шпилями.
Самым примечательным архитектурным элементом дома является двухэтажная терраса, украшающая дворовый фасад здания. Ее стройные точеные колонны, с полукруглыми арочками, на которых покоится резной фриз второго этажа, а выше — треугольный фронтон, создают иллюзию легкости, ажурности и невесомости. Объем дома, его мягкий силуэт удивительно гармонично сочетаются с природным окружением и бережно сохраняемой застройкой.



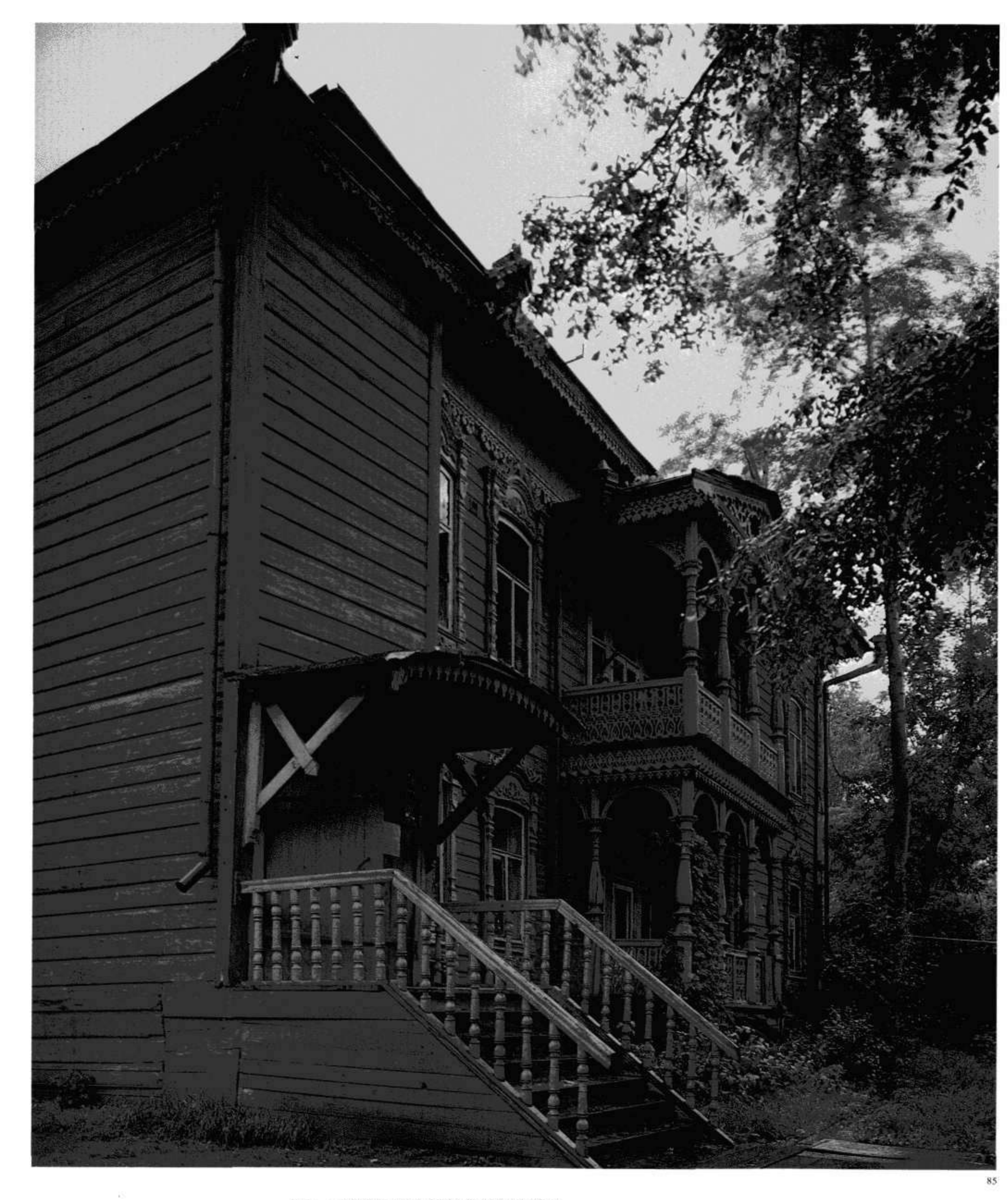
87



86

Улица Дзержинского, 21
85
Дворовый фасад
86
Наличник
Боковая пилястра
87
Боковой фасад
Центральная часть
Фрагмент
88
Дворовый фасад
Терраса

No 21 Dzherzhinsky Street:
85
Back front
86
Window trim and lateral pilaster
87
Pediment, central portion of side front
88
Terrace, back front



85

26)

Улица Войкова, 21

89

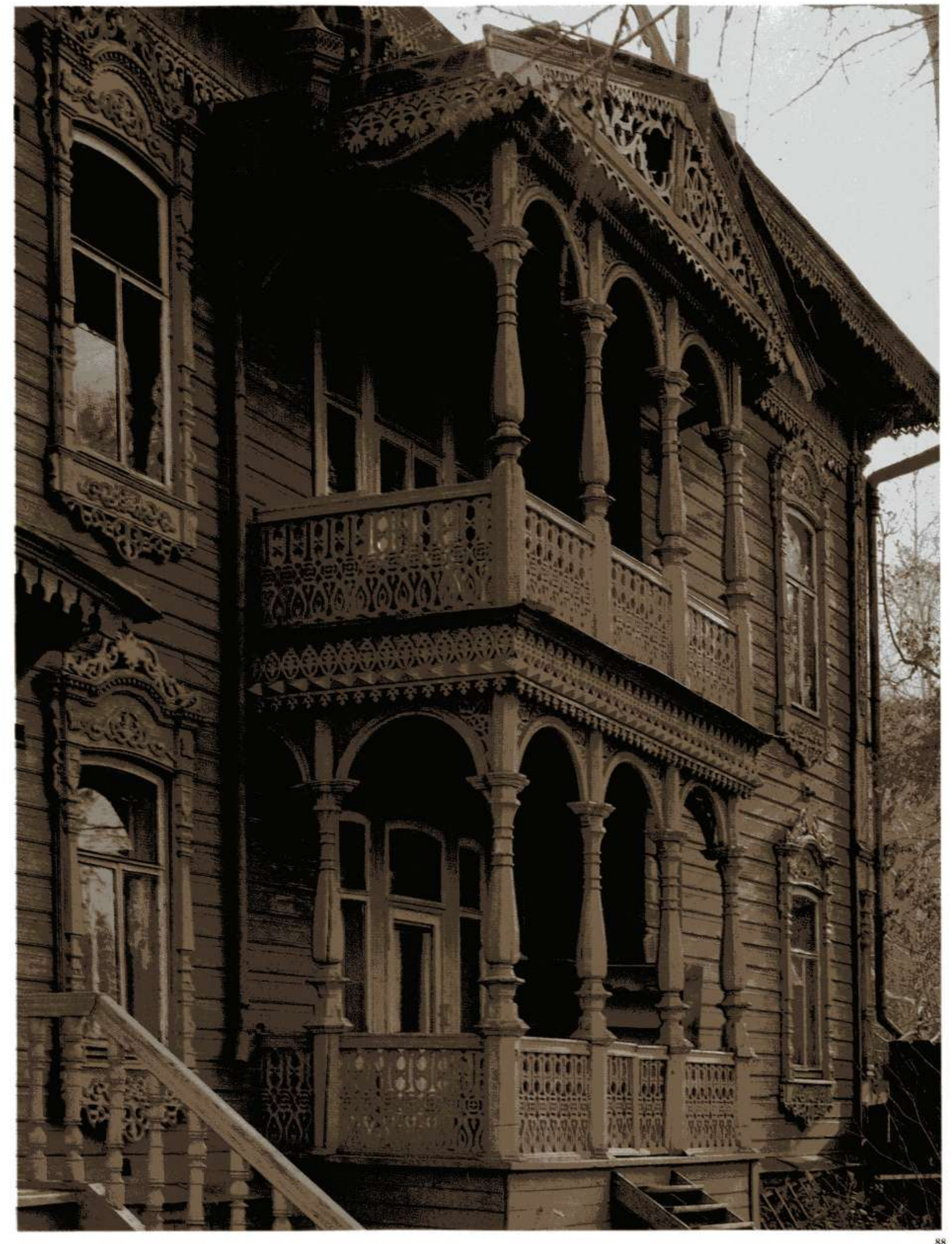


90

Композиция фасада дома № 21 по улице Войкова обусловлена особенностью его углового расположения на перекрестке улиц. Первый этаж дома, каменный, решен в строгих классических формах, второй — деревянный, украшенный накладной и прорезной резьбой, делают дом нарядным и привлекательным. Особенно интересен и своеобразен ритм сдвоенных резных карнизных кронштейнов по высокому, богато украшенному прорезными и накладными подзорами фризу, в котором разместились квадратные чердачные окна.

Улица Войкова, 21
89
Общий вид дома
90
Карниз. Фрагмент

No 21 Voikov Street:
89
View of the house
90
Cornice and fenestration



88

28)

Улица Белинского, 72

В конце XIX века зодчие-строители стремились любыми средствами нарушить уравновешенность и симметрию композиционного решения фасадов доходных домов, что отразилось в архитектуре дома № 72 по улице Белинского. Здание, занимающее угловое положение, необычно по объемно-пространственному и планировочному решению. Три ризалита, далеко выступающие из плоскости стен, выделяют дом из сложившейся периметральной застройки улицы.
Спокойны, нейтральны формы дома и изысканно скромен его декоративный убор. Завершением каждого выступа ризалита служат декоративная башенка в народном духе и фронтон, поддерживаемый резными кронштейнами, пространство между которыми заполнено декоративными вставками. Навершия наличников выполнены в виде короны.



93

Улица Белинского, 72
92
Дворовый фасад. Фрагмент
93
Фронтон над входом. Фрагмент

No 72 Belinsky Street:
92
Back front
93
Pediment

92

27)

Кузнечный взвоз, 6



91

Кузнечный взвоз, 6
91
Общий вид дома

91
No 6 Kuznechny Vzvoz Street

В конце XIX века на возвышенном месте по Иркутскому тракту — Кузнечному взвозу, открытый всем ветрам, появился интересный по силуэту деревянный дом. Архитектурная выразительность этого доходного дома подчинена характеру выбранного участка и достигнута благодаря удачному сочетанию традиционных форм (карниз, фронтоны, пилястры) со смело вынесенным балконом-верандой.
Балкон-веранда со сложным завершением в виде купола на фронтонном основании, увенчанным декоративным фонарем-маяком, представляет крупную архитектурную деталь на плоскости стены. Своеобразный силуэт здания в сочетании с высоким косогором, на котором расположен дом, создает неповторимый облик этого уголка Томска. Следует также отметить тщательность прорисовки и исполнения мелких деталей резьбы подзоров, фонаря-маяка, чешуйчатого покрытия купола.

29)

Красноармейская улица, 67а

Начало деревянного строительства по улице Красноармейской (бывш. Солдатской) относится к 1895 году, когда отставной фельдфебель Монтий Желябо купил землю и решил построить здесь жилой дом. Проект был утвержден, и разрешение на строительство было выдано городским архитектором П.П.Федоровским.

Творческое содружество архитектора-профессионала П.П.Федоровского и искусных народных мастеров привело к появлению в городе целого ряда неповторимых деревянных зданий. В 1903 году им был построен дом-флигель , который расположен во дворе основного дома №67а. Он поражает зрителя своей красотой и цельностью, четкой симметрией и выразительностью всех фасадов.

Его компактный объем, устремленный ввысь, привлекает внимание прежде всего живописными очертаниями кровли, которая изобилует различными по величине и форме башенками со шпилями, причудливыми жар-птицами на фронтонах. Центральный объем дома завершается световой башенкой-бельведером, богато украшенной резьбой. Простой контур здания обогащается пристроенными с двух сторон эркерами, освещенными тройными окнами, завершающимися фронтонами и декоративными башенками со шпилями. Объемная накладная резьба, которой так богато украшены наличники окон дома и выносных эркеров, напоминает о стиле барокко (барочные волюты присутствуют почти в каждом элементе накладной резьбы) и прекрасно сочетается с прорезной резьбой, в которой использованы народные мотивы. Это здание является подлинным художественным памятником и свидетельствует о высокой зрелости таланта и мастерства как зодчего, так и исполнителей.

Красноармейская улица, 67а
94
Общий вид дома

94
No 67a Krasnoarmeiskaya Street

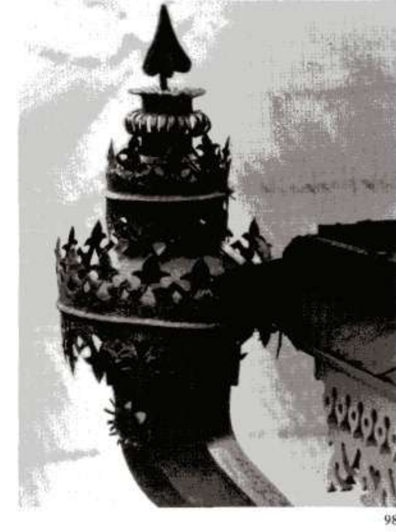
95



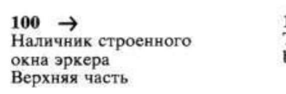
96



97

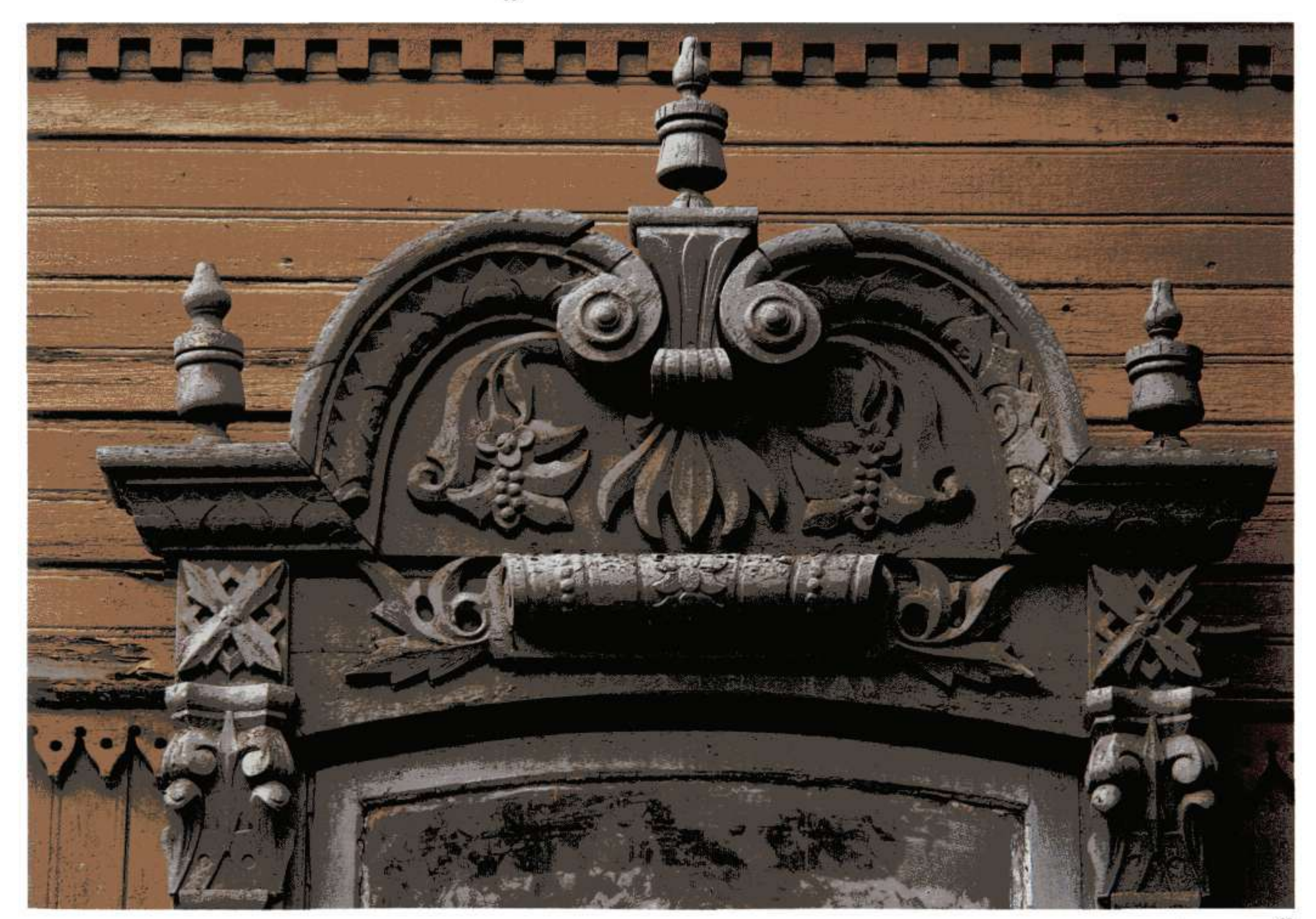


98

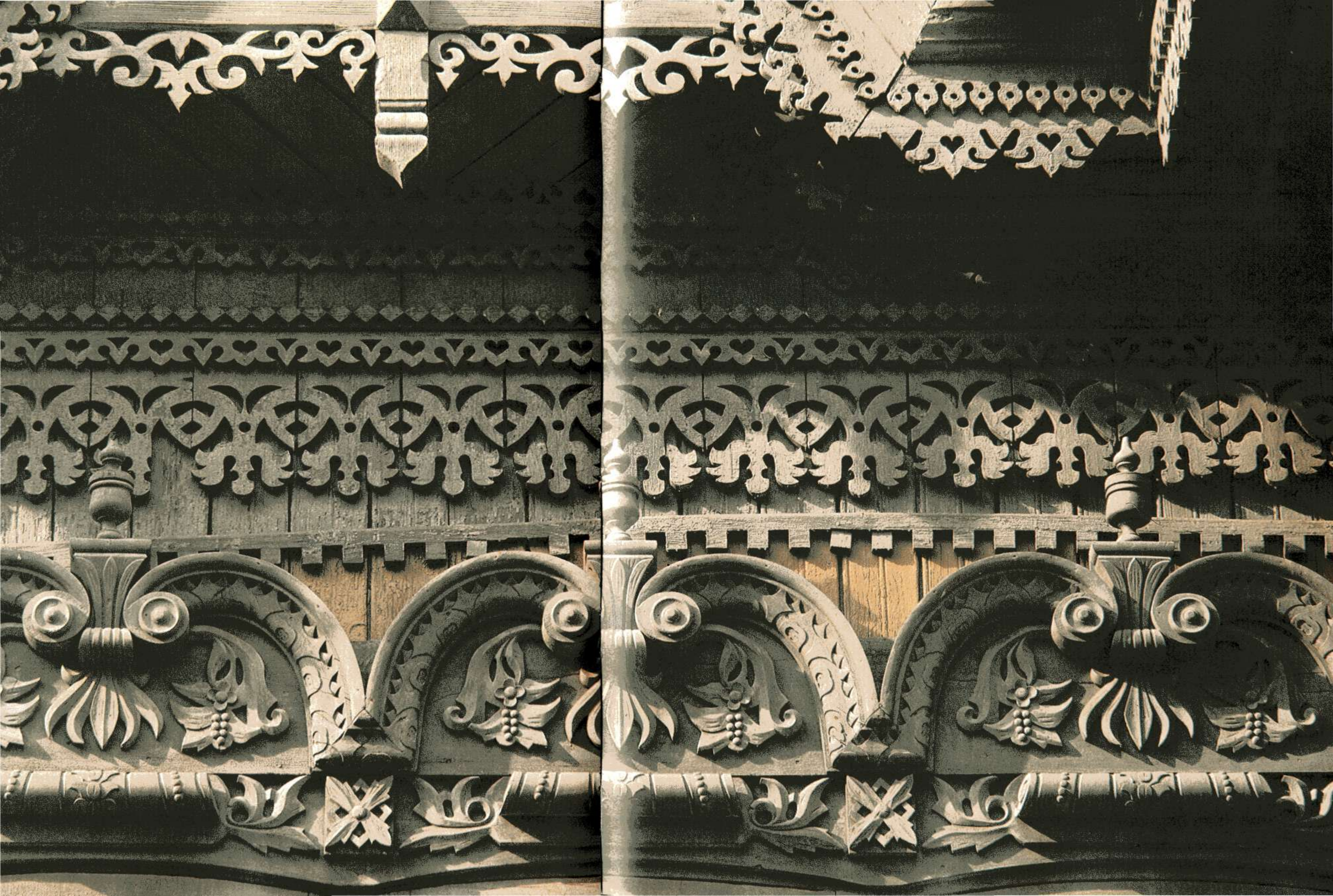


100 →
Наличник строенного
окна эркера
Верхняя часть

100 →
Top of combined window trim,
bay window



99





102

103





104

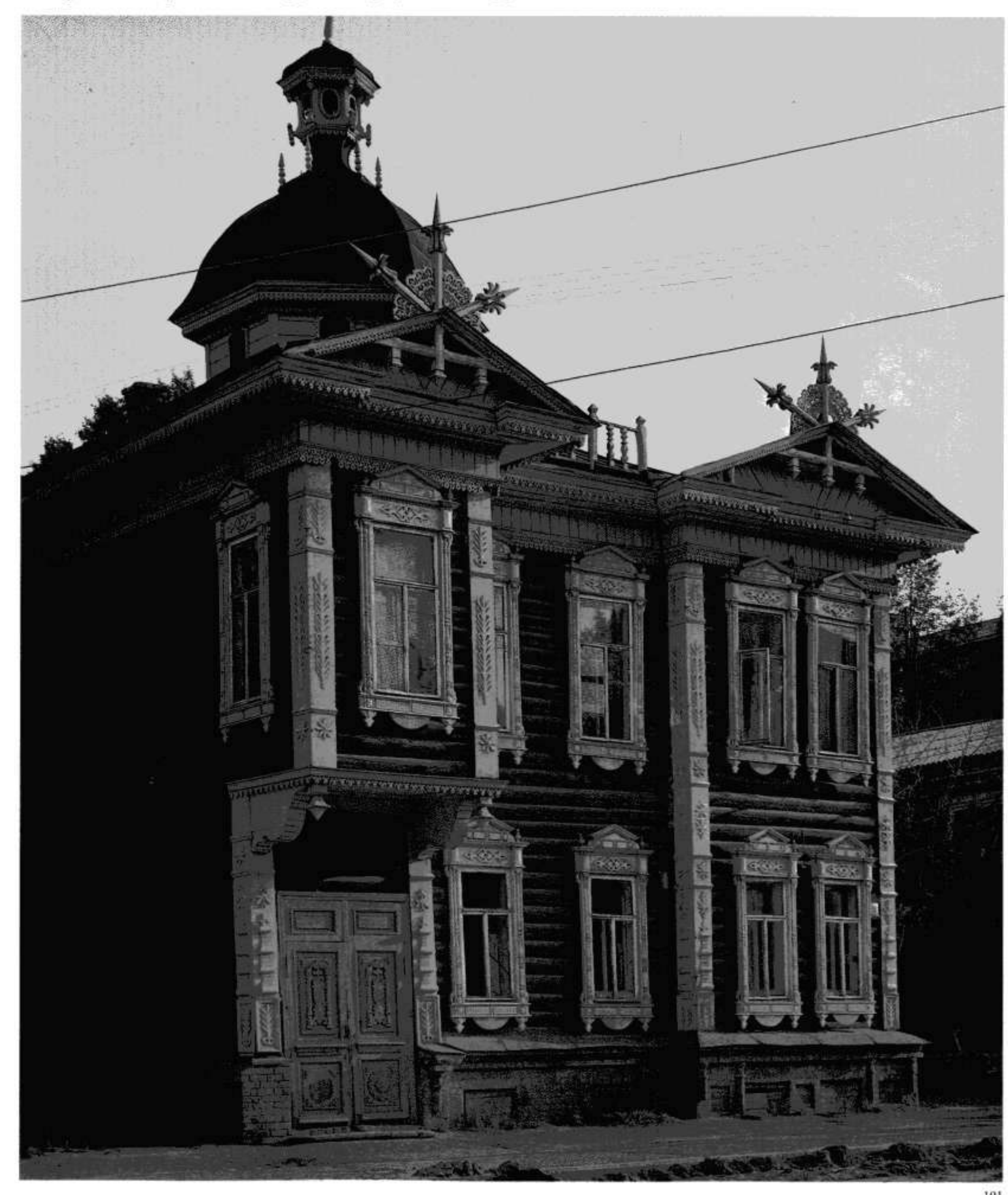
Улица Плеханова, 5а
101
Главный фасад
102
Эркер главного фасада
103
Фронтон
104
Дверь подъезда
Фрагмент

No 5a Plekhanov Street:
101
Main façade
102
Bay window, main façade
103
Pediment
104
Woodcarved decoration above the entrance

30)

Улица Плеханова, 5а

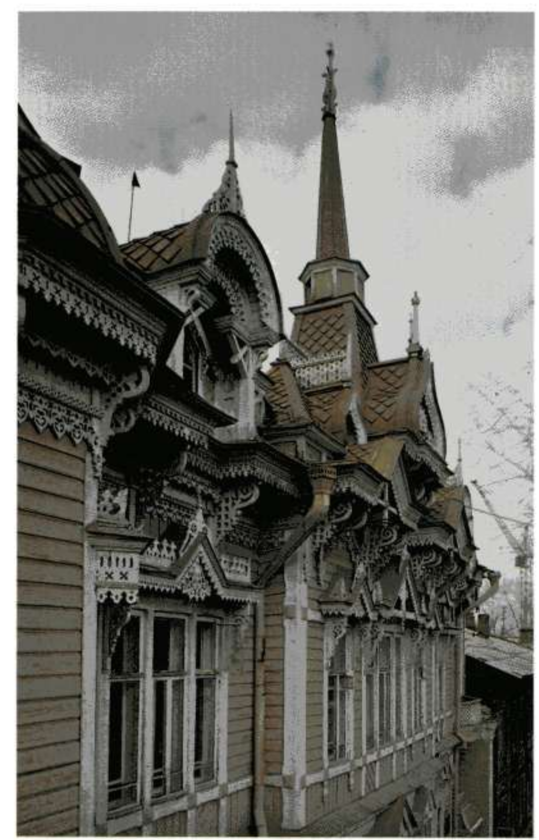
Своеобразный по композиции двухэтажный дом № 5а по улице Плеханова построен в начале XX века.
Небольшой, квадратный в плане, он интересен ярко выраженной пластикой главного фасада, с преобладанием „русского стиля“ как в архитектурных формах, так и декора. Асимметричность композиции главного фасада подчеркивается угловым трехчастным эркером, поддерживаемым массивными кронштейнами и расположенным по оси главного входа в здание. Эркер завершается треугольным фронтоном, восьмигранной башенкой, покрытой куполом с декоративным фонарем-маяком. Эта акцентировка фасада уравновешивается боковым ризалитом, на котором расположен крупный треугольный фронтон.



31)

Улица Белинского, 19

Уникальный дом № 19 на улице Белинского построен в начале XX века. Это единственное в городе здание, где строитель, опираясь на традиции народного зодчества, достиг подлинного совершенства, которое проявилось как в решении объемно-пространственной композиции здания, так и в применении декора.
Постепенное нарастание сложности архитектурных элементов на фасадах от первого этажа, наличники окон которого украшены скромными треугольными фронтончиками, и до пышного карниза, представляющего живописное сочетание многочисленных треугольных и полукруглых фронтонов, щипцов, кровли, увенчанной башенками с шатровым покрытием и шпилями, лучкообразных и бочкообразных кокошников, фриза, рассеченного ритмом резных кронштейнов... все это создает неповторимый, яркий, динамичный образ, а накладная прорезная резьба с мотивами русской народной вышивки и кружев, которой так щедро



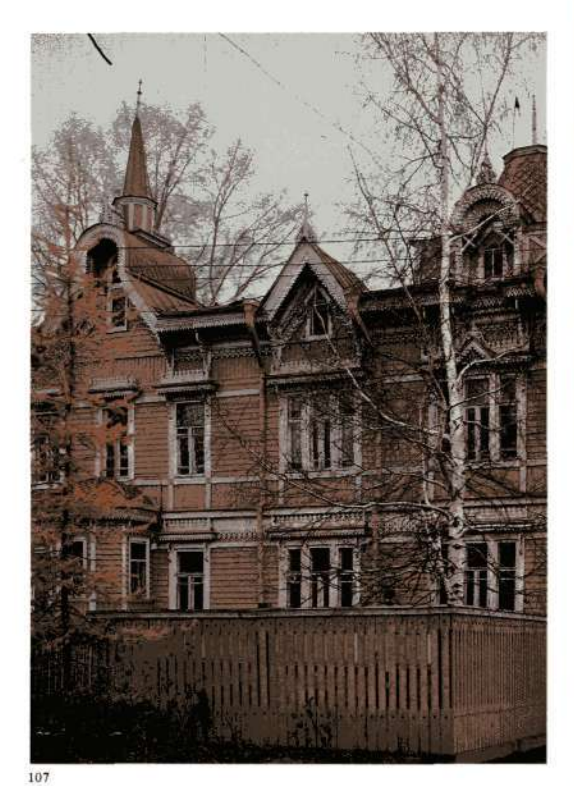
105

Улица Белинского, 19
105
Главный фасад
Фрагмент
106
Общий вид дома

No 19 Belinsky Street:
105
Main façade
106
View of the house

106

украшены детали дома, удачно дополняет его. Срезанный угол дома выделен при помощи многогранного эркера, который поддерживают резные кронштейны. Фланкирующий эркер балкон, подчеркивающий ось главного входа здания, перекрыт, как и эркер, куполом с металлической чешуей.


107


108


109

Улица Белинского, 19
107
Боковой фасад
Фрагмент
108
Главный фасад
Фрагмент
109
Кронштейны эркера
110
Угловой эркер

No 19 Belinsky Street:
107
Side front
108
Main façade with lesser spire
109
Corbels, corner bay window
110
Corner bay window


110

111
Главный фасад
Фрагмент

111
Main façade

32)

Красноармейская улица, 71



Среди разнохарактерной застройки Красноармей-ской улицы есть образцы деревянного зодчества, привлекающие внимание богатой резьбой (Красноармейская улица, 67а), оригинальным силуэтом (Красноармейская улица, 68 и 100), или, как дом № 71, — живописной планировкой и пышным декором.

В архитектурном решении дома № 71, построенно-го в начале XX века, как и дома № 19 по улице Бе-линского, проявились характерные черты русско-го народного зодчества.

Главным акцентом дома является восьмигранная

Красноармейская улица, 71
112
Общий вид дома
113
Башенка

No 71 Krasnoarmeiskaya Street:
112
View of the house
113
Small turret on the roof

112

114



115



116

Красноармейская улица, 71
114
Общий вид дома со стороны улицы
115
Фронтонный пояс башенки и подзор
116
Фронтон главного фасада

No 71 Krasnoarmeiskaya Street:
114
Street front
115
Turret with triangular arches decorated in fretwork
116
Pediment, main façade

башня, увенчанная шатром со шпилем. Здание в меру украшено прорезной и накладной резьбой виде резных кронштейнов, декоративных вставо между ними, солярного знака, который занимает центральное место на фасаде здания.

33)

Красноармейская улица, 68



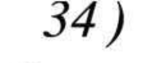
117

Одним из наиболее характерных качеств модерна является особое отношение к материалу, подчеркивание его эстетической сущности. Мастера, работавшие в этом стиле, отрицая стилеобразующие системы, питавшие барокко, классицизм и во многом эклектику, отказываются и от пышной резной орнаментики, определявшей архитектурный образ деревянных зданий, непосредственно предшествовавших модерну. Резные элементы присутствуют лишь там, где они отвечают конструктивной логике сооружения. И вместе с тем, возводя утилитарность в ранг художественного, мастера модерна не отказываются и от чисто изобразительных средств, вводя в архитектуру стилизованные изображения рыб, птиц, животных. Примечательно, что эти изобразительные мотивы, входя в канву композиционных средств архитектурных памятников модерна, черпаются не из античных и классических образцов (маскароны, кариатиды, атланты и т.п.), а из местных традиций (в первую очередь), а также североевропейской средневековой архитектуры.

Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в творчестве томского художника—архитектора В.Ф.Оржешко и, особенно, в построенном по его проекту доме по Красноармейской улице, 68. Акротерии в виде стилизованных лошадиных голов, завершающие коньки кровли, имеют прямой аналог — широко известную деревянную церковь в Боргунне (Норвегия, около 1150 г.).

Красноармейская улица, 68
117
Общий вид дома
118
Главный фасад
Фрагмент

No 68 Krasnoarmeiskaya Street:
117
View of the house
118
Main façade



119

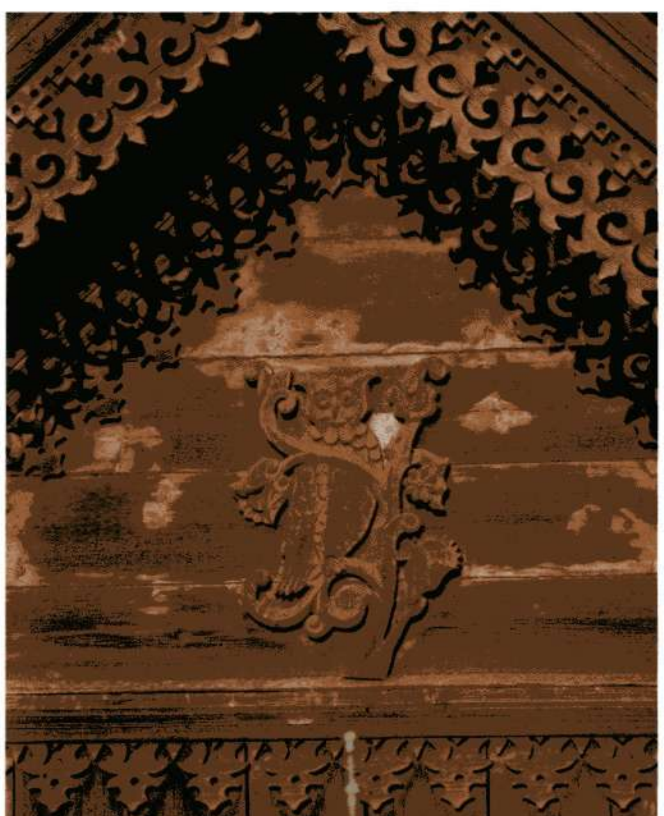
Красноармейская
улица, 68
119
Щипец
дворового фасада

119
No 68 Krasnoarmeiskaya Street:
gable-end

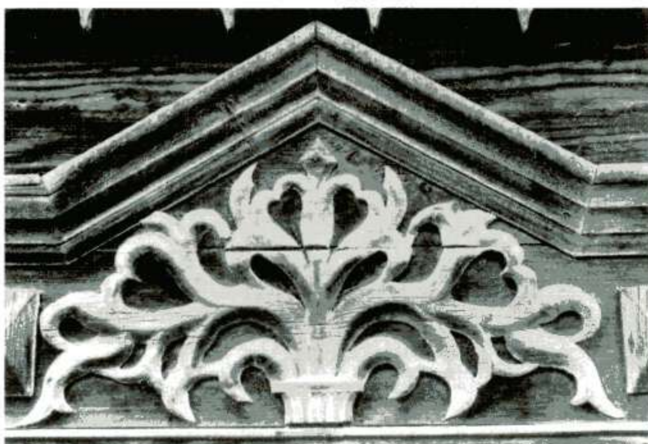
Улица Крылова, 4



120



121



122

Улица Крылова, 4
120
Картуш в фронтоне
над главным входом
121
Картуш в фронтоне
122
Украшение
в фронтончике

No 4 Krylov Street:
120
Cartouche placed above
principal entrance, showing Sirin
bird
121
Cartouche placed in pediment,
showing fabulous beast
122
Small pediment with foliate
decoration

35)

Улица Гагарина, 42

Дом № 42 по улице Гагарина, построенный в начале XX века, выполнен в стиле модерн, всецело отвечает особенностям этого архитектурного стиля. Свободное асимметричное решение объемно-пространственной композиции здания в целом уравновешено.
Основным акцентом всей композиции является угловая башня, крытая шлемовидным куполом со шпилем, подчеркивающая ось главного входа с тройным окном-эркером над ним. Характерные для стиля модерн большие окна, с причудливо напряженной линией и лаконичным орнаментом наличников, кронштейнов, фриза на необшитом бревенчатом срубе, в своей основе архитектоничны. В то же время в оформлении здания наблюдается тенденция смешения стиля модерн с древнерусскими архитектурными формами (шлемовидный купол, башня главного входа).



123



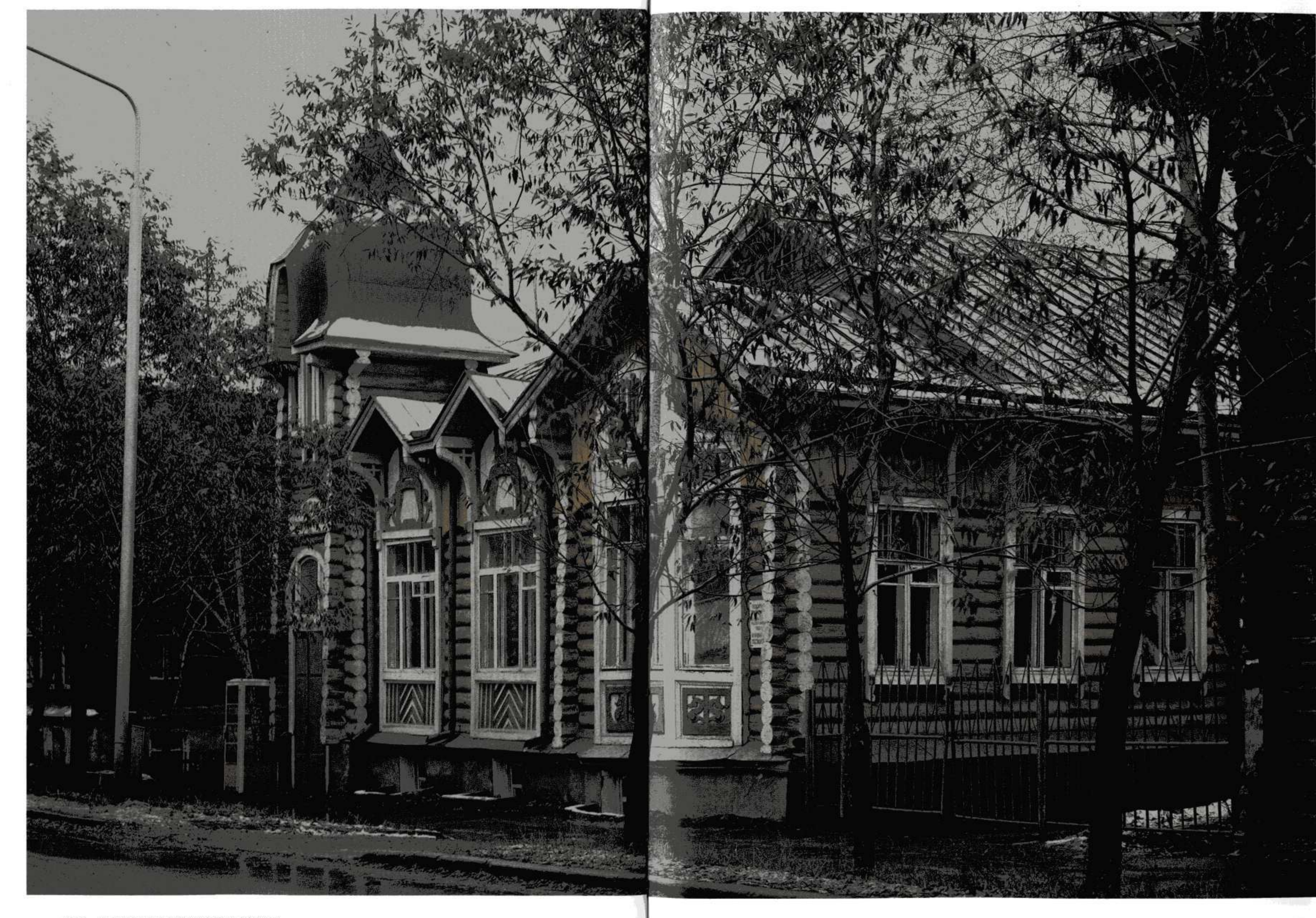
124

Улица Гагарина, 42
123
Окно-эркер главного фасада
124
Общий вид дома

No 42 Gagarin Street:
123
Bay window, *main façade*
124
View of the house

125
Дворовый фасад

125
Back front



Улица Гагарина, 42
126
Общий вид дома
со стороны улицы

126
No 42 Gagarin Street:
street façade

36)

Улица Карла Маркса, 33

Дом № 33 по улице Карла Маркса относится к характерным постройкам начала XX века. В нем также проявились отличительные черты стиля модерн. Сложный фриз здесь — не что иное, как сочетание традиционных подзоров с резными кронштейнами и вставками растительного орнамента. Характерные для стиля модерн мелкая расстекловка окон лестничной клетки, балконной двери, рисунок оформления входных дверей создают цельный образ памятника.

128
Главный фасад
Фрагмент

128
Main façade



128

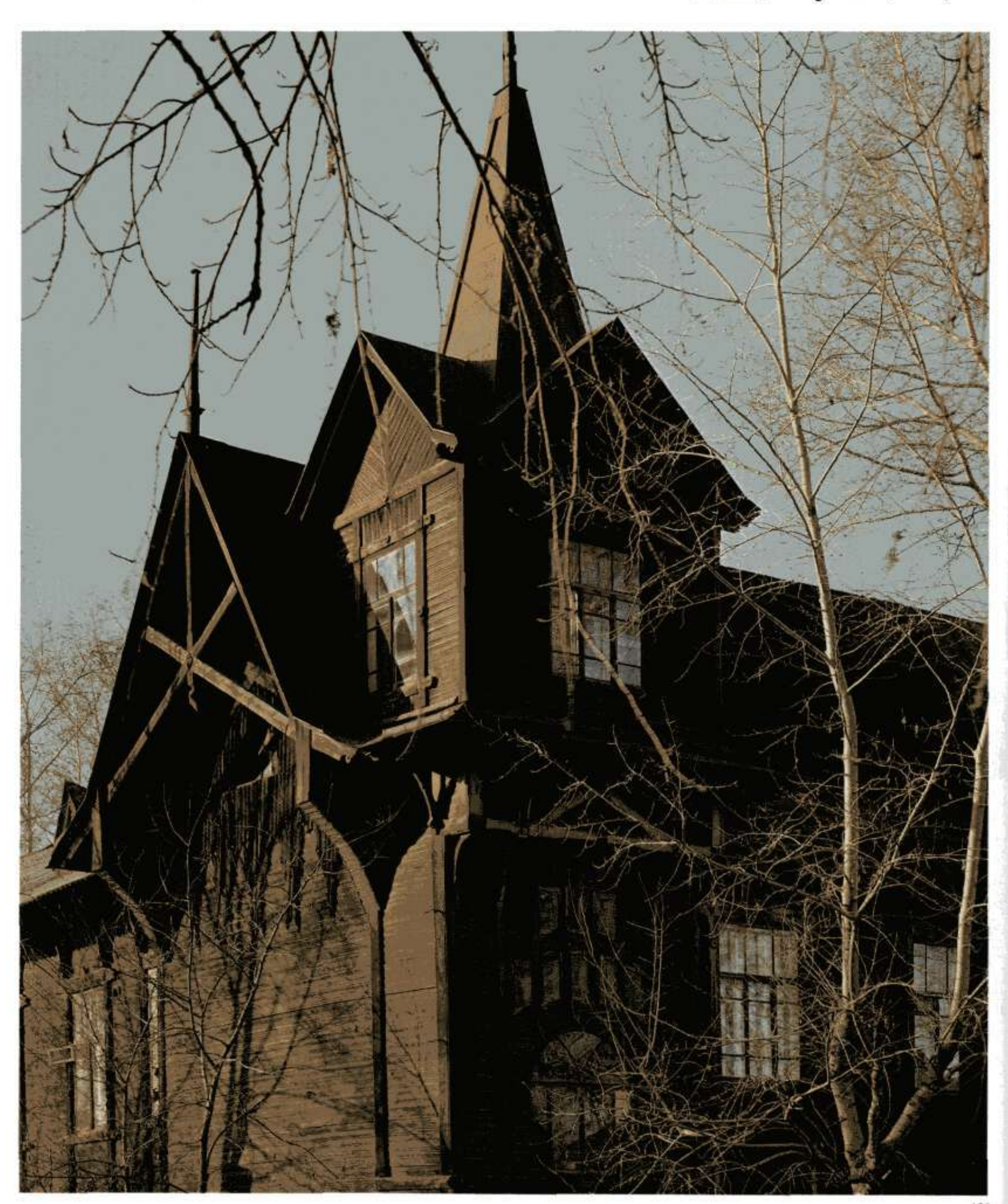
Улица Карла Маркса, 33
127
Общий вид дома

No 33 Karl Marx Street:
127
View of the house

127

37)

Улица Кузнецова, 17



129

Говоря об архитектуре дома № 17 по улице Кузнецова, следует отметить, что в нем, как и в ранее представленных объектах (Красноармейская улица, 68; улица Гагарина, 42), заметно влияние русского народного зодчества. „Народная“ форма проявляется в угловой башне, нависающей над главным входом и завершенной мансардным этажом с шатровой крышей. Декоративный каркас, закрывающий стыки обшивки, переходит в плавные формы кронштейнов карниза.

38)

Улица Герцена, 46

Дом сложен из бревен „в обло“ и обшит тесом (у последующих построек в этом стиле обшивка отсутствует). В плане имеет сложную конфигурацию. Центр композиции смещен.
Интересен декор памятника, сочетающий в себе два основных типа декора, характерных для модерна. Один из них — конструктивно-пластический (элементы конструкции щипца и кровли тамбура), вынесенный на фасадную плоскость. Другой — линейно-графический, образующий сложные арабески, заполняющие лобовые доски наличников и картуши фризового пояса. В отдельных частях здания оба типа декора „сплавляются“, подчеркивая и оттеняя достоинства каждого из них.



130

Улица Герцена, 46
130
Главный фасад
Фрагмент

130
No 46 Herzen Street:
main façade

39)

Улица Кузнецова, 30

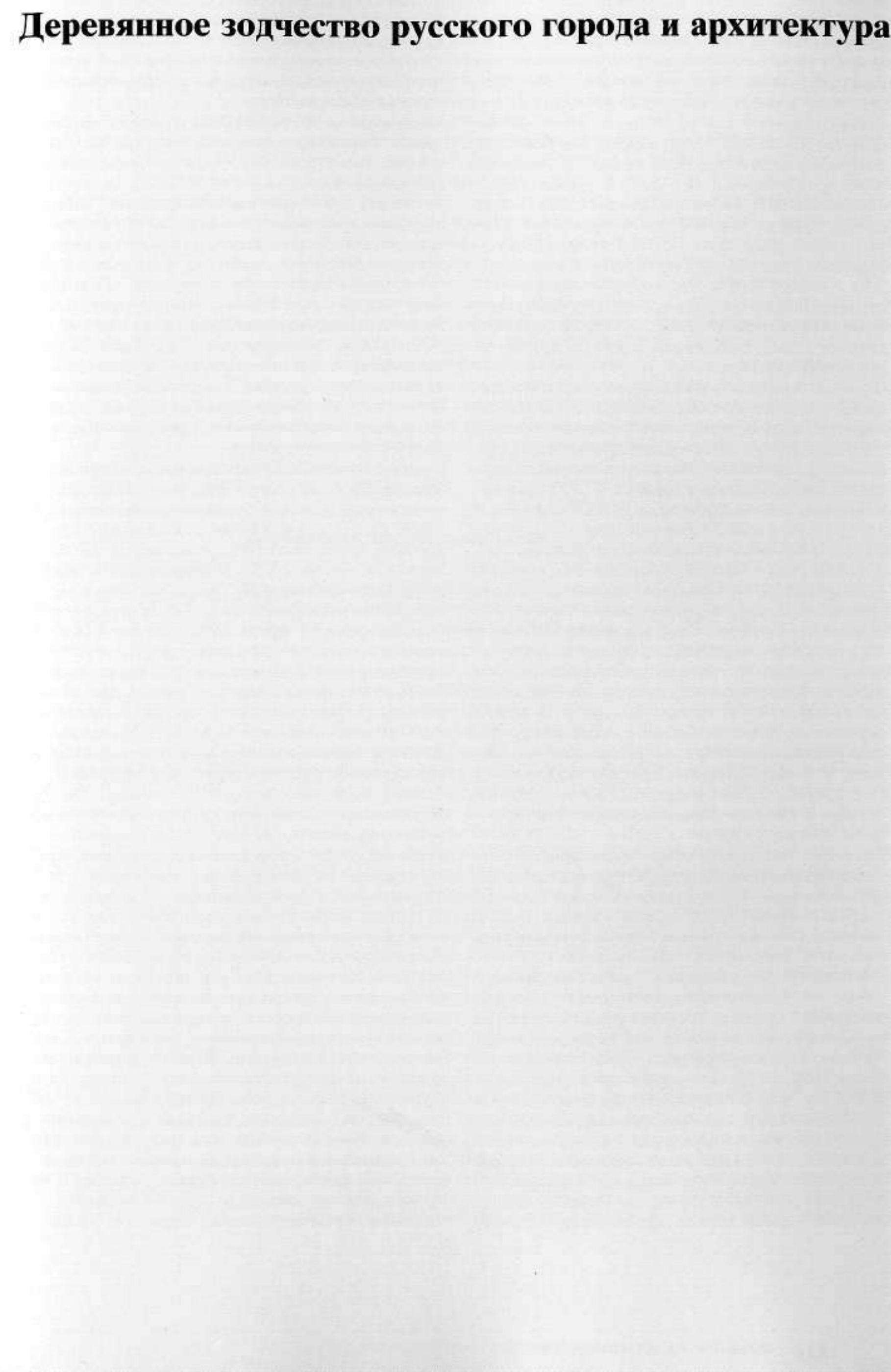
Дом № 30 по улице Кузнецова относится к тому же периоду (начало XX века), что и дом № 33 по улице Карла Маркса, и обладает теми же характерными особенностями стиля модерн. Общая архитектурная особенность дома — цельность объема, на котором крупные проемы сомасштабны размерам фасада. Это же качество присуще и декоративному решению карниза.



131

Улица Кузнецова, 30
131
Главный фасад
Фрагмент

131
No 30 Kuznetsov Street: main façade



Деревянное зодчество русского города и архитектура

Богата и содержательна история Томска — одного из старейших городов Сибири. Молодой по сравнению с Киевом, Владимиром, Черниговом, Суздалем, Ярославлем и Москвой (ему нет еще и четырехсот лет), Томск принадлежит к числу старейших в Сибири.

Основан Томск в 1604 году как пятнадцатая по счету русская крепость. Ему предшествовали Обский город (год рождения 1585), Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов и Пелым (1593), Лозьва (1590), Сургут и Тара (1594), Обдорск (1595), Нарым (1597), Верхотурье (1598), Туринск (1600), Мангазея (1601), Кетск (1602). Вторая половина XVI — начало XVII в. — время интенсивного строительства острогов и крепостей в Сибири — начинает эру русских „великих географических открытий". Томск моложе первого из сибирских городов всего на 19 лет.

Отличие Томска от многих других старых центров Сибири в том, что он является городом историческим не только по факту своего возникновения. Он донес до нас в своем облике зримые черты далекого прошлого. Это обстоятельство зафиксировано в законодательном порядке. В 1970 г. постановлением Совета Министров РСФСР ему в числе 115 других городов России присвоен статус исторического. В число исторических включались не просто города с особенно значительным историческим прошлым, но, главное, сохранившие материальные свидетельства происходивших здесь важных событий и великих дел, памятники ратной славы и революционного прошлого, замечательное историко-архитектурное наследие древности. О яркости и значительности памятников Томска свидетельствует то обстоятельство, что кроме него на огромной территории Сибири к числу исторических причислены всего тринадцать городов — Тюмень, Тобольск, Енисейск, Красноярск, Канск, Ялуторовск, Нерчинск, Иркутск, Омск, Шадринск, Ачинск, Куйбышев (Новосибирской области, бывш. Каинск), Курган.

Такова еще одна особенность многоликого Томска, который известен как культурная столица дореволюционной Сибири (здесь более столетия назад был основан первый в Сибири университет). И, наконец, в последнее время Томск начинают узнавать и как город-музей, город-памятник.

Основанием для зачисления Томска в разряд городов с особо ценным историко-художественным наследием послужил не древний кремль (деревянная крепость Томска до наших дней не сохранилась), не монастыри и соборы (их в городе единицы). Славу Томску принесли великолепно сохранившиеся массивы исторической деревянной застройки. Именно они превращают многие районы старого города в музей деревянного зодчества под открытым небом. В отличие от специально созданных, „музей деревянного зодчества" Томска сложился естественно-исторически. Он жил и продолжает жить одной жизнью со всем городом, придавая одному из самых динамично развивающихся центров сегодняшней Сибири неповторимое национальное своеобразие и столь ценимый ныне, в пору массового индустриального строительства, местный колорит.

Испокон веку на Руси строили по преимуществу из дерева. Рубили крепости, возводили храмы, монастыри, хоромы, съезжие и тиунские избы, гостиные дворы, жилые и производственные здания. В послепетровское время для подавляющей массы городов и всех деревень положение кардинально не меняется. Количественно по-прежнему преобладает деревянная застройка. В больших сибирских городах лишь в первой половине XIX в. начинают складываться относительно крупные массивы каменной застройки. Однако даже в начале XX в. не только для уездных, но и губернских городов типичной оставалась следующая картина: центральные площади и две-три главные улицы, застроенные каменными зданиями, окружают кварталы деревянной застройки с единичными вкраплениями каменных домов.

Томск в этом смысле не исключение, а типичный пример. Он часто горел. Отчасти из-за пожаров, отчасти по другим причинам основная масса деревянных сооружений Томска, как и других русских городов, представлена постройками второй половины XIX — начала XX в. О древнерусском периоде развития архитектуры Томска мы можем судить только на основе описаний и данных археологических раскопок. От конца XVIII — начала XIX в. дожило до наших дней несколько сооружений. Немногочисленны деревянные постройки середины XIX в. Несколько, больше деревянных, зданий мы можем датировать первыми пореформенными десятилетиями — 1860-м — 1870-ми гг. Но начиная с 1880-х гг. количество их резко возрастает. Основная масса исторической деревянной застройки Томска относится к концу XIX — началу XX в.

Деревянная застройка русских городов второй половины прошлого — начала нашего столетия — наиболее распространенная и количественно преобладающая до сих пор часть отечественного историко-архитектурного наследия и одновременно — уникальный в мировом масштабе культурный и социально-исторический феномен. Уникальный по многим причинам. Во-первых, из-за самого строительного материала. Ни в одном регионе мира, даже там, где именно деревянное зодчество является синонимом народного, в городах не существует таких крупных художественно-полноценных массивов деревянной застройки. Во-вторых, уникальны конструкция и обусловленный ею облик зданий — бревенчатые стены, рубка бревен с остатком — „в обло". Но самое главное, уникален круг ассоциирующихся и выражаемых этой архитектурой идей об исторической роли народа, о народе как определяющем факторе исторического развития. В то время как всюду множились свидетельства необратимости распространения „городских" форм застройки и укоренения явлений, которые стали обозначать термином „урбанизация", в России наряду с аналогичными фактами в архитектуре дают о себе знать и прямо противоположные. Нигде в мире не существовало ничего сопоставимого по масштабам и значимости с имевшим место в России многоаспектным сложным и широким процессом возрождения в городской застройке традиций и опыта деревянного народного крестьянского зодчества.

Предлагаемая читателям книга — уже второе издание, посвященное деревянной архитектуре Томска. Первое вышло более десяти лет назад и давно стало библиографической редкостью. Представляя свой труд на суд читателя, авторы пытались, опираясь на сделанное ранее, расширить и углубить представление об относительно самостоятельной части историко-архитектурного наследия Томска, показать лучшие памятники и воссоздать в общих чертах путь, пройденный за три века деревянным зодчеством одного из древнейших и одновременно — одного из самых молодых и молодежных городов Сибири.

Деревянная крепость на Томи

История деревянной архитектуры Томска начинается одновременно с историей города. Основанию его предшествовали знаменательные события. В 1600-м, на второй год своего царствования царь Борис Годунов издал указ: дани с сибирских народов не взыскивать. Это обстоятельство, в сочетании с непрерывными раздорами между соседями и постоянной угрозой набегов кочевых народов с юга, заставило одного из князей томских татар (зуштинцев) по имени Тоян просить русского царя взять его под свое покровительство. Событие это зафиксировано в грамоте „от царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии в Сибирь, в Сургутский город. Федору Васильевичу Головину да голове Гаврилу Ивановичу Писемскому. Бил нам челом Томские земли князек Тоян, чтобы нашему царьскому величеству его Тояна пожаловати, велети ему быти под нашею высокою рукою и велети бы на вотчине его в Томи поставити город. А место то де в Томи угоже, и пашенных людей устроити мочно, а ясашных де у него людей триста человек. И как де город поставят, и те де все ясачные люди придут к нашему царьскому величеству и ясак учнут платити. А которые не будут около того города наши непослушники и он, Тоян учнет про них сказывати и приводити их под нашу царьскую высокую руку ...". В Томь были посланы служилые люди. Они сняли чертеж местности и сделали „роспись подлинную дороге" от Сургута до Тоянова города. Удобство и выгоды его местоположения оказались настолько велики, что из Москвы немедленно снаряжаются гонцы в Тюмень. Отряду под водительством атамана Дружины Юрьева было приказано не мешкая выступить в Сургут и под началом казацкого головы Гаврилы Ивановича Писемского „в Томской волости поставить город". Сразу же, как сошел лед с Оби, отряд двинулся в поход. В июне он достиг Тоянова города, а к 7 октября 1604 года сооружение города, получившего название Томск, было завершено. Первоначальный Томск занимал небольшую возвышенную территорию на правом берегу Ушайки (современная Октябрьская улица, Воскресенская гора) неподалеку от впадения ее в Томь. На левом низменном берегу Ушайки располагался Тоянов городок из войлочных юрт.

По терминологии XVI—XVII вв. городом на Руси называлось всякое огороженное (укрепленное) место с более чем четырьмя башнями. Томская крепость с пятью башнями (тремя глухими и двумя проездными, воротными), таким образом, сразу же получила статус города. С наиболее уязвимой, равнинной северной стороны ее защищали мощные стены из вплотную приставленных один к другому деревянных срубов, заполненные землей и камнем — городней. Стена первоначальной томской крепости насчитывала 53 городни, длиной от 2-х до 4-х метров. Остальные три стороны крепости, защищенные самой природой крутыми склонами холма, были иной конструкции — острожной — и состояли из поставленных вертикально вплотную друг к другу заостренных кверху бревен — тына. Перед Ушайкой была воздвигнута еще одна оборонительная стена — чеснок — деревянный частокол с заостренными вершинами бревен, который устанавливался на дне защитного рва или на берегу небольшой речки под крепостными стенами.

Возведением оборонительных стен строительство города не ограничилось. В крепости были сооружены все необходимые для жизни ее небольшого населения здания — государевы погреба, склады и житницы для хранения оружейных припасов, зерна, соли и пороха (зелья), воеводские хоромы с горницей и сенями, съезжая изба с нарами и церковь во имя живоначальной Троицы с приделами Бориса и Глеба и Федора Стратилата (в честь Бориса Годунова и его сына Федора).

Учитывая малочисленность отряда, сооружавшего крепость (50 человек, но при копке земли, валке и вывозке леса и других подсобных работах использовались и люди Тояна), и то, что она была сооружена за три, максимум три с половиной месяца (в июне отряд прибыл к городку Тояна, а к 7 октября ее строительство в основном было закончено), нельзя не признать, что без тщательно продуманной, отработанной и проверенной схемы строительства крепостей возведение Томского города было бы невозможно. Не подлежат сомнению также одаренность и высокая квалификация мастеров, руководивших строительными работами. Не случайно из всех участников похода документы сохранили имена строителей, специально присланных в Сур-

гут из Москвы. Это уставщики над рубленниками (плотниками) Назар Заев и Денис Кручинин, мастера Терентий Вершинин, Василий и Семен Поломошные, Степан Алпатов, Аркатьев.
После завершения строительства „Томскова города" часть отряда с атаманом Дружиной Юрьевым с последней водой вернулась в Сургут. А на следующий год перед весной на смену его стрельцам и казакам прибыла первая партия переселенцев, набранная государевым прибором (обязательное переселение) и из охочих людей-выкликанцев (добровольцев) из сибирских мест, Перми, Вологды, Великого Устюга, Великих Лук.
Историческое ядро Томска не совпадает с расположением современного центра. Да и сама территория города была первоначально невелика. Тем не менее Томск был заложен в соответствии со всеми правилами древнерусского градостроительного искусства на возвышенном месте близ слияния двух рек, при впадении Ушайки в Томь.
Реки — важнейшие пути сообщения для густо покрытой непроходимыми лесами Руси. Благодаря им город сразу же получал две естественные трассы, связывающие его с миром. Одновременно „мысовое" расположение города-крепости было и наиболее выгодным для стратегической точки зрения. Река создавала труднопреодолимую естественную преграду. Мысовым было расположение едва ли не всех важнейших русских городов Древней Руси, начиная от знаменитых Киева, Владимира, Москвы, Нижнего Новгорода до множества мелких, менее известных. Таким же оказалось и расположение Томска. И развивался Томск по закономерностям, характерным для других русских городов. Выгоды его местоположения привели к тому, что одновременно с оборонной очень скоро у молодого, но быстрорастущего города появились новые функции, прежде всего торговые. У подножия города (т.е. крепости) стал складываться посад, который в свою очередь обносится стенами. Там же выросло сразу два торга — один на правом берегу Ушайки в Томском посаде непосредственно под крепостью. На ее противоположном, левом берегу близ Тоянова городка разместился меновой „калмацкий" торг. Оба эти торга дожили до наших дней, предопределив расположение нового центра и направления будущего развития города. Территории двух торгов слились впоследствии воедино и образовали Старобазарную, или Старособорную площадь (ныне площадь Ленина), сохранившую торговую функцию до наших дней.
Облик первоначального Томска воссоздается только предположительно. Заложенная на прежнем месте после жестокого пожара 1648 года крепость прямоугольной формы была более обширной, с семью башнями. Некоторое представление о ее облике дает „Чертеж земли Томского города", созданный в 1701 г. замечательным зодчим, строителем Тобольского кремля Семеном Ульяновичем Ремизовым. Его изображение включено в „Чертежную книгу Сибири". Особенности материала, из которого сооружался Томский и другие деревянные русские города-крепости, во многом определяли своеобразие их облика. В России преобладали постройки, возведенные из положенных горизонтально друг на друга бревен. Конструкции из вертикально поставленных бревен применялись в древнерусском зодчестве очень избирательно — только в оборонном строительстве.
Основой конструкции, главной модульной и пространственной единицей был сруб — или клеть, квадратное или прямоугольное в плане, сложенное из бревен помещение. Как свидетельствуют дошедшие до нас памятники плотницкого искусства XVI—XVII столетий, оптимальными тогда считались (а значит и чаще всего употреблялись) бревна толщиной в 25—50 см и длиной 7—12 метров. Размеры бревен зависели и от назначения зданий. Самые крупные шли на строительство наиболее ответственных и богатых построек — крепостных стен и башен, княжеских хором, храмов.
Главным инструментом плотницкого дела веками оставался топор. Заготовленные для строительства бревна (их называли в старину „осляди") на месте строительства рубили („вязали") в клети. Техника рубки („вязки") была многообразна. Наиболее распространенной вплоть до конца XIX в. оставалась рубка „в обло", или „с остатком". Примеры подобной техники сохранились от XV века. Археологические раскопки в Новгороде и в Московском Кремле подтвердили древность этого приема. „В обло" были срублены городни Кремля и основные здания старого Томска.
Прием рубки „в обло" прост. Вначале мастером рубилась выемка в бревне — „чашка" — с таким расчетом, чтобы другое бревно улеглось в нее с максимальной плотностью. Связь получилась монолитной и не требовала дополнительных скреплений. Коваными гвоздями крепили лишь осиновую дранку на крышах изб. Коваными гвоздями, но уже значительно большего размера, прибивали лемешины к кровле главок деревянных храмов.
С увеличением числа постоянных жителей в Томске растет количество жилых домов. В Древней Руси существовали две главные разновидности жилых строений. Опоясанные оградами усадьбы „лучших людей" с хоромами, баней, сараями, складами, даже домовой церковью перемежались или соседствовали с плотной застройкой небольшими, плотно поставленными одна к другой избами — жилыми домами „молодших людей". Они выходили на улицу узкой торцовой частью. Вход в них, как правило, устраивался сбоку. Облик изб существенно отличался от привычных нам сегодня, из-за отсутствия окон в нашем понимании. В рядовых жилых домах устраивались лишь узкие щелеподобные волоковые окна шириной в одно бревно. Волоковыми они назывались из-за характерной особенности своей конструкции: они закрывались (заволакивались) своего рода задвижкой, двигавшейся в пазах проема, прорубленного в верхней половине одного и нижней половине находившегося под ним бревна. Слюдяные окна в понимании, относительно близком нашему, устраивались только в храмах и богатых хоромах. В волоковые окна изб рядовых горожан слюдяные пластины вставлялись редко. Обычно употреблялись бычий пузырь или рыбий паюс, бумага, а в очень бедных семьях зимой для освещения использовались пластинки льда. Узкие щели волоковых окон не нарушали суровой монолитности бревенчатого объема изб, напоминавших по виду своею высотой (жилая часть избы ставилась на высокий хозяйственный этаж — подклет) и неприступностью крепостные башни. Главным зданием города была высившаяся за стенами деревянная церковь с колокольней.

Деревянное зодчество послепетровской России и Томска XVIII века

Петровское время знаменует собой кардинальный поворот в развитии русского искусства, а значит — и русской архитектуры. Его справедливо принято считать рубежом двух эпох. Конец XVII — начало XVIII в. завершают собой эпоху древнерусского искусства и начинают эпоху искусства Нового времени. Как и все другие, установленные историками, этот рубеж также условен. Он лишь обозначает, что тенденции и явления, которые исподволь назревали и проявлялись в русской культуре, русской жизни, русском искусстве на протяжении всего XVII столетия, на рубеже двух веков получают новый, чрезвычайно мощный импульс для дальнейшего развития. Правительством предпринимаются специальные меры, направленные на укоренение новых архитектурно-градостроительных принципов. Издаются указы о расположении вновь строящихся домов только вдоль линии улиц; запрещается сооружать их в глубине двора; для деревянных домов устанавливаются обязательные противопожарные разрывы. На погорелых местах застройщикам вменяется в обязанность строительство в соответствии с новыми принципами регулярного градостроительства. Наиболее характерной его особенностью, о чем свидетельствует и сам термин, является регулярность — геометрически правильная сетка улиц, прямые широкие улицы, геометрически правильной формы площади.
В согласии с правилами регулярного градостроительства дома, возведенные по красной линии улиц, должны иметь геометрически правильную форму плана и объема, выходить на улицу главным фасадом. Точнее, фасаду, выходящему на улицу, отныне начинают придавать значение главного; былая равнозначность фасадов постепенно уходит в прошлое. Это выражается в особой парадности облика и богатстве декора уличного фасада. В результате композиция здания постепенно приобретает отчетливо выраженную фронтальность. Ее архитектурные особенности определяются расчетом на преимущественное обозрение с одной главной точкой зрения — со стороны улицы. Главный фасад и уличное пространство превращаются в предмет специальной заботы архитекторов и градостроителей. При их проектировании ранее всего находят применение новые для России общеевропейские нормы стилевой архитектуры. Чтобы ускорить их проникновение в реальную строительную практику, при Петре издается серия образцовых проектов жилых домов, дифференцированных в соответствии с социальным статусом и имущественным достатком застройщика на три категории — для „именитых", „состоятельных" и „подлых".
Процесс вытеснения застройки древнерусского типа, которая в основной массе своей была деревянной (в Томске в XVII в. не существовало ни одного каменного здания), идет медленно. Положение начинает меняться только во второй половине XVIII в. С этого времени начинается решительное расширение сферы бытования новой архитектуры в плане территориальном и социальном. До сих пор ее социальное и географическое пространство ограничивалось новыми общественными зданиями, дворцовым строительством, созданием нового столичного города Петербурга. Новые правительственные мероприятия имеют целью перепланировку и укоренение новых архитектурных норм в строительстве, обслуживающем все без исключения слои городского населения всех городов необъятной Российской империи.
В 1762 г. была организована специальная Комиссия для строения городов Санкт-Петербурга и Москвы. Годом позже, в 1763 г. за подписью Екатерины II выходит указ „О сделании всем городам, их строению и улицам планов по каждой губернии особо". Таким образом всего лишь через год после основания из органа, ведающего только перепланировкой и перестройкой столичных городов, Комиссия для строений превращается в общегосударственный центр по руководству такого рода деятельностью. Ей предстояло наметить пути коренного изменения планировочно-пространственной структуры по меньшей мере 500 городов, тех, которым предстояло стать новыми административными центрами (губерний или уездов); фактически же указ предусматривал перепланировку всех без исключения городов империи на началах регулярности и столь же радикальное изменение общего характера всей городской застройки.
Практика строительства жилых домов в городах по типовым проектам, впервые введенная в России в начале XVIII в. в Петербурге, стала внедряться в жизнь во второй половине XVIII в. Особенно широкий, подлинно массовый размах она приобрела в первой трети XIX в. после издания в 1809—1812 гг. 12-ти тетрадей образцовых фасадов жилых домов. В результате почти на столетие пути

деревянной архитектуры города и деревни расходятся. Начиная со второй половины XVIII в. развитие массовой жилой застройки городов, независимо от материала (дерева или камня), идет в русле новой архитектуры, подчиняясь ее закономерностям. Деревянная архитектура деревни также не остается глухой к новым веяниям. Она постепенно ассимилирует отдельные элементы стилевого зодчества. Однако принципы ее остаются непоколебленными. Архитектура крестьянской деревни продолжает развиваться в рамках восходящей к древнерусскому зодчеству традиции народной культуры.

Такова общая схема. На деле же деревянная застройка отдельных русских городов вступала на новый путь развития в соответствии с особенностями своей истории, зависевшей от многих причин: от официального статуса города, от наличия в нем дворянской прослойки, наконец, от таких бедствий, как пожары. В первую очередь в 1760—1770-е гг. получали регулярный план и возрождались на новой основе города, пострадавшие от опустошительных пожаров, например Тверь. Иной была судьба Томска. Для него развитие новой архитектуры задержалось до начала XIX в. Только к этому времени начал существенно обновляться, теряя свой средневековый характер, облик города, и одновременно, как следствие, стал меняться облик его деревянной жилой застройки.

В Томске первой половины XVIII столетия появилось одно каменное здание денежной казны.

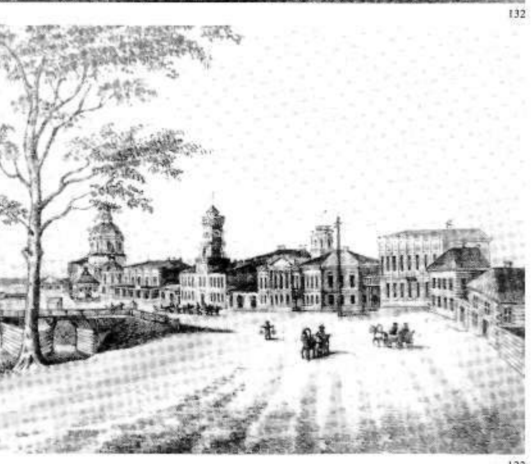
В дневнике известного естествоиспытателя, члена Петербургской Академии наук Иоганна Георга Гмелина, побывавшего в Томске в составе научной экспедиции, говорится о том, что по-прежнему на господствующей над городом Воскресенской горе высится „четырехугольная маленькая деревянная крепость, построенная по обычному для России при строительстве деревянных домов способу" с Соборной церковью в центре. На ее колокольне устроены часы. Они отбивают „время по старинке, с восходом и заходом солнца". Но Томск уже сильно разросся. Город занимает теперь не только возвышенную часть, но и равнинные территории у подножия кремлевского холма. В верхней части города, кроме Соборной, построены еще одна церковь и часовня. Центр жизни, однако, уже явно переместился вниз, к устью Ушайки. Здесь высятся три приходские церкви, женский и мужской монастыри, мечеть в Татарской слободе, четырехугольный гостиный двор с 45-ю лавками.

Прокладка Великого Сибирского тракта, пересекшего всю Сибирь и соединившего ее с двумя столицами России — Москвой и Петербургом, исключительно благоприятно отозвалась на судьбе Томска. Он не захирел с утратой былого стратегического значения, так как резко возросла его торговая роль. Гмелин специально отметил важность города как перевалочно-торгового и транспортного центра: „Если какой-либо город в Сибири расположен выгодно для торговли, то это Томск. Из Тобольска летом сюда можно удобно пройти по Иртышу, Оби и Томи. Сухопутная дорога на Енисейск и все другие города Сибири, лежащие на востоке и севере, проходит через Томск... Поэтому торговля в нем большая, и кажется, что почти весь город торгует, хотя есть здесь и довольно значительное купечество, чьими торговыми делами управляет специально для того поставленное начальство".

Деревянным и по преимуществу торговым остается Томск и во второй половине XVIII столетия. Но процветание города сказывается не только на его территориальном росте. В 1783 г. начинает возводиться первое каменное сооружение города — Богоявленская церковь, несколькими годами позднее — церковь Алексеевского монастыря и Воскресенская церковь.



132



133

Характерный для XVII в. традиционный облик города начинает меняться лишь в самом конце следующего, XVIII столетия и то лишь в той мере, в какой этому способствует строительство каменных храмов. Планировка Томска, архитектура жилых домов — основного массива городской застройки — остаются неизменными. Башням крепости, шатровым верхам деревянных храмов и колоколен, богатству силуэта, живописности объема и изукрашенности первых каменных храмов противостоит суровая простота изб посадских и служилых людей. Они сохранили от более раннего времени свои конструктивные особенности — простоту плана и башнеподобного объема, мощь бревенчатых стен, едва заметно прорезанных узкими щелями волоковых окон, крутые, далеко отступающие от плоскости стен скаты крыш.



134

132—134
Виды города Томска
с литографий
художника В.Флека
Рубеж 50—60-х годов
XIX века

132—134
View of the city of Tomsk.
After W. Flek's lithographs.
Late 1850s or early 1860s.

Деревянная архитектура губернского города Томска 1800—1870-е гг.

Первый регулярный план Томска был составлен в конце XVIII в. После этого он несколько раз уточнялся и дорабатывался, окончательный вариант был утвержден в 1830 г. В это время преодолевается наметившаяся в XVII в. двухцентровость: центр окончательно перемещается вниз. Кремль к этому времени не просто утратил градообразующее и функциональное значение. Стены его были разобраны, и он вообще перестал существовать как самостоятельная часть городского организма. Однако новый центр Томска в свою очередь приобретает развитый пространственный характер. Архитектурно его фиксируют две площади — Старобазарная (Старособорная, ныне площадь Ленина) и Новособорная (ныне площадь Революции), соединенные Почтамтской (Миллионной) улицей (ныне проспект Ленина).

Если взлет Томска в XVIII в. стимулировало проведение Сибирского тракта, то развитию Томска первой половины XIX в. и первых пореформенных десятилетий благоприятствовали два обстоятельства, непосредственно не связанные одно с другим но в равной степени, хотя и по-разному способствовавшие наметившейся уже в XVIII в. тенденции к превращению Томска в один из самых оживленных, интенсивно развивающихся городов Сибири.

В 1804 г. Томск стал губернским городом. Во вновь основанную губернию вошли земли нынешних Томской, Новосибирской, Кемеровской, Восточно-Казахстанской, Семипалатинской областей и отчасти Красноярского края. Превращение Томска в административный центр огромной территории стало первым после основания города поворотным моментом в его развитии. С этого времени ведет начало своего существования новая стилевая архитектура Томска. Придание Томску статуса столицы губернии резко увеличило требования к представительности его застройки. Стали сооружаться первые каменные гражданские здания.

В 1806 г. их насчитывалось всего 4, в 1817 г. — 12, в 1835 г. — 28, в 1850 г. — уже 50. Из камня сооружаются в первую очередь административные здания — магистрат и полицейская часть с каланчой на Базарной площади и торговые ряды там же; на Новой Соборной — присутственные места. Но главное, впервые за всю историю города из камня начинают возводиться и жилые дома. Отныне для облика города, радикально перепланированного в соответствии с нормами регулярного градостроительства, характерным становится сочетание каменной и деревянной застройки.

Меняется и характер самой деревянной застройки. То, о чем говорилось в предыдущей главе — о распространении норм новой стилевой архитектуры на область жилой застройки и прежде всего — деревянной жилой застройки в Томске, происходит лишь в начале XIX в., столетием позднее, чем в столичных городах, и на три-четыре десятилетия позднее, чем в городах европейской России.

Другим обстоятельством, во многом повлиявшим на рост городского строительства и распространение новой архитектуры, стало открытие золотоносных районов сначала по Берикюлю, правому притоку Кии, а затем в непосредственной близости от Томска — в верховьях Ушайки. На смену одиночкам-старателям пришли золотопромышленники. По их инициативе в Томске был основан первый в Сибири общественный банк. На главной улице, получившей название Миллионной, стали

возводиться дома золотопромышленников-миллионщиков в стиле классицизма. Классицизм в Томске начинает развиваться со значительным опозданием по сравнению со столичными городами, одновременно с превращением города в столицу губернаторства, и сохраняет свое значение на протяжении всей первой половины XIX в. Монументальный и торжественный строй архитектуры этих зданий определяется обязательной симметричной центрально-осевой композицией с колонным портиком в центре. Величавая простота, законченность и уравновешенность также являются неотъемлемыми чертами этой архитектуры. Яркий тому пример — дом золотопромышленника И.Д.Асташева (1842)(архитектор А.П.Деев), угол Миллионной (ныне проспект Ленина) и Нечаевской (теперь улица Фрунзе. В доме Асташева размещается сейчас историко-краеведческий и архитектурный музей Томска). В основу композиции его уличного фасада положен один из образцовых проектов, изданных в 1809—1812 гг. Почти одновременно и в непосредственной близости к этому зданию сооружается другой (аналогичный по формам и композиции, но деревянный) дом породнившегося с золотопромышленниками дворянина — Философа Александровича Горохова (не сохранился). Оба эти дома: каменный Асташева и деревянный Горохова — внешне были неотличимы один от другого: оштукатуренные фасады, симметричная центрально-осевая композиция, изящный колонный портик в центре фасада. Такова характернейшая особенность деревянной архитектуры Томска первой половины XIX в., свойственная послепетровской архитектуре в целом: деревянные строения зрительно неотличимы от каменных. Дерево, как материал, не только не выявлено, что характерно для древнерусского и народного зодчества, но скрыто под слоем штукатурки; формы здания имитируют распространенные в каменной архитектуре и характерные для каменных конструкций элементы. В более скромных зданиях штукатурка не применяется, но стены нередко обшиваются досками, имитируя швы каменной кладки, и окрашиваются в цвета, принятые для окраски каменных зданий.

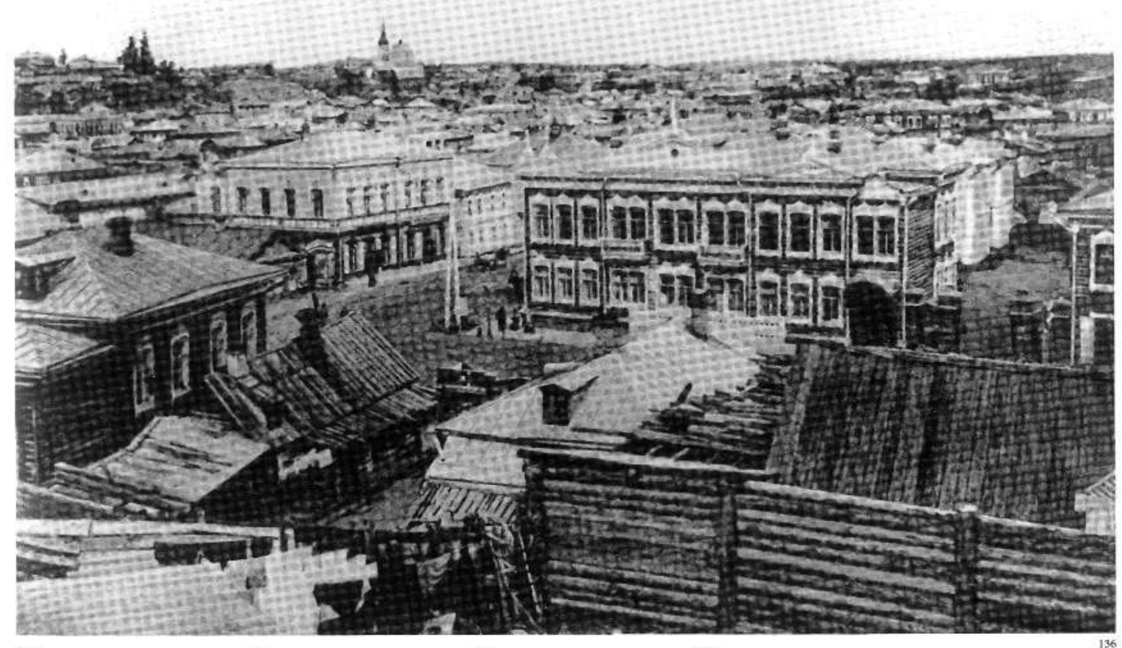
Однако и таких деревянных зданий в Томске сравнительно немного. Основную массу жилых домов, которые, как и прежде, строятся из дерева, составляют небольшие и скромные по размерам и облику жилые дома с 3—7 окнами по главному фасаду. Не оштукатуренные и даже не обшитые тесом, с традиционными, рубленными „в обло" бревенчатыми стенами, они сооружаются для мещан, ремесленников, духовенства — то есть слоев относительно мало состоятельных, а также для купечества. Главным их украшением служат наличники окон, карниз, руст. За редкими исключениями даже в столичных городах композиция фасадов рядовых жилых домов отличалась простотой и непритязательностью. Тем более это характерно для провинциальных городов и особенно — для городов Сибири, удаленных от столиц, и страдавших хронической нехваткой архитекторов. Уличные фасады подавляющего большинства деревянных домов лишены колонн и колонных портиков — главных элементов ордерной системы, с которыми в классицизме ассоциируется вся полнота меры выражения прекрасного в архитектуре. Свойственная этому стилю симметрия и выделение главной оси достигаются в подобного рода зданиях более простыми средствами — устройством обязательного, установленного в законодательном порядке нечетного числа окон на главном уличном фасаде или устройством мезонина — верхнего этажа не над всем, а только над центральной частью фасада. Директивность и жесткость регламентации достигают в классицизме предельного развития. Правительством в централизованном порядке устанавливаются обязательные схемы композиции и облик фасадов домов, оград и ворот, цвета, в которые надлежало окрашивать стены, декоративные детали и крыши домов. В общем — это идеальная установка, которой надлежало следовать, но далеко не всегда следовали, особенно на далеких окраинах России.

Тем не менее строительство жестко регламентировалось, и гораздо строже, чем каменное, регламентировалось деревянное строительство. Противопожарные мероприятия вызвали к жизни целый ряд ограничительных мер. В частности, запрещалось строительство деревянных домов без разрывов. В законодательном порядке были установлены обязательные расстояния между зданиями. Противопожарными соображениями объяснялись и ограничения размеров деревянных домов (длины, ширины и высоты). Запрещалось строительство деревянных домов более чем в 11 окон по главному фасаду. Запрещалось строительство и двухэтажных жилых домов. Допускалось только устройство небольшой надстройки над центральной частью основного объема здания (мезонин) или антресольного этажа (дополнительного полуэтажа — не над всей, а над более низкими, ориентированными во двор помещениями), не нарушавшего обязательный призматический объем здания. Все это обусловило специфический облик районов русского города, застроенных в основном деревянными жилыми домами, — преобладание одноэтажной застройки, распространенность мезонинов, большие разрывы между домами.

Деревянной застройке сибирского города присущи общерусские черты. Но столь же очевидны и отличия. Во-первых, в Сибири раньше, чем в других районах страны, стало разрешаться строительство двухэтажных зданий. А во-вторых, при строительстве рядовых жилых домов с безордерным фасадом чаще всего не употребляется не только штукатурка, но и тесовая обшивка. В соответствии с многовековой традицией древнерусской архитектуры стены в сибирских городах в подавляющем



135



136

135
Миллионная улица
Фотография
конца XIX века

136
Загорная и Акимовская улицы
Фотография рубежа
XIX—XX веков

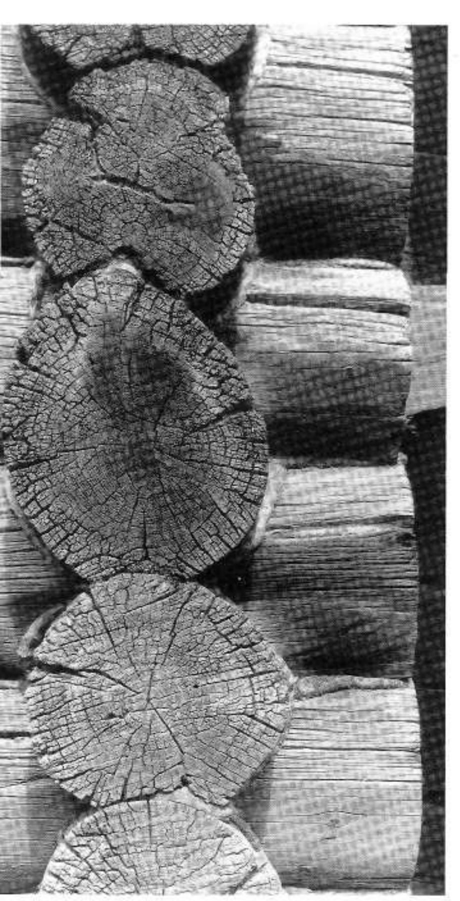
135
Millionnaya Street. Late 19th century. Photo

136
Zagornaya and Akimovskaya Streets. Late 19th or early 20th century. Photo

большинстве случаев, в том числе и в Томске, даже и в XIX в. оставались бревенчатыми. Сруб чаще всего рубился наиболее древним и традиционным способом — с остатком („в обло"). Могучие округлые формы бревен с выступающими на углах торцами придавали особый колорит деревянной застройке времени классицизма, стилевые признаки которого были представлены в Томске, как и всюду в Сибири, немногими деталями, имевшими чисто символический, знаковый характер свидетельства приобщенности к миру новой культуры и официальной принадлежности к сословию граждан Российской империи.

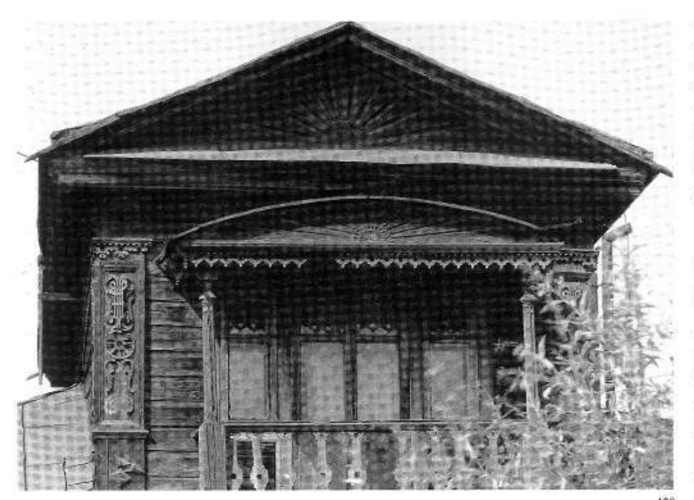
Наряду с ужесточением законодательных мер, направленных на достижение всеобщего перехода к использованию форм стилевой архитектуры, существенную роль в этом процессе сыграло очень далекое от идейно-художественных проблем зодчества обстоятельство: резкое увеличение производства листового стекла, превращение его в общедоступный строительный материал. Листовому стеклу, начавшему широко входить в употребление во второй половине XVIII в., обязано своим появлением окно деревянного жилого дома в современном, точнее, в близком к современному пониманию, виде. Употребление стекла сделало возможным изменение облика деревянного жилого дома в направлении, декларируемом правительственными постановлениями, позволило устраивать в домах даже наиболее скромных по достатку обывателей хотя бы одно косящатое (по конструкции аналогичное косяку двери) красное окно в центре фасада с двумя волоковыми по сторонам. Позднее все окна, ориентированные в сторону улицы, начинают устраиваться по образцу центрального красного. Щелевидные, почти не заметные на фоне мощных горизонталей бревенчатых стен волоковые окна сохраняются только для освещения подсобных помещений жилого дома и хозяйственных дворовых построек.

Наконец, еще одним техническим новшеством, облегчившим приближение облика деревянных домов к идеальным формулам каменной стилевой архитектуры, стало распространение лесопильных заводов и, как следствие, — резкое увеличение производства пиленых досок. С этим связано уменьшение роли топора, веками выполнявшего роль основного инструмента обработки дерева, постепенное вытеснение тяжелой древней конструкции бревенчатой самцовой кровли стропильной — более легкой и требующей значительно меньших затрат материала. В конечном результате это привело к трансформации восходящего к допетровской эпохе традиционного вида ставшего теперь главным торцового уличного фасада. С появлением стропильной кровли возникли реальные предпосылки для воспроизведения в дереве композиционных схем архитектуры классицизма, созданных первоначально в расчете на выполнение в камне. Разнохарактерность конструкции бревенчатой стены и дощатого заполнения торцовой части кровли сделала конструктивно обоснованным и художественно оправданным оформление этого перехода в виде классического карниза. Легкость стропильной кровли и дощатого поля фронтона позволили устраивать в последнем распространенные в стилевой каменной архитектуре полуциркульные окна и большие полуциркульные ниши, в которых помещались балконы. Наконец, применение стекла, позволившее устраивать на фасадах относительно большие окна, подготовило почву для появления в архитектуре наличников, родственных тем, что применялись в каменных постройках, созданных по всем правилам эстетики классицизма. Словом, применение в деревянном жилищном строительстве новых материалов и конструкций (стекла и стропильного покрытия) оказалось своего рода революционным актом, облегчившим распространение норм стилевой архитектуры в деревянной жилой застройке русских городов. Оно сделало логичным и естественным использование наиболее характерных и приметных деталей, элементов и форм архитектуры классицизма — фронтонов, карнизов, наличников, балясин, кронштейнов и т.п.



137
Октябрьская
улица, 71
Сочленение бревен

137
No 71 Oktyabrskaya Street:
horizontal timbers



138



139

138
Улица Островского, 22
Балкон
и фронтон мезонина

139
Водяная улица, 33
Главный фасад дома

138
No 22 Ostrovsky Street: balcony
and pediment, attic storey

139
No 33 Vodyanaya Street:
main façade

Крестьянская архитектура в сибирском городе

Скромные домики классицизма, о которых до сих пор шла речь, сохранились до наших дней в относительно небольшом количестве, и не они определяют сегодня своеобразие деревянной архитектуры старого Томска. Неповторимую красоту и специфический колорит его историческим районам придают постройки следующего периода в развитии русской архитектуры — второй половины XIX — начала XX в. Возведенные в это время сооружения обнаруживают принципиально отличные, даже противоположные деревянной застройке классицизма черты. Деревянное зодчество классицизма в своих идеальных установках ориентируется на неотличимость от каменного зодчества. Другая неотъемлемая и характерная его особенность — столь же программное следование образцам высокой стилевой архитектуры, получившей максимально полное выражение в зданиях дворцов, особняков и крупных общественных сооружений. С подражанием этим типам построек связаны ориентации на классическое наследие и обязательность использования элементов и композиционных схем классической ордерной архитектуры и столь же сознательное отталкивание, стремление избежать в облике зданий, особенно в архитектуре главных, уличных фасадов, всего, что напоминало бы традиционный характер древнерусской деревянной застройки, наследие которой в обновленном и переосмысленном виде продолжало жить полнокровной жизнью только в народном крестьянском зодчестве.

Подавляющая масса деревянных домов Томска, представленная в альбомной части нашего издания, сооружена в послеклассический период развития архитектуры на основе прямо противоположной, господствовавшей в классицизме идейно-художественной программы, опираясь на принципы и приемы народного крестьянского зодчества. Своеобразие деревянной застройки русских городов и деревянной архитектуры старого Томска, как частного проявления общерусского явления, состоит в проникновении народной традиции крестьянской архитектуры в городскую. Правда, непосредственно и определенно оно, и то в существенно преобразованном виде, проявилось лишь в

одной сравнительно локальной области — в деревянном жилом строительстве, составлявшем в это время далеко не весь массив городской застройки и даже ее жилой части.
По времени приход народного крестьянского начала в городскую жилую архитектуру совпадает с первым этапом победного шествия каменной архитектуры и ее относительно широкого распространения в крупных сибирских городах, в том числе и в Томске. Оба явления — влияние крестьянской деревянной архитектуры на деревянную же городскую и развитие каменного строительства — в равной степени характерны для полувека русской истории, прошедшего со времени отмены крепостного права до первой мировой войны и Октябрьской революции.
Не следует недооценивать принципиальной важности открытого, зрительно очень демонстративного и очевидного для всех укоренения народного начала в городскую архитектуру, весь ход развития которой до сих пор, начиная от петровского времени, был нацелен если не на изгнание, то на нейтрализацию его присутствия. В этом факте нельзя не увидеть выраженной средствами архитектуры радикальной переоценки ценностей, крутого мировоззренческого сдвига, существенных перемен в социально-экономической жизни.
В середине XIX века была легализована и в законодательном порядке санкционирована возможность возвращения (или появления) в городской застройке сооружений, могущих быть причисленными к народной архитектуре, точнее к архитектуре, опирающейся на традицию народного зодчества. За этим стояло признание равного исторического и культурного значения двух художественных традиций, оценивавшихся в классицизме как главная и второстепенная, — классической и народной. К народной причислялась в XIX в. и древнерусская культура, а не только собственно народная, крестьянская. Главное же — за этим, как будто сугубо частным и не очень важным, явлением архитектурной жизни скрывались и с его помощью находили выражение новые представления об исторической роли творцов народной культуры — о народе как активной, определяющей силе исторического процесса.
В архитектуре решающие социально-экономические и мировоззренческие сдвиги находят неизменно, пусть косвенное и опосредованное, но чрезвычайно наглядное, и что самое важное — общепонятное и общезначимое воплощение. В конце 1820-х —1830-х гг. с зарождением романтических тенденций начинает меняться господствующая художественная ориентация, то есть отношение к наследию прошлого, которое признается образцом, достойным подражания. В эстетике классицизма вся существовавшая когда-либо архитектура строго дифференцирована на главное и второстепенное. К главному, имеющему значение непреходящего образца, причислено лишь наследие Древней Греции и Рима и Ренессанса: с последним связывается возрождение античности. По сравнению с античностью и Ренессансом все созданное другими народами в иное время, в том числе древнерусское и русское народное искусство, расценивается как второстепенное, имеющее сугубо локальный характер явление.
1820-е — 1830-е гг. были в этом смысле временем великого перелома и решительной переоценки традиционных ценностей. Отныне к достойным подражания источникам причисляется все без исключения наследие мировой архитектуры. Это означало в первую очередь фактическую реабилитацию и признание исторического значения за привычно противопоставлявшимся античности средневековым и народным зодчеством. Программная широта и универсализм подобной установки позволили, не посягая на авторитет традиционно высоко ценимого наследия античности и Возрождения, увидеть ценность и непреходящее значение других культур, в том числе и собственной народной крестьянской культуры. Переоценка ценностей открывает доступ в городскую архитектуру с конца 1820-х гг. наследию древнерусского, а с конца 1850-х гг. — и живой традиции современного народного (крестьянского) зодчества. То и другое активно используется, к их опыту широко обращаются и его активно обновляют архитекторы, получившие профессиональное образование, — факт немыслимый в архитектуре классицизма. Столь же необычен для нее и другой, аналогичный по смыслу факт — обращение народных мастеров, работающих в кругу традиционных приемов и методов, к практике и приемам профессиональной архитектуры, сближение двух до сих пор развивавшихся самостоятельно архитектурных потоков, и слияние, синтез их в таком уникальном в мировой архитектуре явлении, как деревянная застройка русского города второй половины XIX — начала XX в. В общей массе русских городов томской деревянной архитектуре, отмеченной яркими чертами местного своеобразия, принадлежит одно из ведущих мест.
Однако чтобы сложение нового типа городской деревянной жилой застройки стало возможным, должен был произойти не только качественный поворот в мировоззрении, но в соответствующем ему направлении должно было измениться строительное законодательство. В 1830—1850-е гг. в Строительном уставе появляются новые статьи, продиктованные стремлением учесть и удовлетворить все многообразие индивидуальных запросов отдельных застройщиков. Из запрещающего и ограничительного строительное законодательство превращается во многом в разрешающее. Не отменяя укоренившихся принципов регулярности, новые указы направлены на смягчение жесткости недавней регламентации во всем, что касается облика зданий, архитектурно-художественных особенностей фасадов, всего, что связано с символико-содержательной функцией архитектуры, идейной стороной ее образов. Логическим завершением этого процесса становятся указы, отменяющие обязательное ранее нечетное число окон на фасаде, окраску домов в строго определенные цвета. В 1858 г. регламентации стиля и облика городских зданий окончательно приходит конец. Специальным указом дается разрешение сооружать частные постройки, „коих фасады отступают от образцовых чертежей".
С прекращением в конце 1860—х гг. обязательного строительства жилых домов по высочайше утвержденным фасадам кончилась целая эпоха в истории архитектуры русского города. Наибольшее влияние выход этого указа оказал на развитие деревянной архитектуры русских городов.
Возникновение сложной системы ограничительных и регламентирующих мер было обусловлено стремлением ввести развитие архитектуры в строго определенное русло, подчинив облик сооруженных зданий столь же определенным правилам. Это в свою очередь должно было гарантировать возможность появления на улицах городов лишь сооружений, соответствующих официально признанным архитектурным нормам. Нормы эти возникли и развивались в сфере культуры высших классов. Поэтому отмена обязательности образцовых фасадов по сути дела означала отмену обязательности строительства зданий на основе композиционных приемов и форм, в своем возникновении генетически связанных с культурой этих классов.
Дальнейшее развитие событий показало, что как только появилась малейшая возможность, широкие слои городского населения заявили о своих художественных, а значит — и социально-этических ценностях — в высшей степени решительно и определенно. Заявили созданием деревянной застройки, качественно и принципиально отличной от деревянного и каменного зодчества барокко и классицизма.
Быстрота и всеобщий характер распространения этого явления поистине поражают. На протяжении десятилетия на всем пространстве колоссальной империи, от берегов Финского залива на западе до Тихого океана на востоке, от Белого моря на севере до границ населяемой русскими лесной зоны на юге, практически одновременно начинают сооружаться обладающие удивительной общностью деревянные постройки. Позднее будет сказано о своеобразии томской деревянной архитектуры, об ее отличии от архитектуры других сибирских городов и областей европейской России. Но это будут различия внутри общности. Общность значительно сильнее различий. Различия касаются второстепенного и частного, общность имеет принципиальный, фундаментальный характер.
В этой архитектуре нельзя не видеть выражение народного вкуса. Но для того чтобы стало реальностью быстрое и естественное вхождение деревянного зодчества крестьянского типа в городскую архитектуру, должны были произойти также определенные изменения в нем самом, сделавшие это вхождение не только возможным, но и органичным. Чтобы были яснее исходные условия формирования деревянной застройки второй половины XIX в., хочется очень кратко рассказать о том, как развивалась в XVIII—XIX столетиях архитектура русской деревни.
Древнерусский тип усадебного хоромного строения исчез, судя по всему, в 60—70-е гг. XVIII в. В это время, вслед за выходом в свет указа о вольности дворянства, освобождавшего его от обязательной государственной службы, начинается широкий и необратимый процесс распространения новой архитектуры в дворянской среде. Несколько позднее начинается процесс преобразования крестьянской жилой архитектуры. Для крестьянской архитектуры конец XVIII — первая половина XIX в. — время великого перелома. Никогда прежде она не обнаруживала столь отчетливой тенденции к переосмыслению традиций и открытости новшествам. На протяжении этого времени в крестьянском зодчестве укореняется ряд новых черт, в частности новые планировочные приемы, в общем подобные тем, которые получили распространение в ходе тотальной перестройки русских городов на началах регулярности. Однако новые планировочные принципы лишь создавали предпосылки для формирования новых качеств. Они смогли сложиться в законченную систему только благодаря применению стекла, пиломатериалов и железа, видоизменяющих, как и в случае с городским деревянным строительством, композицию уличного фасада. В его облике появляются новые черты — в частности, такая не свойственная ранее архитектуре крестьянского дома особенность, как широкое использование декоративного убранства. Украшаются наиболее важные части ставшего главным уличного фасада — обрамления окон — наличники, венчающая часть и вход в здание — крыльца или ворота. Крестьянское зодчество заимствует из городской архитектуры и усваивает, притом вполне добровольно, элементы второстепенные с точки зрения практической, но первостепенные с точки зрения содержательной, несущие смысловую нагрузку, — мотивы декора. Однако ни добровольность, ни широта заимствований не исключают избирательности использования опыта стилевой архитектуры, которая последовательно проявляется в предпочтительном заимствовании декоративных форм. Заимствованию подлежат мотивы наружного декора наиболее престижных типов каменных зданий — храмов и дворцов. Особой симпатией у заказчиков и исполнителей пользуются декор и резьба храмов XVII — начала XVIII в. Подчеркнутые наличником величина окна и регулярность его расположения приобрели первостепенное смысловое и художественное значение в системе главного уличного фасада избы. Введение в практику крестьянского строительства стропильных крыш и

отказ от самцовых кровель открывает, как и в городской деревянной застройке, дорогу использованию отдельных элементов классической ордерной архитектуры — карнизов, фронтонов, балконов с ограждением в виде балясин, тройных окон, мезонинов и т.д. Однако в отличие от стилевой архитектуры ордерные элементы, как и вообще декор, в крестьянском зодчестве приобретают откровенно аппликативный характер. Декор совершенно лишен того качества, которое является определяющим в стилевой архитектуре классицизма, где система ордерных форм, декоративная по существу, имеет вид реально работающей конструкции. Реально работающей конструкцией в крестьянском зодчестве является бревенчатая; она остается видимой. Контраст суровых бревенчатых стен с богатым декором венчающей части и наличников уличного торцового фасада — неотъемлемая особенность этой архитектуры.
Тенденция к переосмыслению разнохарактерных источников в органическом целом крестьянского дома оказалась настолько естественной и соответствующей природе этой архитектуры, что она была воспринята и мастерами стилевой архитектуры, которые начинают проектировать для крестьян. Хотя, может быть, дело обстояло несколько иначе. Может быть, приемы, с помощью которых достигался своеобразный симбиоз народного и стилевого начала в крестьянском зодчестве первой половины XIX в., который представляли собой крестьянские постройки окрестностей Петербурга, были восприняты крупнейшим из мастеров русского классицизма К.И.Росси как воплощенная народность и воссозданы им при проектировании в 1815 г. деревни Глазово под Павловском. В свою очередь проект Росси стал эталоном для более поздних серий образцовых проектов крестьянских домов, постоялых дворов, административных и общественных зданий для деревни, в большом числе создававшихся на протяжении 1830—1850-х гг. в системе государственного проектирования, а также проектов, публиковавшихся в разного рода альбомах в расчете на строительство без участия дипломированного архитектора.
Последним в ряду усиленной законодательной и проектной деятельности 1830—1840-х гг. в области крестьянского строительства стал указ от 17 августа 1853 г. По смыслу он перекликается с указом 1858 г., касающимся городской застройки. Им отменялась обязательность всех ранее изданных постановлений по регулированию застройки сел. Даже в селениях вдоль шоссе, где регламентация была особенно жесткой, разрешалось строить дома по тем планам и фасадам, какие владельцы найдут наиболее удобными и выгодными.
К середине XIX в. процесс ассимиляции крестьянским строительством норм стилевой архитектуры был в основном завершен. Крестьянское зодчество древнерусского типа, как целостное жизнеспособное явление, к середине XIX в. ушло в прошлое. Цикл его развития закончился. Народное зодчество деревни по своему развитию стало вровень со стилевым зодчеством города, сопоставимым с ним, хотя и не адекватным ему, сохранившим свою специфику. Государственное законодательство 1830—1850-х гг. в области архитектуры оказалось столь же определяющим фактором развития застройки деревень, как законодательство второй половины XVIII — начала XIX в. для судеб зодчества русского города.
Постановлениями 1850-х гг. создавались предпосылки непосредственного выражения массовых вкусов в архитектуре деревянных жилых домов — наиболее массовом дешевом демократическом виде городского строительства. Едва намеченная в правительственных постановлениях возможность строить в крестьянском вкусе вылилась в реальном строительстве в неотвратимое, приобретшее всеобъемлющий характер движение, которое развивалось поистине молниеносно. Вкусы заказчиков обозначились в нем с предельной четкостью, а главное — в большой мере оппозиционно по отношению к опыту современной каменной стилевой архитектуры. Вместе с тем деревянная застройка русских городов второй половины XIX — начала XX в. генетически связана с тем, что делалось в крестьянской архитектуре 1830 — 1850-х гг. народными мастерами и дипломированными архитекторами. Народное зодчество к этому времени настолько глубоко и органично ассимилировало приемы и формы стилевой архитектуры, а стилевое зодчество в своем развитии настолько приблизилось к преобразованному принципами стилевой архитектуры народному зодчеству, что возникли реальные предпосылки глубоко своеобразного синтеза обоих в таком характерном для этого времени явлении, как деревянная застройка русского города. Она в равной степени может рассматриваться как явление народного творчества — городского и крестьянского сельского — и как одна из разновидностей „русского" стиля, развивающегося в русле стилевой архитектуры.
В общем вся стилевая архитектура второй половины XIX в., особенно в части, касающейся композиции фасадов, основывается на тех же закономерностях, что и современная ей деревянная жилая застройка русских городов. В строго определенной сфере деревянной застройки из-за относительной близости социального статуса основной массы заказчиков, родства строительного материала, а отчасти и мотивов декора, родство закономерностей народного и стилевого зодчества выступает с особенной очевидностью.
В результате возникает ситуация, противоположная существовавшей в городской архитектуре в конце XVIII — начале XIX в. Если в ту пору архитектура в своих идеальных устремлениях и господствующих тенденциях максимально герметична, то во второй половине прошлого столетия она максимально открыта влиянию народной культуры в двух ее основных существенных для второй половины прошлого столетия разновидностях — древнерусской и собственно народной, то есть крестьянской. Общая устремленность искусства к народу в стилевой архитектуре соединилась с прямой ориентацией на поэтику и формы народного искусства и доступность массовому восприятию.
На сравнительно короткий отрезок времени (вторая половина XIX в., точнее, 1860—1890-е гг.) пути развития стилевой архитектуры встречаются с путями развития народной деревянной архитектуры русского города. Близость обеих в это время настолько велика, что деревянная жилая архитектура — феномен народной культуры — органически вливается в одно из направлений стилевого зодчества, связанного с обращением дипломированных архитекторов к традиции крестьянского искусства. Но очень скоро, на рубеже XIX—XX вв., пути деревянной и каменной, хотя правильнее будет сказать, деревянной народной и стилевой архитектуры (в рамки последней попадают и каменные, и деревянные сооружения), вновь расходятся. Деревянная народная жилая архитектура (а ее традиция и по сей день жива в индивидуальном жилищном строительстве деревень, поселков, небольших, а отчасти и крупных городов) остается верной принципам, сложившимся в середине прошлого столетия. Стилевая же архитектура, следуя логике своего внутреннего развития, проходит через этапы модерна, неоклассицизма, конструктивизма, неотрадиционализма и т.д.
Эти общие рассуждения позволяют понять, как и в результате каких социальных и художественных процессов появилась уникальная в своем роде и во многом определяющая обаяние исторических районов Томска деревянная архитектура. В основной своей массе, безотносительно к тому, сооружены ли здания во второй половине XIX или в первые два десятилетия XX в., чисто стилистически, по своим художественным особенностям она принадлежит к явлениям второй половины столетия. Параллельно в начале XX в. сооружаются деревянные дома — особняки, жилые многоквартирные дома, школы, которые представляют следующий этап развития стилевой архитектуры — стиль модерн. Но такие здания в Томске относительно редки. Бóльшую часть деревянных домов Томска представляют сооружения, в которых традиции и принципы стилевой городской и крестьянской народной архитектуры слились органически и не поддаются даже мысленному разъединению.
Об их особенностях, о месте в городе, о разновидностях, излюбленных композициях и мотивах декора, о наиболее выдающихся памятниках пойдет теперь наш рассказ.


140


141


142

140
Улица Гагарина, 34, 36
Общий вид
141
Улица Шишкова, 14
Общий вид дома
142
Улица Шишкова, 14
Ворота

140
Nos 34 and 36 Gagarin Street
141
No 14 Shishkov Street
142
No 14 Shishkov Street: gate

Деревянные дома в архитектурном ансамбле Томска конца XIX — начала XX в.

Районы исторической застройки Томска, в том числе районы деревянной застройки представляют собой не случайный конгломерат отдельных зданий, а целостный архитектурный ансамбль. Им присущи художественная целостность и выразительность организованного на основании определенных принципов, архитектурно оформленного пространства. Своеобразие районов томской деревянной застройки, как и и всякого другого старого города, в том, что ее ансамбль создавался не по единому замыслу, а складывался непреднамеренно, исподволь. Однако это совсем не значит бессистемно. В основу его положены приемы, ставшие в определенной степени каноничными в деревянном строительстве. Некоторые из них восходят ко времени классицизма и обязаны своим происхождением системе регулярного градостроительства и нормам, утвержденным в законодательном порядке применительно для деревянной застройки. Таково фронтальное расположение зданий по красной линии улиц, сохраняющееся для деревянной застройки обязательное ограничение размеров зданий по высоте (два этажа), длине, столь же обязательные противопожарные разрывы между зданиями. Но в отличие от классицизма для застройки второй половины столетия более всего характерно равномерное распределение акцентов на фасаде, равномерность ритмов и равнозначность акцентов. Симметрично-осевые композиции продолжают употребляться. Но подчинение второстепенного главному проводится менее жестко и последовательно. Главная ось, как правило, выделена менее активно, относительно слабо противопоставлена остальным и поэтому воспринимается скорее как прием, обогащающий и разнообразящий равномерный ритм прорезывающих фасад окон. Ансамбль улицы, застроенной домами середины и второй половины XIX в., характеризуется однородностью и единством, которые являются следствием уменьшения самостоятельной роли отдельных зданий и своеобразной нейтральности их композиции. Впечатление нейтральности рождается из-за равномерности распределения акцентов на фасадах. Равномерный ритм окон каждого здания в сочетании с ему подобными образует в конечном счете единый равномерный ритм уличного фасада, составленного из отдельных домов. Эффект единства и равномерности особенно велик в районах каменной застройки, где дома стоят сплошной стеной вплотную друг к другу. Здесь дом участвует в организации ансамбля только как фасадная плоскость стены одного выходящего на улицу лицевого фасада. В районах деревянной застройки взаимосвязь и взаимодействие отдельных зданий богаче и сложнее. Благодаря разрывам между ними, относительной компактности и большой высоте этажей отдельные здания воспринимаются одновременно и как плоскость, и как объем. Ритм зданий и ритм архитектурных элементов на каждом здании прерывен и непрерывен сразу.

Единство ансамбля, достигаемое единством организации уличного пространства — одинаковой шириной улиц, варьируемой в строго определенных пределах высотой и размерами зданий, единством принципа гармонизации, основанного на взаимодействии равных по значению элементов, будь то фрагмент здания или отдельное здание, дополняются единством размеров и модульностью элементов жилых домов, единых не только для деревянной застройки, но и для городской застройки в целом. Об общности пропорционального строя улицы и соотношений основных элементов деревянной застройки отчасти уже говорилось. Наряду с общностью размеров, которые предписывались строительным законодательством, существовала система пропорциональной общности, обусловленная особенностями строительного материала — дерева — с его специфической модульностью, зависевшей от относительной одинаковости размеров бревен — их длины и толщины. Эти обязательные размеры дополнялись общностью принятой в дореволюционной России высоты жилых комнат и подсобных помещений, от которых зависела высота этажа, а значит обусловленные этим обстоятельством стандартные размеры окон, соотношение их высоты и ширины, варьируемые опять-таки в зависимости от высоты этажа — более низкие квадратные или с соотношением 1:1,5 в нижнем и подвальном этаже, с соотношением 1:2 — во втором или в двух главных жилых (эта форма вытянутых высоких окон, сложившаяся в дворцах классицизма, позднее перешла в рядовую городскую застройку, в том числе и в деревянную).

Неотъемлемым компонентом ансамбля деревянной застройки являются заборы и ворота. Сохранились единичные не заборы даже, а заплоты из рубленных топором толстенных тесин. Однако в основной массе сохранившиеся до наших дней ворота и заборы более поздние. Их композиция восходит к образцовым проектам классицизма. Обычно варьируется трехчастная симметричная схема с воротами в центре и двумя калитками по бокам. Ворота могли быть деревянными и каменными, украшаться накладной или сквозной (в навершии ворот и калиток) резьбой. Создавая присущий каменной застройке единый сплошной фасад улицы, ворота и ограды вносили дополнительный штрих в ее сложное единство, обогащая ритм и разнообразя ее облик. К сожалению, ворота и заборы оказались наиболее подверженными утратам элементами деревянной архитектуры. До наших дней сохранились относительно немногочисленные примеры этого вида малой архитектуры. И совершенно исчезли деревянные тротуары и торцовые мостовые, на улицах, без которых невозможно представить



143

143
Воскресенский взвоз
Фотография
конца XIX века
144
Дворянская улица
Фотография
конца XIX века

143
Voskresensky Vzvoz (Slope). Late 19th century. Photo
144
Dvoryanskaya Street. Late 19th century. Photo

144

облик русского города конца XIX — начала XX в. Таким образом, единство ансамбля деревянной застройки покоится на единстве исходных приемов и принципов, бесконечно варьируемых в реальной строительной практике. Что же касается непосредственно Томска, то на судьбу его деревянной архитектуры в конце XIX — начале XX в. более всего повлияли два значительных даже в масштабах страны события: открытие в 1880 г. первого в Сибири университета и прокладка Транссибирской магистрали южнее Томска (в Томск была подведена только ветка). Поэтому, хотя Томск и оставался оживленным торговым центром, темпы его роста начинали заметно отставать от городов, расположенных на основной линии рельсового пути, благоприятствуя сохранению „сибирского" колорита его деревянной застройки. Влияние стилевой архитектуры было здесь относительно меньшим, чем в городах, расположенных на магистрали. Вместе с тем в Томске вступают в силу другие градообразующие факторы, характерные не просто для крупных городов европейской России, а скорее для ее столиц — Петербурга и Москвы, и уникальные для Сибири. Имеется в виду превращение Томска в студенческий город и научный центр огромного края. В 1888 г. на продолжении бывшей Миллионной улицы, тогда носившей название Садовой (ныне та и другая образуют главную магистраль города — проспект Ленина), был торжественно открыт главный корпус Томского университета. Десятилетие спустя по обеим ее сторонам как непосредственное развитие университетского комплекса начинает сооружаться ансамбль второго, крупнейшего не только в масштабах Сибири и России, но и Европы, высшего учебного заведения — Технологического института (ныне Политехнический). Центр окончательно приобрел протяженность, а главное — не свойственные ему ранее размах и парадность, внеся особую, столичную ноту в облик старого сибирского купеческого города. По представительности архитектуры и градоформирующему значению ансамбль Томского студенческого города, в состав которого вошли многочисленные постройки университета и Технологического института, выдерживает сравнение и сопоставим с комплексами Политехнического института или больницы имени Петра Великого в Петербурге, с комплексом университетских клиник и вообще с районами просветительных и лечебных учреждений, которые сформировались в Москве в районе Сокольников и Большой Царицынской (ныне Большой Пироговской) улицы.

С середины XIX в. впервые появляется возможность говорить о такой определяющей черте городского ансамбля старого Томска, как сочетание деревянных и каменных строений, взаимодействие дерева и камня. Такова еще одна особенность второй половины XIX — начала XX в. как своеобразного периода в архитектурной истории города, отличающая его от XVII—XVIII вв. с их сплошь деревянной застройкой и от первой половины XIX в. с единичными каменными домами. Сочетание деревянной и каменной застройки, типичное для городов европейской России с древних времен, со второй половины становится типичным практически и для всех сибирских городов. Томск в этом смысле не исключение, а правило. Исключительным и уникальным для Сибири является другое: необычность каменной архитектуры, чрезвычайно яркое, контрастное и колоритное сочетание поистине столичной по своему художественному уровню и монументальности каменной застройки района студенческого городка, развитого торгового и делового центра с окружающими их крупными массивами тоже по-своему столичной, дворцовой, парадной, представительной, крупномасштабной, отмеченной неповторимым своеобразием деревянной застройки. Постоянное ощущение присутствия деревянных и каменных сооружений, их контраст и взаимодополняемость, сосуществование в более крупном и многоликом единстве городского организма заставляют особенно остро почувствовать неповторимость составляющих элементов, их специфические черты.

Формы сосуществования в городе дерева, камня и их сочетаний весьма многообразны. Но главным по значению все-таки является то, о чем только что было сказано, — контраст и жизнь в сложном единстве городского организма крупных районов по преимуществу каменной и по преимуществу деревянной застройки. Центральная часть города — его административный, деловой, торговый и научно-просветительский центр образуют относительно компактное ядро каменной застройки, окруженной большими массивами деревянной. К уникальным особенностям Томска следует отнести необычность впечатления, производимого этим контрастом, во всяком случае необычным по сравнению с городами европейской России. За исключением нескольких узловых пунктов городского организма — района университета и Политехнического института, бывшего складского района, примыкавшего к берегу Томи, торгово-административных по своей функции Старобазарной и Новособорной площадей и Миллионной улицы, с тяготеющими к ним территориями, — именно деревянная, а не каменная застройка воспринимается в Томске как более значительная, монументальная, парадная. При виде могучих крупных объемов деревянных зданий и богатства их декора зрителя не оставляет ощущение „дворцовости". Слова „дворец", „дворцовый", „дворцовость" неизменно приходят на ум, когда хочется определить архитектурно-художественные качества этих сооружений. Может быть, это черта не томской только, а вообще сибирской деревянной застройки. Тип сибирского палацпо — так охарактеризовал дома Тюмени конца XIX — начала XX в. автор книги о деревянной застройке этого города. Такого же определения заслуживают и деревянные постройки Томска. Фотографии не могут полностью передать всей полноты и богатства впечатлений, производимых деревянными домами и улицами, где высятся эти дома. Но каковы бы ни были нюансы, преобладающим остается изумление перед совершенно своеобразной, органически связанной в своих истоках с народной крестьянской архитектурой, дворцовостью. Невольно возникает сравнение с дворцами петербургского барокко. При всей вольности и научной нестрогости подобного сравнения отделаться от ощущения общности тем не менее трудно. И тут и там монументальность и парадность, своего рода царственность архитектуры, ликующая праздничность; удивительная, откровенная, ничем не сдерживаемая эмоциональная сила художественного выражения; щедрое, исключительно щедрое использование декора и одновременно — упоение этой щедростью.

Но даже в районах деревянной застройки Томска ее господство в конце XIX — начале XX в. уже не было абсолютным. Причем демаркационная линия, разделяющая районы преимущественного распространения каждой, определяется не только по функциональным, но и по социальным признакам. На сравнительно близких к центру улицах, на Обрубе облик улиц во многом определяется сочетанием деревянных и каменных домов. Причем в районах, входящих в сферу влияния торгового центра, деревянная застройка обнаруживает тяготение к приемам, характерным для каменной архитектуры: здания стоят вплотную друг к другу (их разделяют несгораемые кирпичные стены брандмауэров), в первых этажах домов размещаются магазины. На преимущественно жилых улицах, Бакунина или Татарской, — наоборот. Здесь каменная застройка по типу близка к деревянной — свободно стоящие компактные в плане двухэтажные дома. Однако одно остается характерным — деловой, торговый, общественный центр города, средоточие его жизни, окончательно переместился вниз. Историческое ядро Томска с утратой крепостных стен превращается в район жилой застройки. И только у подножия Воскресенской горы, примыкающей к торговому и деловому центру города, как бы обрамляя застроенную деревянными жилыми домами историческую возвышенную часть, сооружаются каменные или смешанные каменно-деревянные здания с чрезвычайно характерным и распространенным в России сочетанием — низ каменный (лавки, склады, магазины), верх (жилой) — деревянный. Однако так или иначе бывший центр становится едва ли не окраинным районом дореволюционного Томска и районом почти исключительно деревянных жилых домов.

Каменные жилые дома в районах деревянной застройки — это не только храмы, не только дома состоятельных застройщиков. Своеобразие районов деревянной застройки Томска во многом определяют два типа небольших каменных зданий, разных по своему назначению и расположению в ансамбле улицы — водозаборные колонки и магазины. Водозаборные колонки сооружались по единому типовому проекту. Эти башнеобразные здания, восьмигранные в плане, со стенами, украшенными мотивами мавританской архитектуры, располагались на перекрестках, на оси улиц, замыкая перспективу и придавая законченность их пространству. Магазины — одноэтажные здания, свободно стоящие в ряду деревянных жилых домов, выходят на красную линию улицы узким торцовым фасадом, решенным всегда по единой схеме: в центре большой дверной проем с двумя окнами по бокам. Своеобразие этой композиции отчетливо обнаруживает происхождение от лавок торговых рядов; это как бы эмансипировавшаяся, выполненная в камне ячейка торговых рядов. Но в отличие от них к относительно небольшому, собственно магазинному помещению со двора, как правило, примыкает длинный вытянутый корпус складов.

Сочетание дерева и камня в одном здании — характерная для русской архитектуры особенность — представлена в застройке Томска исключительно многообразно. Кроме каменного, используемого под торговые, складские помещения или мастерские, низа и дервянного жилого верха возможны были и иные сочетания — каменные столбы или колонны, несущие балкон или эркер деревянного дома, и наоборот — деревянная терраса, балкон, эркер в каменном доме.

В целом дореволюционный Томск — один из красивейших русских и сибирских городов. Типичные для городов страны особенности не лишали его облик неповторимого своеобразия. Оно определя-


145

145
Советская улица, 20
Главный фасад

145
No 20 Sovietskaya Street:
main façade

расположения на холмах по
ми, красотой панорам с мно-
:алями храмов, расположен-
аиболее возвышенных и ви-
необычным и для Сибири, и
ии сочетанием: столично-
ских комплексов, специфи-
льшого русского торгового
ссивом каменной складской
ыми центральными улицами
ми домами и обширными мас-
стройки, относительно мало
стилевой архитектуры, отме-
ми чертами, характерными
ной архитектуры Сибири.

ки
ойки

онного русского города сос-
адельческих участков. Ка-
лял собой самостоятельный
остранственно-планировоч-
ериметру участка, обрамлен-
н улицами, размещались кор-
озяйственные постройки рас-
квартала по внутренним гра-
а относительно стабильная
ся в ходе распространения
го градостроительства. В от-
р и размеры домов заметно
ении второй половины XIX –
анним по времени возникно-
й дом, рассчитанный на одну
и — многоквартирный, с квар-
внаем, то есть доходный.
отивопожарными соображе-
размеров деревянных домов
тельно небольшую величину
внительно малое число квар-
странены двухквартирные
двух- и четырехквартирные
аинных районах старого Том-
Мельничная, Войкова) сохра-
одящие к типовым проектам
й. Их особенности: выходя-
илого дома в три или четыре
бара или сарая, разделенные
они скорее всего 1850–
ем, когда накануне и сразу по-
ого права в города хлынул
ми пришли в города России
стьянских селений типы до-
тка. Но в торговом купече-
дная схема быстро тран-
направлениях. В первом ва-
ся, но в гипертрофированном
евращается в доходный многоквартирный двухэтажный, а амбар — в огромное складское помещение, по формам повторяющее прежнее, — глухой торцовый фасад из бревен с бревенчатым же фронтоном. Во втором—изба опять-таки превращается в квартирный дом, а расположенный на некотором расстоянии от него бывший сарай получает обычно со стороны уличного фасада два окна и дверь в центре и используется как магазин или мастерская.

Однако во второй половине XIX в. с 1880-х гг., когда Томск отстраивается после опустошительного пожара, „крестьянский“ тип застройки, как более архаичный, почти исчезает. Появляются дома П-образной в плане формы, рожденные стремлением к увеличению полезной площади путем использования специфических возможностей конструкции деревянного дома: к прямоугольному в плане уличному корпусу пристраивались два боковых крыла, пространство между которыми, обращенное во двор, превращалось в своего рода лоджии. Такие лоджии с нарядными резными перилами ограждения — характерная и распространенная особенность дворовых фасадов деревянных жилых домов Томска.

Второй путь увеличения полезной площади — строительство во дворе еще одного жилого корпуса, расположенного либо параллельно уличному (часто с крыльцом в центре — прием, практически не применяемый в лицевых корпусах деревянны. домов), либо перпендикулярно ему.

146
Улица Белинского, 19
Главный фасад. Фрагмент

146
No 19 Belinsky Street: portion of main façade


146


147


148


149

147
Бывшее коммерческое училище
Фотография
конца XIX—начала XX века
148
Красноармейская
улица, 100. Фасад дома
с улицы Кирова, 25
149
Улица Пушкина, 38
Общий вид дома

147
Former Trading School. Late *19th or early 20th century.* Photo
148
No 100 Krasnoarmeiskaya Street: façade of the house seen from Kirov Street
149
No 38 Pushkin Street

И, наконец, общая тенденция развития жилого дома — и каменного и деревянного, но в Томске представленная в основном на примере деревянного строительства, — *увеличение протяженности* уличного фасада. Повсеместно происходит переход от торцового (крестьянского) расположения дома к продольному, который может быть интерпретирован как рост влияния приемов, распространенных в строительстве домов для купечества и мещанства, на дома крестьянского типа. Но только в характере расположения корпусов. В свою очередь крестьянский тип дома влияет на „городской“. В облике последнего откровенно проступают крестьянские истоки, своеобразный комплекс признаков, заставляющий в полной мере почувствовать „деревянность“ и „крестьянскость“ происхождения типа деревянного жилого дома конца XIX — начала XX в.

Ярко выраженные черты народной архитектуры — откровенная открытость материала и ассоциирующиеся с крестьянским зодчеством мотивы декора выполняют символико-знаковую функцию даже в тех случаях, когда композиция самого дома уже утратила непосредственную связь с избой. Европейски образованными слоями населения эти признаки осознавались как выражение идеалов народности. А для недавних выходцев из деревни, для купечества, ремесленников и мастеровых „крестьянскость“ и „деревянность“ облика дома служила своего рода средством самоутверждения и самовыражения, знаком, выражающим их представления о своей социальной значимости. То же можно сказать и об изменении характера расположения дома. Постановка его „городским“ способом — вдоль, а не перпендикулярно улице, то есть так, как ставились дома дворянства и богатого купечества, далеко не всегда вызывалась практическими соображениями. Скорее наоборот, она предполагала менее плотную застройку участка. Смысл этого нововведения сходен с подчеркиванием *„крестьянского“ облика. Этим жестом как бы* утверждалось равенство, соизмеримость с социальным статусом более высоких привилегированных слоев.

Облик и композиция деревянного дома

Вызывающая невольное чувство восхищения красота и неповторимость облика деревянных домов Томска, неисчерпаемость фантазии и изобретательность в создании декоративного убранства базируются в общем на простых, но основанных на глубоком и тонком знании законов искусства и особенностей человеческого восприятия, приемах. Главное здесь, как и в организации ансамблей, —

х схем и бессчетное число ва-
рдных элементов. Главных
вторяемость главных эле-
ых сочетаниях и дублирова-
і горизонтали.
астицы, своего рода молеку-
дающей формы развитого
грали два типа зданий. Пер-
хи классицизма в три окна и
ва-четыре окна, выходящие
асадом с фронтонным завер-
печеский и мещанский дом с

сти и разнообразия облика домов стали их размеры и этажность. С отменой обязательности нечетного количества окон по фасаду число их колеблется в очень широких пределах от двух до восьми. Одноэтажные дома более чем в 8 или 9 окон по фасаду почти не встречаются. Но дома-малютки в два-три окна, как и баракоподобные дома более чем в 8–9 осей, также встречаются редко. Дома в три-пять окон выходят на улицу торцовым фасадом. *Двускатная крыша образует характерное* завершение фронтонного типа. Фасады вытянутых вдоль улицы домов многообразней по облику и си-

150
Улица Белинского, 72
Боковой фасад
Фрагмент

150
No 72 Belinsky Street:
side front



150

номерным ритмом окон и
кением корпуса, вытянутого
лицы. Распространенный в
вонином во второй половине
тречается редко, в основном
) типа или в домах, соору-
сходства классицистических
енных в новом вкусе, обнов-
ответствии с новыми веяни-
) исходным для деревянного
оловины XIX – начала XX в.
той тип жилого дома, кото-
ринадлежало второстепенное
м фасадом, равномерным
ерным распределением деко-
ально выделенным центром.
достижения выразительно-

луэту. Они могли иметь четырехскатное или двускатное покрытие и завершаться прямой горизонталью карниза. Могли иметь карниз с щипцовым или полуциркульным возвышением, который в свою очередь применялся в нескольких разновидностях: один щипец или полукружие в центре фасада, два щипца или полукружия по его бокам, *три щипца или полукружия по бокам и в центре* фасада.

Такова композиция одноэтажных домов. Двухэтажные дома с равным одноэтажным постройкам количеством окон по уличному фасаду строятся по аналогичным схемам. Постройки, выходящие на улицу торцовым фасадом, имеют фронтонное покрытие. Фасады четырехоконных домов могут иметь щипцовое возвышение в центре. Дома в 6, 7, 8, 9, 10 и более (очень редко) окон могут иметь че-

151
Улица Дзержинского, 21
Главный фасад
152
Проспект Ленина, 56
Общий вид дома

151
No 21 Dzherzhinsky Street:
main façade
152
No 56 Lenin Prospekt

тырехскатную кровлю с сильно развитым горизонтальным карнизом. Распространены и другие варианты: с одним щипцом в центре, с двумя по краям фасада или тремя (в центре и по краям фасада) щипцовыми завершениями (полуциркульные возвышения употреблялись значительно реже, чем щипцовые). Встречаются, хотя и не часто, дома с особенно богатым и живописным силуэтом. При угловом расположении дома, наряду со щипцами на фасадах уличных корпусов, собственно угловая часть нередко приобретает башнеобразный объем, увенчивается декоративным резным аттиком с за-



151



152

мысловатым шпилем. Срезанный угол дома создает на перекрестке миниатюрную площадь; богатое венчание угловой части дома, часто помещенный под ним эркер второго этажа – все это, акцентируя важный с градостроительной точки зрения перекресток улиц, одновременно служит выделению входа в магазин. Избыточное применение декора не только выделяет важный в градостроительном отношении архитектурный объект, но и подчеркивает неординарность функции здания.

Еще одна разновидность силуэтного решения, встречающаяся обычно в домах рубежа XIX–XX вв., основывается на дальнейшем обогащении исходной трехчастной схемы. Фасад, как правило, по-прежнему остается гладким, но над одним, двумя или тремя (чаще всего над всеми тремя) щипцами устраиваются куполоподобные завершения со шпилем. Иногда центральной части композиции в свою очередь придавалось усложненное трехчастное строение.

Дома выглядели по-разному и в зависимости от того, имел ли одноэтажный дом каменный фундамент или нет, был ли фундамент глухим или превращался в полуэтаж со сравнительно невысокими помещениями мастерских, складов или погребов. То же следует сказать и о двухэтажных домах. Иногда деревянный этаж сооружался над полным каменным этажом, образуя распространенную по всей России разновидность дома с каменным первым и деревянным вторым этажом. Однако в Томске распространены и полностью двухэтажные деревянные дома. Второй этаж мог существовать в виде мезонина, если дом был полностью деревянным, или в виде второго деревянного этажа на первом каменном. В деревянной застройке Томска преобладают двухэтажные дома, поражающие своими крупными размерами, парадной дворцовостью облика зданий и героической масштабностью.

Вариации двухэтажных домов, основанные на сочетании нижнего каменного основания и основной деревянной части, аналогичны одноэтажным – деревянные дома, дома на каменном фундаменте, деревянные двухэтажные дома с полуподвальным этажом, с полуэтажом, наконец, деревянные двухэтажные дома с полным каменным этажом, то есть трехэтажные.

Наряду с разнообразным сочетанием дерева и камня к важным средствам художественной выразительности принадлежит характер отделки стеновой поверхности. *Стена могла быть бревенчатой* или обшиваться тесом. Бревенчатая стена могла рубиться по-разному. Даже во второй половине XIX – начале XX в. в Томске остается наиболее распространенной особенно любимая в Древней Руси рубка бревен с остатком – „в обло“. Рубились бревна и иначе, без остатка, – „в лапу“, хотя и реже; иногда приемом рубки „в лапу“ соединялись не округлые бревна, а отесанные и образующие гладкую поверхность стены брусья. Обшивка тесом,

как более поздняя и связанная с влиянием стилевой архитектуры техника, прививалась в Томске медленно и с трудом. И по сей день в деревянной застройке города преобладают дома с бревенчатыми, рубленными „в обло“ стенами, поверхность которых впечатляет суровой, прямо-таки былинной красотой. Ее суровость и мощь выглядят особенно выразительно на фоне нередко очень обильного многодельного декора. Техника обшивки тесом в свою очередь характеризуется многообразием и также благоприятствует созданию неповторимого облика фасадов. Доски теса могли располагаться на поверхности стены по вертикали, по горизонтали или в елочку; нередко встречается и сочетание разных приемов расположения тесин.

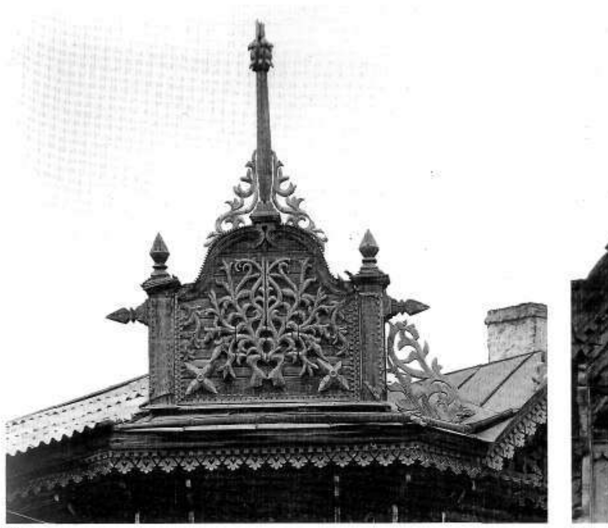
Различие размеров зданий отражалось в композиции зданий еще одним способом — наличием конструктивных швов на плоскости уличного фасада, а не только на углах. Это происходило в тех случаях, когда элементарная конструктивно-планировочно-объемная единица деревянного дома — клеть — превращалась в дом с одной, двумя или более внутренними капитальными (рубленными) стенами (пятистенок, шестистенок и т.д.). Тогда места их соединения обозначались на фасаде конструктивным швом с выступающими торцами бревен при рубке с остатком „в обло“ или заподлицо со стеной при рубке „в лапу“. В свою очередь швы также могли обшиваться тесом или оставаться открытыми. Причем иногда встречается обшивка угловых и стеновых швов при открытых бревенчатых стенах. Трудно сказать, какой из приемов — выпуск бревен на фоне бревенчатой стены или обшитый тесом и украшенный накладной резьбой конструктивный шов, принимавший вид декоративной пилястры (пристенного столба), расположенный на фоне обшитой тесом стены, обладал большей художественной выразительностью. В каждом присутствует свое, свойственное только этому приему очарование. Существовал и третий способ обработки стеновой поверхности, использовавшийся в основном в домах большого размера, — обшитые тесом стены и конструктивные швы-пилястры украшаются богатой накладной резьбой. Активным средством придания красоты и выразительности фасаду является наряду с возвышенными силуэтными завершениями ритм оконных и дверных проемов. В основном окна имеют равные размеры, расположены в равномерном ритме и украшены наличниками. Входы выделены крыльцами, козырьками или имеют вид подъездов, располагаются сбоку с одной стороны или с двух, если дом большой. Центральное расположение входов встречается крайне редко, обычно в тех случаях, когда здание достраивается. Боковое расположение входов соответствует общему характеру ритмики — равномерности, метричности. Но это только общая тенденция, внутри которой существует множество нюансов, вариаций, отклонений, рождающих специфическое качество, которое хочется охарактеризовать словами „нерегулярная регулярность“ или, может быть, „регулярная нерегулярность“. Окна иногда размещаются в строгом равномерном ритме. Иногда сближаются. Причем это сближение также различно. Иногда оно имеет регулярный характер. Окна сближены по два, а между сближенными простенки увеличены. Однако чаще всего в основное регулярное расположение окон включается элемент, нарушающий его идеальную правильность, внося в композицию ноту непредустановленности, свободы и живописности. Иногда по краям или с одного из краев уличного фасада, обычно над крыльцом или рядом с ним, устраивается двойное или даже тройное окно.

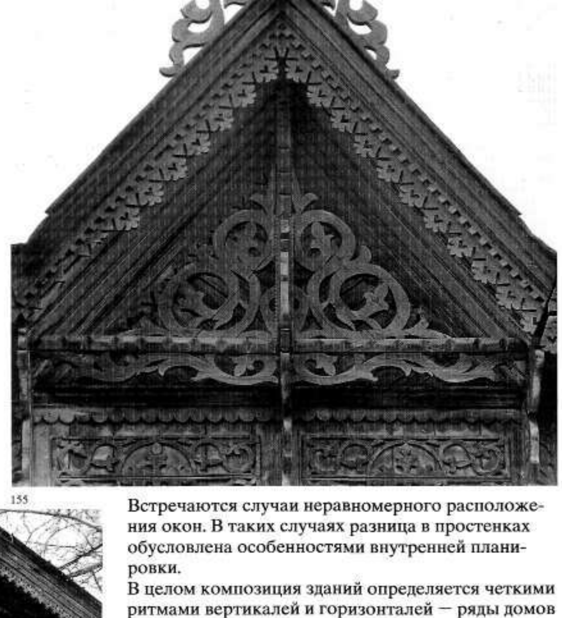

153


154

155
Улица Войкова, 21
Аттик над угловой частью дома
156
Улица Войкова, 21
Декоративный щипец
157
Улица Войкова, 21
Главный фасад
Фрагмент

155
No 21 Voikov Street:
Attic storey above corner portion of the house
156
Ornamental gable-end
157
No 21 Voikov Street:
main façade


156

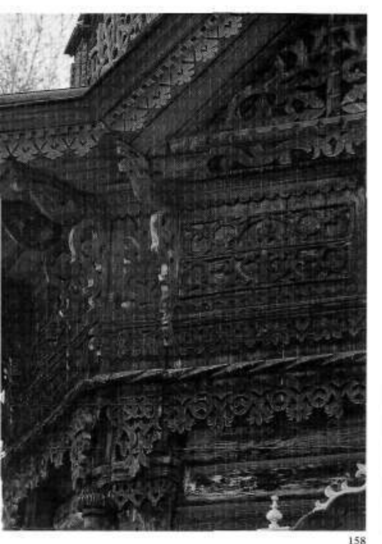

155


157

Встречаются случаи неравномерного расположения окон. В таких случаях разница в простенках обусловлена особенностями внутренней планировки.

В целом композиция зданий определяется четкими ритмами вертикалей и горизонталей — ряды домов в улице, ряды окон, акцентируемые декором нарядные полосы венчаний. Но на фасадах, хотя, может быть, и не так энергично, как горизонтали, выделены вертикальные членения.

Несмотря на как будто жесткий геометризм и элементарность исходных форм, здания выглядят очень по-разному в зависимости от точки зрения, от того, видим ли дом вблизи или с противоположной стороны улицы. Издали и с противоположной стороны улицы он воспринимается целиком, во всей логике членений и соотношений основных элементов здания. В сильной перспективе, при движении вдоль тротуара, когда уличный фасад видим в сильном сокращении, главную роль начинают играть декор, наличники, их отдельные элементы. В сильном ракурсе, сбоку особенно ощутимы своеобразная барочность, избыточность декора. Стена как бы отходит, становится невидимой. Выступающие элементы декора образуют энергичный сильный вертикальный ритм сложных и переусложненных элементов. Благодаря сильной перспективе формы сближаются, зрительно почти сливаются. Особенностью томской деревянной застройки является контраст в объемно-пространственной композиции уличного и дворовых фасадов. Уличные фасады монументальны. Гладкие стены без выступов подчеркивают общую выразительность крупных объемов и героическую масштабность



158



159

сады, напротив, живописны и
ются в виду не только задний,
ичному фасад, но и боковые).
ко вариантов обработки дво-
х особенно распространен-
стройство своеобразной лод-
украшенными резьбой баля-
изами и эркеры второго эта-
да. Эркеры, как правило, пря-
ратные в плане, поддержива-
янными резными столбиками
йнами. Наряду с эркерами и
двора и на боковых фасадах
эйки лестничных клеток, ре-
что уличный и дворовые кор-
разный ансамбль, единство
перекличкой и сложным
деленных выразительным
ера над крыльцом бокового
уса и эркеров дворовых кор-
пилями. Особенно эффект-
ов и сложных завершений в
ю Красноармейской улице.



160

Резной декор

Резьба, украшающая деревянные здания Томска, является неотъемлемой частью архитектуры. Резьбой акцентированы очертания и ритм основных форм и членений — венчания стен, обрамления и завершения окон и дверей, декоративные стенки над воротами и угловыми частями домов — аттики, балюстрады балконов и лоджий. Резьба располагается по-разному. Она широкими полосами окаймляет основные конструктивно-функциональные элементы здания — подзоры карнизов, окон, крылец, иногда идущих в два и даже три ряда. Резьба заполняет поверхности ряда архитектурных элементов — ограды балконов и лоджий, навершия ворот, наконец, подчеркивает особо важные с точки зрения композиции элементы фасада. Таковы резные розетки и „солнца" в тимпанах щипцов, сквозные резные орнаментальные заполнения тех же тимпанов.

В целом композиция деревянных зданий Томска представляет удивительное сочетание конструктивности и декоративности, конструктивной обусловленности и откровенной изукрашенности. Но при всем богатстве и многообразии декоративных элементов главным элементом декора, самым активным и виртуозно разработанным является все-таки наличник окна. Его значение на фасаде точно соответствует этимологии слова — наличник. Окно — лицо дома, на-личники — обрамление, украшение лица. Как по лицу человека, по его выразительности, мимике мы судим о человеке, так и наличники деревянного дома во многом определяют его облик. Но наличники не существуют отдельно от дома, они воспринимаются в контексте всего здания, в сочетании с другими элементами, плоскостью фасада, поверхностью стены, в сочетании с себе подобными на одном этаже и наличниками другого этажа.

Форма и характер наличников чрезвычайно разнообразны, своеобразие их зависит от многих причин, о времени сооружения дома (более ранние по времени наличники строже по формам, несут отзвуки архитектуры классицизма). Наличники 1870—1880-х гг. отличаются определенной архитектурностью. Их завершения чаще всего имеют треугольную, волютную или фестончатую форму. Деревянные дома Томска, как и многих других сибирских городов и городов Дальнего Востока, до сих пор сохранили ставни. Чаще всего ставни имеют окна первого этажа. Но в общем ставни — признак и принадлежность домов, тяготеющих к середине XIX в. По мере приближения к концу столетия ставни употребляются относительно редко. Структура самого наличника проста и сложна одновременно. Он состоит, как правило, из надоконной, венчающей части, несущих, зрительно поддерживающих венчающую часть пилястр, и нижней, подоконной. Зная эволюцию формы окна, можно реконструировать и эволюцию формы наличников. Наиболее ранними по конструкции были, как уже отмечалось, косящатые окна, повторявшие схему дверного косяка: окно вставлялось в раму-коробку, боковые части которой несли верхнюю балку окна, а нижняя часть его опиралась прямо на сруб. Косящатые окна обычно имеют квадратную фомру. По размерам они значительно меньше привычных нам по Томску высоких, прямоугольных, восходящих к архитектуре классицизма окон. Такие окна довольно в большом количестве сохранились в Енисейске и Тюмени. В Томске они встречаются крайне редко. К наиболее древнему типу наличников относятся волютные с гладким полем венчания и слаборазвитой подоконной

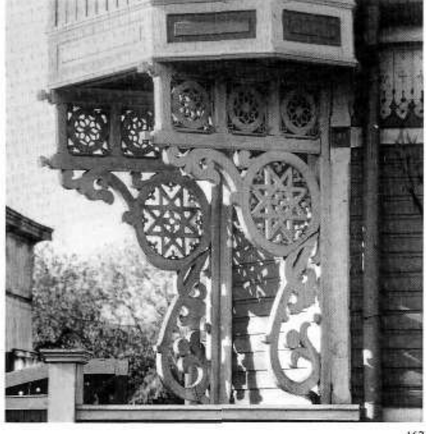


158
Улица Войкова, 21
Карниз. Фрагмент
159
Улица Карла Маркса, 25
Оформление ворот
160
Улица Гагарина, 36
Главный фасад
Фрагмент

158
No 21 Voikov Street:
ornamental cornice
159
No 25 Karl Marx Street:
gate decoration
160
No 36 Gagarin Street:
main façade



161



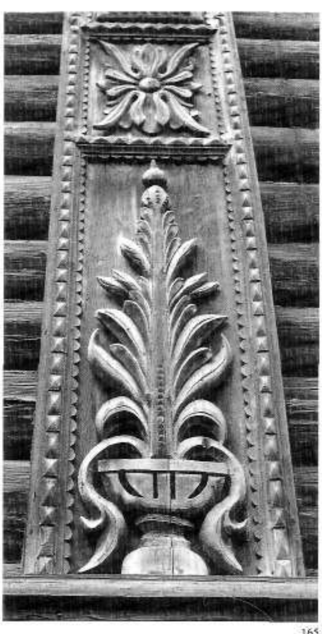
162

161
Улица Шишкова, 10
Карниз. Фрагмент
162
Улица Белинского, 19
Кронштейны эркера

161
No 10 Shishkov Street:
ornamental cornice
162
No 19 Belinsky Street: corbels,
bay window

Однако есть и другие: завитки или свитки, орнаментальные мотивы в виде завитков.
Разным мотивам декора наличников соответствует своя техника резьбы. Изобразительные мотивы, как правило, выполнены в технике глухой или объемной резьбы. Обе техники более употребительны в относительно ранний период. Глухая резьба выполняется на толстой доске путем углубления фона. Края ее либо остаются острыми, под прямым углом к фону, либо округло моделируются. Глухая резьба — наиболее древняя, она украшала и предметы крестьянского быта. С конца XVIII в. она получила распространение на карнизах и наличниках деревянных жилых домов. Мотивы глухой и объемной резьбы сходны: вазон с цветами или растениями, завитки стеблей, занавеси с кистями, растительные мотивы или завитки, отдаленно напоминающие растительные мотивы. Детали объемной резьбы в отличие от глухой выполняются мастером отдельно, тщательно моделируются и затем с помощью длинных тонких гвоздей без шляпок набиваются на основу — доску. Объемную и глухую резьбу Томска роднят не только мотивы, но и относительная близость производимого обеими впечатления.
Наиболее поздней по времени является пропильная резьба, получившая название по способу ее изготовления с помощью продольной пилы. Возникновение пропильной резьбы относится к концу XVIII в. Ранее всего она получила распространение в крестьянском зодчестве тех районов, где особенно интенсивно велось строительство лесопильных заводов — близ Москвы и особенно Петербурга. Воспринятая дипломированными архитекторами как характерная особенность народного искусства (а первоначальным объектом знакомства архитекторов с крестьянским зодчеством, естественно, стали близлежащие к столицам Петербургу и Москве районы), она через многочисленные альбомы и руководства, заполненные образцовыми проектами, вернулась в народное строительство как пример высокого искусства.
Подобно объемной пропильная резьба используется двояко: либо составляет единое целое с фоном доски, либо воспринимается на просвет, обретая эффект прозрачности.
Рост декоративности наличника достигается путем насыщения его поля резьбой, усложнения силуэта, постепенной трансформации архитектурного наличника в орнаментальный, удвоения исходных элементов навершия и основания, разрастания боковин и обогащения их орнаментальным узором. Резной узор наполнения — вазон с цветами, помещенный в поле фронтона наличника на фоне доски, удваивается и повторяется в его завершении уже как мотив прозрачной резьбы и воспринима-


164


165


166

164
Улица Плеханова, 5 а
Входная дверь. Деталь
165
Татарская улица, 6
Пилястра. Фрагмент

164
No 5a Plekhanov Street:
ornamental woodcarving on door frame
165
No 6 Tatarskaya Street:
flat pilaster

166
Улица Шишкова, 14
Ворота. Деталь

166
No 14 Shishkov Street:
gate decoration

доской, в более скромном виде повторяющей мотив венчающей части. Существует и другой тип архитектурных наличников, завершение которых имеет форму треугольного фронтона или опирающегося на „плечики" щипца, поддерживаемые лопатками-пилястрами. Распространены также наличники с завершениями в виде петушиных гребешков, фестонов, килевидные и т.д. В архитектурных наличниках отчетливо ощущается прототип — украшение дощатого обрамления оконного проема — рамы.

Однако к концу XIX в., по мере того как привычной становится форма большого окна, конструктивность отходит на второй план, и все более изобильным, сложным, замысловатым становится декор. Усложняются и увеличиваются в размерах навершия, нижняя часть и боковины. Боковины приобретают вид сложных, составленных из резных элементов замысловатой формы пилястр. В основе своей это ордерная форма, утратившая, однако, первоначальную конструктивность, ставшая откровенно декоративной, хотя в завершении ее угадывается некое подобие капители, а внизу — базы, опирающейся на волютообразный кронштейн. Имеющая сложное очертание поверхность навершия сама становится полем, плоскостью, где помещаются резные панно с характерными, бесконечно варьируемыми мотивами; то же происходит и с подоконной доской. Она тоже получает усложненную изрезанную форму, и ее поверхность также становится местом размещения накладного резного декора. На плечиках и в поле волютных, килевидных, килевидно-фестончатых и щипцовых наличников ставятся своеобразные вазоны — вазы на ножках. Такие же вазоны, но смотрящие вниз, или шары со шпилем завершают нижнюю часть боковин.

В полях подоконных и надоконных частей наличников в Томске особенно любимы и чаще всего варьируются три мотива — занавес с кистями, гирлянда с цветами, ваза с поставленным в нее растением, а также трилистники или стебли растений.

163
Улица Кузнечный взвоз, 6
Общий вид дома

163
No 6 Kuznechny Vzvoz Street



163

ется на просвет. То же происходит и с нижней частью наличника. Орнаментальный узор подоконной доски, выполненный в технике объемной резьбы, повторяется внизу еще раз и в той же технике, но помещается он уже не на поле подоконной доски, а под ней, в одной плоскости с поверхностью доски, благодаря чему достигается эффект удвоения прозрачности. Удвоение теряет буквальность повтора, так как происходит с использованием разных техник.
В отличие от объемной, в пропильной резьбе преобладают орнаментальные мотивы, восходящие к сложной компоновке растительных мотивов в виде завитков. В целом ее характеризует ковровость многократно повторяющихся исходных мотивов. Пропильная резьба используется аналогично объемной; в подоконной и надоконной части наличника она удваивается: сначала укрепляется на доске, повторение крепится сверху и снизу и воспринимается на просвет. Встречается и иной вариант — сочетание глухой резьбы с прозрачной объемной, размещенной на фоне доски и воспринимаемой на просвет, или объемной резьбы, укрепленной на доске и видимой на ее фоне, и прозрачной пропильной; двух рядов пропильной резьбы — на фоне доски и прозрачной, двух полос прозрачной объемной или пропильной резьбы, использование разных или одинаковых мотивов и техник на каждой из двух частей венчания или основания окна. Все варианты комбинаций мотивов и техник не поддаются перечислению. Они варьируются бесконечно, и можно только очертить основные принципы вариабельности.
Пропильная резьба почти не встречается в Томске в чистом виде. Как правило, ее используют в сочетании с объемной. Архитектурная практика Томска и других сибирских городов опровергает ходячее мнение о преимущественном распространении в русских городах второй половины XIX — начала XX в. пропильной резьбы. Дом № 19 по улице Белинского — один из немногих примеров ее исключительного применения. В большинстве случаев в Томске даже прозрачную, воспринимаемую на просвет резьбу предпочитают выполнять в более дорогой, трудоемкой и архаичной технике объемной резьбы (улица Шишкова, 10 и 14). Столь же любимы в Томске и бревенчатые фасады. Покрытые тесом также встречаются относительно редко. Мощная пластика бревенчатых стен как бы находит соответствие в пластике объемной резьбы, воспринимаемой на просвет и на фоне доски.
Но в целом существует определенная закономерность в применении разных техник. Пропильную резьбу, появившуюся в Томске сравнительно поздно — в самом конце XIX в., — используют в основном при декорировании относительно крупных или протяженных элементов — фризов, карнизов, полей фронтонов, словом, там, где требуется декорировать поверхность, плоскость. Резьба как бы удваивает архитектурную форму, фиксирует и подчеркивает ее границы и силуэт, обогащает и одновременно снимает ее строгую „архитектурность". Такова прозрачная пропильная резьба, образующая исключительно декоративные и насыщенные по своей изукрашенности свесы подзоров карниза, иногда двух- и трехрядные, наличников окон, декоративные панно щипцов и почти не сохранившиеся прозрачные парапеты над крышами и фронтонами. Такова же и накладная пропильная резьба, орнаментальные ленты подкарнизного фриза, сплошные или выполненные в виде отдельных панно, разделенных резными же, выполненными в технике пропильной резьбы кронштейнами, наконец, расположенные в тимпане щипцов огромные резные „солнца", усложненные и развитые мотивы трилистника, а также сложные орнаментальные узоры геометрического и ленточного типа.

Источники мотивов деревянной резьбы

Источники мотивов деревянной резьбы столь же разнохарактерны, как и ее техника. Об одном из источников мотивов деревянной резьбы уже упоминалось — она восходит к технике глухой резьбы предметов прикладного искусства, широко распространенных в быту Древней Руси и доживших в крестьянском искусстве до XIX в. Издревле известна и объемная резьба. Объемная накладная резьба зарождается одновременно с развитием типа иконостаса и распространением иконостасной резьбы. Однако для Томска иконостасная резьба имела значение лишь источника технического приема. Объемная и глухая резьба его деревянных домов, за исключением, может быть, единственного мотива — полотенца или занавеса с кистями, не связана преемственно с иконостасной резьбой. Да и он, очевидно, восходит не только к резьбе барочных иконостасов, но и к широко распространенному обычаю украшать в торжественных случаях коврами и богатыми тканями фасады зданий.
Основным источником декоративных мотивов глухой и объемной резьбы в обеих разновидностях — сквозной и накладной — был наружный декор каменных храмов — и в той мере, в какой он повторялся в интерьерах — внутренний. Источником мотивов декора деревянных зданий Томска служит декор храма строго определенного периода и школы. Это мотивы московского и ярославского зодчества середины и конца XVII в., декор храмов нарышкинского барокко и строгановской школы конца XVII — начала XVIII в. Типы храмов, выработанные в искусстве строгановской школы и нарышкинского стиля, дожили в Сибири до конца XVIII — начала XIX в., то есть, когда в народном деревянном зодчестве стали появляться современного типа окна и наличники. Все разновидности наличников — волютные, килевидной и фестончатой формы, лучковые, гребешковые и др. — все это излюбленные формы наличников и декоративных парапетов нарышкинского зодчества и строгановской школы. То же следует сказать о наиболее любимых мотивах деревянной резьбы. Вазон с цветами — мотив, распространенный на изразцах, украшавших фасады храмов рубежа XVII—XVIII вв.
Особая густота заполнения поля аттиков, фронтонов подоконных и надоконных тимпанов наличников, трактовка растительного орнамента отдаленно напоминает каменный резной декор фасадов сооружений конца XVII — начала XVIII в.
К каменному гражданскому и храмовому зодчеству того же времени восходит характерная форма наборных колонок-пилястр в боковинах наличников стен. Они имеют ордерное происхождение, но ордер этот радикально трансформирован, переосмыслен в соответствии с нормами народного и древнерусского зодчества. Он лишен какой бы то ни было тектоничности, распадается на отдельные элементы, дробится, теряет целостность исходной формы и приобретает не свойственную ей декоративность. То же следует сказать о резьбе, украшающей пилястры, которые прикрывают места стыка наружных и внутренних стен, образуя на фасаде своеобразный конструктивный, но декоративно обработанный шов. На цельную пластину, закрывающую шов и являющуюся конструктивным элементом — собственно пилястрой, — накладывается другая, декоративная, а ее поверхность в свою очередь дополнительно покрывается резьбой. Иногда она имитирует архитектурные элементы, иногда растительный узор. С аналогичной трактовкой колонн и пилястр, даже с чисто зрительно сходными решениями мы встречаемся в каменных храмах нарышкинского барокко и зодчества строгановской школы рубежа XVII—XVIII вв., а в Сибири — на фасадах храмов середины XVIII — начала XIX в. Восходящее к прототипам архаичным, с точки зрения стилевой архитектуры, декоративное убранство было источником живым и близким, авторитетным и понятным для мастеров, сооружавших деревянные дома.
Многие формы и декоративные мотивы классицизма — треугольные фронтоны, аттики, пальметты, акантовые листья, завитки волют капителей ионического ордера, выступающие карнизы, кронштейны, фризы, покрытые декоративной лепкой, в трансформированном виде также перекочевали в резьбу, украшающую фасады деревянных домов Томска. Даже такой знаменитый мотив, как солнышко, можно с равным основанием вести от классицизма (полусолнце) и от предметов народного искусства. Еще один источник декоративных мотивов — вышивки, скобянка.
Хотя ранее говорилось, что народное и стилевое зодчество в своем развитии во второй половине XIX в. смыкаются, в Томске они различаются довольно отчетливо. К произведениям стилевой архитектуры или сооруженным по образцу проектов, созданных профессиональными зодчими, относятся постройки с усложненной объемной композицией и силуэтом и с исключительным применением пропильной резьбы без примесей глухой или объемной. Таких зданий в Томске, как уже говорилось, единицы. Но в зданиях явно „народных" по своему происхождению стали любимыми и широко вошли в употребление некоторые мотивы, впервые введенные в деревянную архитектуру крупными архитекторами — мастерами столичных школ, приверженцами русского стиля: сквозные занавеси щипцов фронтонов, ажурные подзоры, резьба на фризах, резные навершия крыш. Источником мотивов пропильной резьбы служили предметы собственно народного (крестьянского искусства) — это были пропильная и сквозная резьба, украшавшая причелины, подзоры, полотенца старых крестьянских изб в окрестностях Петербурга, мотивы декора, украшавшие предметы крестьянской утвари, крестьянские вышивки, плетенка, которая сопровождала старинные миниатюры древних рукописей, приспособленные зодчими-профессионалами к технике пропильной резьбы.
В основной своей массе создатели томских деревянных домов были народными мастерами, ремесленниками, входившими в цехи, которые объединяли представителей разных строительных специальностей. В 1902 г. цехи были распущены. Однако официальный роспуск цехов даже в таких больших губернских городах, как Томск, и обучение народных мастеров в разного рода ремесленных школах, школах десятников или им подобных, использование образцов, созданных дипломированными зодчими, практически мало что изменили. Подавляющее большинство деревянных домов продолжало сооружаться в традициях второй половины XIX в. руками мастеров, получивших образование и профессиональные навыки не в учебных заведениях, а обучавшихся своему искусству на практике, в ходе реального строительства.
Относительно самостоятельную и отличную от общей массы деревянной застройки образует группа деревянных домов начала XX в., спроектированных дипломированными зодчими. Но они представляют собой иное явление по отношению к архитектуре рассмотренных зданий; а с точки зрения эволюции стиля — следующий по сравнению с основной массой томских деревянных домов этап развития архитектуры — стиль модерн.

Стиль модерн в деревянной архитектуре Томска начала XX в.

Деревянные постройки Томска в стиле модерн, как всюду в России, представляют собой одну из разновидностей его национально-романтического

направления. Представители этого направления очередной раз по-новому переосмысляют наследие древнерусского и крестьянского зодчества и опыт профессиональной архитектуры предшествующего периода, в частности опыт загородного дачного и особнякового строительства. Кроме того, в сибирских городах, в частности в Томске, очевидна связь деревянных домов в стиле модерн с деревянной архитектурой, создаваемой силами народных мастеров. Однако связь не означает повторения. Одновременно с преемственностью в архитектуре модерна отчетливо обнаруживается отталкивание от совершенно определенных особенностей деревянной архитектуры второй половины XIX столетия и, наоборот, столь же сознательное, порой даже гипертрофированное, подчеркнутое развитие других.

В деревянных сооружениях томского модерна со всей очевидностью выступает генетическое родство с немногочисленными, можно сказать, единичными в Томске сооружениями второй половины прошлого столетия, где обнаруживается тенденция к многообъемности — со зданиями особнякового типа, вроде дома № 5 на улице Плеханова, дома № 71 по Красноармейской улице или дома № 66 по Тверской улице, с их развитой многообъемной живописной композицией и сложным многобашенным силуэтом, которые подчеркнуты в первом случае куполообразным завершением со шпилем, а во втором — с шатром. В противоположность деревянной застройке второй половины XIX в. архитектура стиля модерн решительно отказывается от характерного для предшествующего периода богатого и разнообразного резного декора. Он или совершенно отсутствует или используется минимально в виде накладок плоской резьбы. Полностью переосмысляется и обретает принципиально иной характер ритмика как средство художественной выразительности. Уже говорилось, что объемы томских деревянных зданий второй половины прошлого столетия компактны, просты и лаконичны. Ритмы относительно регулярны, закономерность их очевидна. Нарушения регулярности ритма допускаются только на уровне нюанса.

Модерн опирается на предшествующий опыт и развивает фактурные контрасты и ритм как средство художественной выразительности. Но фактурные контрасты обострены. Богатство и сложность облика здания достигаются усложненностью объемно-силуэтного решения в основном за счет крупных лапидарных форм завершений основных объемов, среди которых доминируют щипцовые и башнеобразные формы. Крупным лапидарным формам объемов вторит крупность окон — квадратных, трапециевидных или прямоугольных, вытянутых в ширину. Простоте геометрически строгого объема домов второй половины XIX в. отвечала простота ритмов. Усложненности объема и силуэта деревянных домов модерна соответствует сложность нерегулярного ритма окон, которые вместе с объемами создают лишенную однозначности, основанную на нерегулярной ритмике разнохарактерных элементов живописно-ритмическую композицию, исходящую из совершенно других пространственно-временных закономерностей и рассчитанных на иные условия восприятия — с разных точек зрения, созданных в расчете на круговой обход.

Не случайно ранее и последовательнее всего деревянный модерн, как, впрочем, и каменная разновидность модерна, выразит себя в архитектуре особняков. Это был тип зданий, который максимально соответствовал социально-этической программе нового стиля и допускал максимально полное выражение новых композиционных пространственно-структурных закономерностей. Деревянный модерн представлен в Томске рядом замечательных по своей архитектуре особняков, сооруженных по проектам ведущих архитекторов города начала XX в. — А.Д.Крячкова и К.К.Лыгина. Многоквартирные дома (дом № 30 по улице Кузнецова, дома на углу улиц Белинского и Герцена, школа и детсад на Советской улице и т.д.), на первый взгляд, очень незначительно видоизменяют схему зданий второй половины XIX в. Сохраняются щипцовые завершения, бревенчатые стены, рубка „в обло".Но резко укрупняются окна, суровость стен приобретает несколько подчеркнутую нарочитую трактовку за счет резкого увеличения выноса выступающих вперед рубленных с остатком, „в обло", бревен. Наличники лишены резьбы. Они оставлены гладкими. Благодаря отсутствию резких горизонтальных сочленений и объединению формы по вертикали довольно сильно растянутое по фронту улицы здание кажется стройным, даже вытянутым вверх, формы укрупняются за счет крупности окон. Отсутствие реальной объемности нередко компенсируется иллюзорной: выпуски бревен настолько активны, ритмы окон так энергичны, что создают ощущение расчлененности в действительности единого компактного объема.

Заключая рассказ о деревянной архитектуре Томска, хочется подчеркнуть, что при всей ее неповторимости, местном и общесибирском своеобразии она представляет собой лишь небольшую часть поистине необъятного и до сих пор не оцененного по достоинству нашего историко-архитектурного наследия. Деревянная застройка, может быть, более чем всякая другая, определяет национальный колорит и специфическое, ни с чем не сравнимое обаяние старых русских городов. Деревянная архитектура Томска — одно из наиболее значительных, самостоятельных и крупных явлений в этом богатом и уникальном наследии.

Е.И.Кириченко

The Wooden Architecture of Tomsk

On the spur of the mountain which was yet to be named Voskresenskaya (of the Resurrection) Russian soldiers were erecting a fortress. Below, the Tom flowed smooth and slow; a smaller river, the Ushaika, turning and twisting, rush towards it. It was September 1604. By decree of the Russian tsar, a new town, Tomskoi, was coming into existence above the yurt encampment of the Eushtin Tatars. The frames of buildings were springing up behind the stockade, whose tightly fitting stakes had been freshly stripped and pointed before being driven into the ground. The first logs were being laid in the foundation of the miracle, which today, centuries later, for all its wonder and charm, is called simply and unpretentiously: the wooden architecture of Tomsk.

The first fort — some 200 metres in circumference — was not large. The work proceeded fast — before the cold days came, the governor's horomy, a large wooden house, ant the police office, munition depots and barns for storing corn and *yasak* furs had risen within the fort. To speed up construction, the heads of the Tom expedition — the Cossack chief Gavrila Ivanovich Pisemsky and Vassily Fomich Tyrkov, the son of a boyar, were directed "...to fell light trees in order to build the stockade and granaries forthwith". The first church — the Cathedral of the Trinity — was erected in the fort in 1606—7. Conveniently located — about 50 kilometres from the confluence of the Tom and the Ob — the Tomsk fortress quickly acquired a *posad*, or suburb. Like the fortress, in 1609 it was walled in. The inhabitants of the posad served the state: they defended the advanced frontier and replenished the treasury by collecting *yasak*, or tribute, in furs.

In 1622, the Monastery of the Assumption of the Virgin was founded, the first in the town, with the Church of the Resurrection attached to it. The monastery did not exist for long, and at the end of the eighteenth century the wooden cathedral became a parish church, giving its name to the territory on which the town arose.

The banks of the Tom were fast being settled. By the end of the 1620s, the *posad* on the mountain was too small for its population, and in 1630 the governor, Prince Pyotr Priklonsky, built a new *posad* beneath the mountain and enclosed it with a timber stockade.

A wooden building lasts a hundred years, then the inevitable process of disintegration starts. However, far from every wooden structure has the luck to reach a venerable age. Fire, wood's fiercest enemy, shortens its already brief existence, devouring not only separate buildings but also whole blocks; sometimes only ashes remain where once there was a bustling town. How did Tomsk avoid this fate?

In 1639 the first enclosed fortress, along with its *posad*, reduced to ashes. But the town was destined to revive, the revival being facilitated by Siberia's rich timber resources and the Russians' wealth of experience as builders. From time immemorial they had inherited skill in carpentry from their forefathers, building peasant huts and mansions for tsars, raising tall churches with many cupolas and erecting unassailable fortresses. Wood was always for the Russian a living thing with its own soul. It fed and clothed, gave warmth and shelter in bad weather. Small wonder therefore that it did not die under the craftsman's axe but only acquired a new being, a new life.

The mastery of the builders of Tomsk was being perfected. In 1648, after the great fire, the governor Ossip Shcherbaty erected a citadel on Voskresenskaya Hill instead of the stockade. It represented quite a powerful fortification: two parallel walls of horizontally laid logs were at definite intervals joined by transverse walls built into them; the compartments thus formed were filled with stones and earth. The fortress existed until the end of the eighteenth century and was then pulled down as it was no longer needed: the frontiers of the Russian state had moved far to the East by then, reaching the Pacific. From the second half of the seventeenth century, the military-strategic role of Tomsk began to be replaced by an administrative and economic one, and the construction of the Siberian road in the early eighteenth century reinforced this tendency. At that time the first brick structure appeared in the town — the money stronghold in the fortress. In the second half of the eighteenth century, wooden parish churches were gradually replaced by stone ones, although up to the beginning of the nineteenth century the wooden Church of the Trinity on the site of the former fortress remained a cathedral.

In the course of the seventeenth and eighteenth centuries, the status of the town and its territorial and administrative standing changed more than once. In 1629 it became regional, and in 1708, when the Siberian Gubernia was created, it was made the principle town of a district (in 1719 it was included in Yeniseiskaya Province). From 1726 Tomsk was part of Tobolskaya Gubernia, first as district town, then from 1782 as regional town and from 1797 as area town. Finally, in 1804 it attained the rank of gubernia town and remained such up to 1924.

With its rise in status, the prosperity of the town also grew. Or, to be more precise, the former was the consequence of the latter. The trade routes and waterways that met here made Tomsk one of the most important centres of trade in the east of the Russian state. Wholesale trade and the horsedrawn transportation of goods were for 150 years, until the twentieth century, the main source of its growth and prosperity.

Throughout that long period the town remained primarily a wooden one. In 1804 Tomsk had 6,776 inhabitants and 1,508 houses of which only three were made of stone; and in 1810, 1,536 houses of which only five were of stone. Almost nothing has survived of the eighteenth-

century wooden buildings. Academician Falk, who visited the town in 1771–72, wrote that the town had in 1772 "2,274 houses, all wooden, along irregular and usually unpaved streets". He also mentioned the frequent fires in the town: "Nowhere else do fires occur so often as in Tomsk; and during my stay of a few months there the alarm was sounded ten times." Judging from old engravings of the eighteenth century, these were impressive wooden structures without any decoration. The log houses looked the more monumental because of their high ground floors, an almost indispensable structural and functional feature of the Tomsk dwelling.
The peculiarity of the town's streets was that the dwelling houses did not form a single front along the roadway but were more or less withdrawn from the building line into the courtyard. However, in contrast with old Russian town planning based on the radial-circular system, Tomsk was from its very foundation built according to a new rectilinear system with a discrete administrative centre in the form of a kremlin. With the loss of the town's military-strategic importance, the importance of the kremlin was gradually lost as well, and the distinctive regularity became even more manifest, combined with elements of sporadic development as the nature of the terrain dictated. In 1773 Tomsk got its first regular plan with a rectangular network of streets. The plan was replaced in 1830 by that of a St. Petersburg architect, V. Gueste, based on a fan-shaped pattern. Regular plans of the town introduced order into the development of its individual sectors: in some of them it was recommended that the building be primarily in stone and in others in wood.
From the late eighteenth century to the mid-nineteenth century, the town of Tomsk was built up largely in accordance with standard designs adopted to local conditions. In *Letters of a Traveller Across Siberia*, published in 1827, we read that in Tomsk "...the streets are arranged regularly, except for but a few, which contrast very much with the regularity of the best parts of the whole... Many of the houses are covered with weather-boarding and nicely painted; others are still being weather-boarded; a new bridge is being built across one branch of the Ushaika and the embankment of this river is under construction; but stone buildings represent for the most part a motley tribe and bad taste in architecture. The reason is the lack of artists, who are reluctant to leave the capital to go to remote provinces".
Nevertheless it was at precisely that period that a start was made in Tomsk in professional construction. With the formation of gubernias in 1804, the post of gubernia architect was instituted. While earlier plans had tended in their development to improve traditional folk architecture, in the early nineteenth century – especially between 1820 and 1840 – wide use began to be made in building practice of the methods of Russian neo-classicism. Buildings of the period that have survived – testify to the high professional skill both of the architects and the carpenters who erected the buildings.
The decoration of the structures is consistently austere. The wooden buildings of the period of neo-classicism (in Tomsk it lasted until the 1860s) are distinguished by weather-boarded façades (sometimes in imitation of large-size stone rustication) and rusticated corners; windows are adorned with cornices. The façades were often painted. In the first half of the nineteenth century there were strict regulations concerning the decoration and painting not only of the façades of residential houses but also of gateways and fences.
These strict laws, however, did not lead to aesthetic monotony, not only because the architectural albums sent from the capital had sufficient numbers of designs to choose from but also because the rules were difficult to observe owing to practical requirements that had evolved in local building and architectural methods. The demand "that private houses should be erected without any deviation from the façades approved by His Royal Highness" could not be complied with because it everywhere clashed with the stereotype of a residential house that had long existed.
In Tomsk, as in many other gubernia towns, it was prohibited until 1863 to build wooden houses of two storeys without stone foundations. As the governor-general of Western Siberia reported to the Chief Department of the Ways of Communication and Public Buildings, "the Tomsk building commission [...] does not approve façades for such construction but nevertheless, when turning its attention to local building practices in the town of Tomsk, one sees that the greater part of the houses do not corform to the façades specified in the provisions owing to the general desire of the inhabitants of the town to build houses of two storeys". This desire could be explained by the afore-mentioned peculiarity of erecting houses on high ground floors, which had originated in rural-type structures and protected their living quarters from damp. Initially serving auxiliary purposes, the ground floor gradually began to be used to live in. Even today one can see in the city one-storey buildings, with the ground floor sunk into the ground, of which old residents say that they once had two storeys.
The buildings of the neo-classical period are so located that their narrow side (with three to five windows) faces the street in order to comply with the requirement for a 25-metre space between wooden residential houses. Houses often had attic storeys, usually facing the courtyard, and here a balcony was indispensable. The attic storey made it possible to increase the useful area of the house and to a certain extent the number of storeys (the attic was not regarded as a storey), thus circumventing the building regulations.
As has already been mentioned, houses were weather-boarded and painted. The encased junctures at the corners and on the façade often imitated pilasters, sometimes fluted and ending in a capital. An invariable element of decoration for the projecting slab of the cornice was the rectangular modillion. In two-storey weather-boarded houses the tie-beams between storeys necessarily projected (it is easy enough today to distinguish originally 'encased' houses from later encasings by just this peculiarity). The street façade terminated in a gable roof, forming with the wall a triangular pediment with a tympanum which had a lucarne at the centre made to imitate rustication by applied elements. There was a cornice of simple form over the windows, and the windows were closed for the night with panelled shutters. The windows on the ground floor were always smaller than the windows on the first floor. Sometimes (very rarely) buildings with a stone ground floor and a wooden first floor had the latter covered with stucco to look like stone. The entrance to the building was almost always either in the side (southern) or in the courtyard façade.
The town still has surviving empire-style wooden mansions, although they are fewer with every passing year. These are of undoubted interest as examples of a high degree of sophistication in building, in which folk traditions, enriched with the methods of professional architecture, found worthy expression.
By the end of the neo-classical period, in 1857, Tomsk had 2,500 houses: 2,455 wooden and 45 of stone. The new building rules adopted in Russia at that time introduced considerable freedom into the strictly controlled town-building of the previous period. After the abolition of serfdom, the socio-economic situation in the country changed as well. The mode of life of the landed nobility was crumbling and being replaced by the ideology of a new class, the bourgeoisie. This found its reflection in architecture as well.
The urge to create a new style prompted builders to seek prototypes in Russian medieval pre-Petrine architecture. This found its most graphic expression in the decoration of buildings, and the use of a traditionally national ornamentation on façades. It should be mentioned that turning to the heritage of the past was more natural and convincing for wooden structures than for stone ones.
It was at that time that architecture carving in Tomsk had its origins earning well-deserved fame for the ancient Siberian city.
In the decoration of Tomsk mansions we come across the most diverse types and motifs it wood carving. The earliest type is carving in depth. It was most frequently used in the treatment of corners and joints of logs on the façade surface of the wall. The main motif is an imitation column on the pilaster-like junctures covered with boards, interpreted quite freely and originally. The body of the 'column', girded with the classical ledges, is fancifully drawn. Each portion of the 'column' from ledge to ledge is filled with a plant design, acanthus leaves most frequently forming the basis. The 'column' always has a base and ends in Ionic volutes. Sometimes the 'column' is covered with flutes. Between the 'columns' of the first and second storeys (two-storey buildings were erected in the main at that time) was usually placed a vase with leaves, flowers or sometimes fruit. Such are the main motifs of carving in depth. The same type of carving was used to decorate gate posts. Along with carving in depth, use was made at that time of saw carving or fretwork: it adorned the spaces between storeys and also filled the space under the cornice, forming a frieze. The number of window openings was no longer limited (the empire buildings had three, five or seven, that is, the required odd number). Reduced to 8.5 metres, the interval between the buildings allowed greater variability in the length of façade along the street, hence the increased number of windows on the main façade. Window surrounds were decorated very modestly – small garlands and rosettes in the upper part were probably all the embellishment they had.
The main type of building at that time was no longer a private residence but a two-apartment house. The ground floor was usually occupied by the owners and the first floor was let. Most buildings were still weather-boarded and painted.
In the 1880s and 1890s the décor became more refined. The ratio between the décor and the surface of the wall changed as well. This was primarily due to the increased number of windows, which were lavishly decorated with fretwork and applique carving. No less sumptuously ornamented were the terminal sections of spaces: pediments, cornices and log junctures.
A new type of building made its appearance, the tenement house, a large wooden structure of four to six flats (with five to seven rooms in each). It was usually a two-storey wooden house on a high stone socle (often inhabited), an elongated rectangle in plan, its longer side oriented to the building line. The jutting slab of the cornice was as a rule broken by two or three pediments in the form of a triangle or semicircle, whose tympanum was filled with a solar rosette in the centre of the tracery. Since buildings were losing their manorial character, the main entrance was either in the centre of the main street, façade or was shifted from the centre to the right or to the left, where annexes with flights of stairs were added to the main body. The entrance to the building was accentuated by a porch with a wooden or metal canopy over it.
The need for such buildings arose with the construction of Tomsk University, the first in Siberia, and, in particular, in connection with the construction of the Great Siberian Railway Line. Although Tomsk was away from the main line (it was linked with it in 1896), the administrative body in charge of the work was based in the town from 1893. The book *The Great Road* published in Krasnoyarsk in 1899 described the events thus:
"... the consequence of the opening of the railway administration in Tomsk has been a building boom that has affected most wealthy householders: houses large and small, stone and wooden, are being built, they are being built quickly, sometimes insecurely with the only purpose of renting them profitably as soon as possible".
Thus the changes in the appearance of the town were economically well grounded.
At the same time Tomsk was already earning the reputation of being a 'Siberian Athens' (as Lunacharsky put it). With the opening of the University in 1880 and the Technological Institute, Siberia's second higher school, in 1899, scientists, artists and architects began to come to the town. Cultural life was in full swing. Not a single architectural fad had by-passed Tomsk. They all had their impact on its architecture. The barometer of architectural fashion now worked accurately enough, and

while formerly 'retardation' of style was to be observed (Empire-style buildings were erected up to the 1860s), a very short period of time now passed between the first appearance of new-fangled structures in the capital and their erection in Tomsk. Graduates of the Academy of Arts and the Civil Engineers' Institute lived in Tomsk or designed for the town. They included A. Bruni, M. Arnold, R. Marfeld, K. Lygin, Naranovich, V. Orzheshko, A. Kryachkov, F. Gut, T. Fischel, P. Fedorovsky, and others. Their designs, not necessarily for wooden buildings, had a definite influence on the development of the architectural tastes of the townspeople and the appearance of the town as a whole, including the style of wooden structures.

The interest in Russian antiquity – from decorative carving based on national ornamental patterns (embroidery, etc.) to the erection of the fabulous multidome *terems*, or mansions, whose prototype is to be found in the Russian architecture of the seventeenth century – all this fits naturally into the contemporary professional quest for architectural inspiration.

It is, in fact, to professional influence that one can attribute the return to the primary decorative module in wooden structures – the bare log with its plastic expressiveness produced by the play of light and shade on rounded surfaces. The gay, optimistic tone achieved by the contrast between the decorative potential of powerful unfaced walls and subtly modelled carving is one of the most important merits of the wooden architecture of Tomsk. The combination of professional practice and folk tradition retains its vigour to this day.

While remaining in essence traditional, the wooden frame structure was being enriched with new plastically expressive forms. Nor did it reject the Art Nouveau forms of the early twentieth century. In Tomsk, as probably in no other city, one comes across artistically significant wooden buildings in this style.

One of the most characteristic features of the Art Nouveau style is special attention to the material, the accentuation of its aesthetic aspect. Sumptuous carved ornamentation is abandoned. Carved elements are present only where they are in keeping with the constructive logic of the building; representatives of Art Nouveau, however, do not shun purely expressive methods, introducing in architecture stylized representation of fishes, birds and animals. It is noteworthy that these motifs, integrated into the compositional fabric of Art Nouveau architecture, were borrowed not from the classical heritage but first and foremost from the local traditions of folk art, and from medieval Nordic architecture. Most strikingly this tendency can be traced in the work of architect and painter V. Orzheshko (see the house built after his design at 68, Krasnoarmeiskaya Street). The stylized horse's heads terminating the ridge of the roof have a direct analogue – the widely known wooden church in Borgund (Norway, *c.* 1150).

Plastically, façades are enriched with bay windows, loggias and balconies. The joints of these elements on the surface of the façade, for all their utilitarian designation, have clearly expressed decorative functions.

Buildings in the Art Nouveau style are most frequently not weather-boarded, the log walls remaining bare. The rhythmic pattern of the façade often contains vertical applied elements in the form of combined window surrounds for the first and second storeys, actually performing both decorative and constructive functions.

The use of the stylistic idiosyncracies of Art Nouveau design in wooden architecture required of the carpenters and joiners a high level of professional skill and perfect mastery of the material.

Craftsmen to build in wood were trained at trade schools and Sunday classes in tehnical and occupational drawing. Such a two-year school existed in Tomsk from 1883 and classes from 1885. By the beginning of the twentieth century the classes had up to 100 students. They were instructed (free of charge) by architects and painters who had received special education at higher schools in St. Petersburg and Moscow. Among those who participated in the classes' activities were architects K. Lygin and B. Tatarchuk and painters L. Bazanova, A. Kapustina, P. Tikhomirov, M. Cherepanova, N. Shvetsova, V. Rokachevsky, and A. Stepanov. Students studied drawing, composition, architectural styles, profiles, ornaments, modelling, decorative painting and other special theoretical and applied subjects.

The instructors were confident that "clumsy work will be ousted by the more mature and better work of other artisans acquainted with design and drawing", which "teach an understanding of beauty in nature and develop a taste for proper form and precision, neatness and diligence in work". While they lasted, the classes provided sound training for several dozen gifted craftsmen. Evidence of this is the houses they built, which have now been standing for a hundred years.

Architectural monuments in the Art Nouveau style were the final stage in the development of wooden architecture. While giving its due to the undoubted achievement of the architects who designed these houses (unfortunately, many of the buildings have not to this day been attributed), much credit also goes to the master-craftsmen, who were able to understand and fulfil the architects' intentions.

In 1924 Tomsk lost its status of gubernia town. The centre of the gubernia was transferred to the rapidly growing Novonikolayevsk (since 1925 Novosibirsk). New wooden construction in Tomsk almost ceased, with the exception of unpretentious one-storey wooden dwellings of the traditional type, more rural than urban.

In 1944 Tomsk Region was separated from Novosibirsk Region and made an independent territorial unit.

In post-war years wooden construction in the town has all but come to an end, great strides being made by modern industrial methods of construction.

In the past forty years Tomsk has become an important industrial, scientific and cultural centre of Western Siberia with a population of 500,000. But while in the first two decades of this period the central part of the town remained on the whole as it was at the end of the 1910s, in recent years the new development of the town, which started from the former outskirts, has reached its centre.

This process has highlighted the new, hitherto unrecognized problem of preserving the more valuable of the old buildings and adapting them for use in present-day conditions.

With the growth of the town, the concept of the town centre has changed, once peripherical areas having now become central. Equally changed is the meaning of "the town's architectural heritage", and with regard to buildings erected in the late nineteenth and the early twentieth centuries this has happened very quickly. Though as late as the 1950s the architecture of the beginning of the century was still seen as something natural and ordinary, today it is associated in our mind with a time remote and perceived as a historical environment.

That historical architecture, wooden houses in particular, should be preserved is today clear to all: it embodies the experience and aesthetic ideals of many generations of Russian people. It is, indeed, part of our history and our culture.

The more valuable sections of urban historical construction in Tomsk have been made protected zones, where the erection of modern buildings is under strict control. For the purpose of conservation, some architectural monuments are withdrawn from the housing stock and handed over to public, cultural, educational or other institutions.

That great artist, the people, always creates according to the laws of beauty, and beauty as understood by the people is at all times ability. The wooden architecture of Tomsk, including its carved architectural décor, is an incomparable living encyclopaedia of what the people understand as beautiful and useful; having passed through and preserved all stages of development – from the archaic structures of the eighteenth century to modern buildings – it represents, moreover, a history of Russian architecture in wood, the most easily obtainable and democratic of building materials.

This unique heritage is treated in Tomsk with great care. The old master-craftsman's art is destined to have a long life and, of its generosity, give people joy.

Yuri Shepelev